

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 3
Выпуск 1 **2001**

Редакционная коллегия:

Александров Д.А., Россия, кандидат биологических наук
Борейко В.Е., Украина, главный редактор
Грищенко В.Н., Украина, кандидат биологических наук, главный редактор
Данилина Н.Р., Россия
Левченко В.Ф., Россия, доктор биологических наук
Дежкин В.В., Россия, доктор биологических наук
Морохин Н.В., Россия, доктор филологических наук
Никольский А.А., Россия, доктор биологических наук
Прохорова И.А., Россия, кандидат социологических наук
Симонов Е.А., Россия
Уинер Д., США, доктор исторических наук
Штильмарк Ф.Р., Россия, доктор биологических наук
Шукуров Э.Д., Кыргызстан, доктор географических наук

Адрес редакции:

Украина,
02218, г. Киев,
ул. Радужная, 31-48

Address:

Raduzhnaya str. 31-48
02218 Kiev
Ukraine

e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Электронная версия журнала: <http://www.ln.com.ua/~kekz/human.htm>

Humanitarian Environmental Magazine

Volume 3 • Issue 1 • 2001

Edited by V.E. Boreyko & V.N. Grishchenko

Международный экологический журнал
Учредитель — Киевский эколого-культурный центр
Регистрационное свидетельство КВ 4345 от 3.07.2000 г.

Издатели — Киевский эколого-культурный центр,
Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП (**WCPA/IUCN**)

Журнал издан при поддержке Фонда МакАртуров
Редакция журнала благодарит Дугласа Уинера за материальную помощь

Компьютерный набор — Е.Д. Яблоновская-Грищенко, О.А. Яцеленко
верстка — В.Н. Грищенко
Обложка — бородач, рис. С.А. Лопарева

- © Гуманитарный экологический журнал, 2001
- © Киевский эколого-культурный центр, 2001
- © Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП, 2001
- © Humanitarian Environmental Magazine, 2001
- © Kiev ecological and cultural centre, 2001
- © World Commission on Protected Areas IUCN, 2001

ОЦЕНКА ЭСТЕТИЧЕСКИХ ДОСТОИНСТВ ПРИРОДНЫХ ЛАНДШАФТОВ УКРАИНЫ В ЦЕЛЯХ ЗАПОВЕДАНИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

К.Н. Горб

Днепропетровский национальный университет
Украина, 49044, г. Днепропетровск, просп. К. Маркса, 36, комн. 48,
e-mail: envl@melp.dp.ua

K.N. Gorb. The evaluation of aesthetic merits of Ukrainian natural landscapes for the purposes of nature reserves: methodical principles and research data. The article describes basic methodical approaches to the evaluation of several Ukrainian natural landscapes for creating on their basis nature reserves of different categories because of their esthetic merit as well as analyzes the results of applying these methods. The choice of regions and areas for this evaluation is brought out. The article reveals the essence of formal ecological-esthetic and sociological esthetic evaluations as well as of psychological-esthetic and artistic-esthetic expertise, shows the mechanism of synthesizing the results of applying each one of these types of evaluation. It also gives a “rating” of the most esthetically valuable for nature reserves landscapes and key areas of nature evaluated according to the described methodical procedure. It shows and stresses the importance of implementing into the practice of nature reserves in Ukraine specially protected natural areas of special aesthetic status.

Заповедание красоты природы – вещь вполне обычная на Западе [1], но весьма диковинная и даже “экзотичная” на постсоветском пространстве [3]. При этом нельзя оспорить, что в странах СНГ (в отличие от Западной Европы) еще сохранились отдельные “острова красоты” непревзойденной первозданной природы, воспетые в разное время классиками поэзии, живописи, художественной прозы, народного творчества, а также многими известными учеными-краеоведами в описаниях своих экспедиционных путешествий. Чудом уцелели природные “острова вдохновения”, которым грозит вполне реальное уничтожение в период рыночных преобразований. Поэтому наш долг сохранить для потомков уцелевшие участки природной красоты независимо от того, попали туда краснокнижные виды или зеленочнижные биогеоценозы, или от того, выполняют они эдификаторную функцию или нет. Чтобы окончательно не растерять Наследие Общества.

“...Самый Днепр имеет здесь неизъяснимую прелесть: в начале, освободившись от порогов и вырвавшись из узкого русла у

Кичкаса, он со страшною силою ударяется о гранитные острова и мысы и шумит, и бурлит, и высоко вздымается, а затем, разлившись на множество струй, начинает, мало-помалу, принимать спокойный вид, делается чистым, как хрусталь, светлым, как золото, и вместо стопа и рева издает какой-то приятный мелодический звон. Но еще больше величия являет из себя Днепр, когда взойдешь на один из курганов острова и взглянешь на ближайшие окрестности. Язык немеет от восторга, душа наполняется благоговением к тому, кто сложил природу в такой прекрасный узор”, – так великий украинский историк Дмитрий Иванович Яворницкий описывал природный пейзаж, открывающийся с одного из мест на самом большом в Европе речном острове Хортица более 110 лет назад ([13], с. 228-229). Сейчас отсюда открывается вид на Днепрогэс и на чудовищную картину промышленной зоны индустриального монстра Запорожья. Навсегда утерян один из важнейших в былые времена “природно-эстетических фокусов” Приднепровья, место концентрации природной красо-

ты в 30-е годы XX столетия превратилось в место концентрации ... промышленного производства.

... Чтобы определить механизм заповедания природных ландшафтов в силу их эстетических свойств, группой преподавателей и студентов Днепрпетровского национального университета под руководством автора настоящей статьи на протяжении 1997-2000 гг. по заданию Киевского эколого-культурного центра было проведено экспериментальное оценочное исследование красоты природы в разных регионах Украины, общая схема и первые эпизодические пробные промежуточные результаты которого представлены в [6]. К настоящему моменту сформировались окончательные результаты.

Всего было отснято и с помощью четырех методик оценено 89 природных пейзажей 12 “эстетических” типов (с подразделением отдельных на подтипы), выделенных по генезису преобладающих природных комплексов, дальности обзора и природному разнообразию видовых бассейнов ([4], [10]): 1) горы (*Карпаты, Крым*): а) общие горные панорамы; б) каменистые россыпи (*Карпаты*); в) субальпийские луга; г) горные ручьи и водопады; 2) долины рек: а) крупных равнинных (*Днепр*); б) малых равнинных (*Орель, Збруч*); в) горных (*Быстрица, Тербля, Озерянка*); 3) леса: а) байрачные (*остров Хортица*); б) пойменные (*Днепровско-Орельский и Каневский заповедники*); в) “надпойменные” (*буковий – заповедник “Медоборы”, грабовый – Каневский заповедник*); 4) озерные побережья; а) равнинные (*Соленый лиман в Днепрпетровской области*); б) горные (*Синевир, Озирце в Карпатах*); 5) морские побережья, малые морские острова и косы: а) крутые скалистые (*Крым*); б) пологие (*Кривая и Белосарайская косы Азовского моря*); 6) степь “классическая” (*филиал Украинского степного заповедника “Хомутовская степь”*); 7) лесостепные участки (*Каневский заповедник*); 8) овражно-балочные системы (*балка Сажавка в окрестностях Днепрпетровска, овраг Пекарский яр в*

Каневском заповеднике); 9) выходы кристаллических пород в степи (*филиал УСПЗ “Каменные могилы”*); 10) плавни и малые речные острова (*Днепровско-Орельский и Каневский заповедники*); 11) крупные речные острова (*Хортица, Шелестов в Каневском заповеднике*); 12) субтропические фитоценозы (*Никитский ботанический сад*). При этом 24 пейзажа имели дальность обзора менее 1 км, 28 пейзажей – от 1 до 10 км, остальные 37 – более 10 км.

Следует подробнее остановиться на сущности использованных методов оценки, результаты исследований по каждому из которых впоследствии были синтезированы [6].

Формальная эколого-эстетическая оценка

Каждый пейзаж оценивался на местности по четко определенным критериям (двух- или трехбалльной шкале [14]) по следующим свойствам и их группам: 1) общая внушительность (доминантность, ажурность, глубина и разнообразие перспектив, красочность, натуральность); 2) выразительность рельефа и обводненности (расчлененность рельефа, обилие долин и котловин, водных объектов, островов и полуостровов, сочетание воды и суши); 3) разнообразие растительности (лесистость, чередование залесенной и незалесенной поверхности, обилие дендроплантаций, водной растительности, разнообразие растительных сообществ); 4) выразительность фауны (встречаемость животных, их поведение, типичность для ландшафта, наличие надоедливой и “вредной” фауны); 5) звуки и запахи природы в пейзаже (выразительность запахов и звуков, присущих пейзажу); 6) разнообразие антропогенных объектов (урбанизированность, выразительность архитектурных сооружений и исторических памятников, “вписываемость” их в пейзаж); 7) экологические аспекты (общее санитарное состояние, наличие поврежденной растительности, состояние воздуха, воды, наличие особо охраняемых при-

родных объектов). Частный (по данной методике) результат оценки пейзажей рассчитывался следующим образом:

$$\alpha_i = \sum_{j=1}^n \alpha_{ij}, \text{ где}$$

α_i – частный результат общей формальной эколого-эстетической оценки i -го пейзажа ($i = \{1; m\}$, $m=89$);

α_{ij} – результат оценки i -го пейзажа по j -й группе эколого-эстетических свойств ($j = \{1; n\}$, $n=7$).

Максимальную эстетическую ценность (43 оценочных единицы), по результатам данной оценки, приобрел пейзаж панорамы острова Круглик в Каневском заповеднике.

Социологическая эстетическая оценка

Состоит в репрезентативном опросе людей, сопровождаемом альбомом фотопланшетов со снимками пейзажей, на предмет их чувственно-образного восприятия изображенных “картин природы”, а также их оценки степени необходимости заповедания данных ландшафтов в силу эстетических свойств.

С использованием 89 фотопланшетов нами было поочередно опрошено 30 человек – 15 мужчин и 15 женщин разного возраста, образования, профессий, детство и юность которых прошли в городах и селах в пределах разных природных зон – степи и лесостепи, тайги, смешанных лесов, лесотундры (этот аспект важен при оценке восприятия людьми различных видов пейзажей природы).

Каждому респонденту, помимо альбома, выдавалась анкета с определенным набором вопросов для заполнения. Первые три вопроса рассчитаны на “моральную подготовку” респондентов к работе с фотоснимками. Так, они подразумевают, во-первых, распределение респондентом (среди спектра предложенных) целей (мотиваций) создания природно-заповедных объектов по степени важности (первоочередности, при-

оритетности) для него, во-вторых, ранжирование типов природных ландшафтов по степени предпочтительности для опрашиваемого [11], в-третьих, выбор и указание своего любимого времени года, времени суток и состояния погоды.

Далее в анкете помещается таблица, заполняя которую, респондент должен оценить пейзаж каждого фотопланшета по набору качественных и количественных параметров (без учета качества снимка): во-первых, определить наиболее яркое испытываемое чувство по отношению к пейзажу (страх, успокоение, удивление и др.) и оценить степень его выраженности по 7-балльной шкале; во-вторых, отметить художественное произведение любого жанра, с которым у него прежде всего ассоциируется данный пейзаж, и указать степень выраженности данной ассоциации, оценив ее также по 7-балльной шкале; в-третьих, выбрать наиболее приемлемое, с его точки зрения, для пейзажа эстетическое свойство (например, загадочный, лирический, величественный, живописный, опасный, экзотический и др.) и степень его выраженности также оценить по 7-балльной шкале; в-четвертых, дать общую оценку (вновь по 7-балльной шкале) необходимости (важности) заповедания ландшафта в силу его эстетической ценности.

Результат оценки каждого из 89 пейзажей (фотопланшетов) в рамках данного метода рассчитывался с помощью серии формул.

Во-первых,

$$\beta_i = \sum_{k=1}^p \beta_{ik}, \text{ где}$$

β_i – частный результат социологической эстетической оценки i -го пейзажа ($i = \{1; m\}$, $m=89$);

β_{ik} – результат оценки i -го пейзажа по k -й группе оценочных операций в рамках метода социологической эстетической оценки ($k = \{1; p\}$, $p=4$).

При этом каждая группа оценочных операций состояла в следующем:

1) оценка чувств ($k=1$):

$$\beta_{i1} = \frac{\beta_{i11}}{4} + \frac{\beta_{i12}}{3} + \beta_{i13} + \frac{\beta_{i14}}{2}, \text{ где}$$

β_{i11} – оценка отрицательных активных чувств (страха, опасности, тревоги и т. д.), т. е. количество баллов, “набранных” данными чувствами по отношению к i -му пейзажу, в среднем на одного респондента

$$(\beta_{i11} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i11e}}{q}, \text{ где } \beta_{i11e} \text{ – оценочное значение (в баллах) какого-либо из данных}$$

чувств e -м респондентом ($e = \{1; q\}, q=30$));

β_{i12} – средняя (на одного респондента) оценка отрицательных пассивных чувств (расслабления, апатии, равнодушия и т. д.),

$$\text{рассчитанная аналогично } (\beta_{i12} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i12e}}{q});$$

β_{i13} – средняя (на одного респондента) оценка положительных активных чувств (радости, душевного подъема, восторга,

$$\text{восхищения и т. д.) } (\beta_{i13} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i13e}}{q});$$

β_{i14} – средняя оценка положительных пассивных чувств (успокоения, умиротворения, задумчивости, интереса и др.)

$$(\beta_{i14} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i14e}}{q});$$

2) оценка ассоциаций ($k=2$):

$$\beta_{i2} = \beta_{i21} + 0,8\beta_{i22} + 0,6\beta_{i23} + 0,4\beta_{i24} + \beta_{i25} + \frac{\beta_{i26}}{2} + \frac{\beta_{i27}}{3},$$

где β_{i21} – средняя (на одного респондента) оценка (в баллах) выраженности ассоциаций с конкретными произведениями художественной литературы (поэзии и художественной прозы), или среднее количество баллов, “набранных” данными ассоциаци-

$$\text{ями (соответственно } \beta_{i21} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i21e}}{q});$$

β_{i22} – аналогичная средняя оценка выра-

женности ассоциаций с конкретными про-

$$\text{изведениями живописи } (\beta_{i22} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i22e}}{q});$$

β_{i23} – соответственно, средняя оценка выраженности ассоциаций с конкретными произведениями народного творчества

$$(\beta_{i23} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i23e}}{q});$$

β_{i24} – оценка ассоциаций (в баллах) с конкретными произведениями музыки и

$$\text{кино } (\beta_{i24} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i24e}}{q});$$

β_{i25} – среднее (на одного опрошенного) количество указанных ассоциируемых с i -м пейзажем конкретных произведений ли-

$$\text{тературы и искусства } (\beta_{i25} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i25e}}{q}, \text{ где}$$

β_{i25e} – количество произведений, указанных e -м респондентом по отношению к i -му пейзажу);

β_{i26} – среднее (на одного респондента) количество указанных авторов (любых жанров), с произведениями которых возникает ассоциация с i -м пейзажем

$$(\beta_{i26} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i26e}}{q}, \text{ где } \beta_{i26e} \text{ – соответствующее}$$

количество “авторов e -го респондента”);

β_{i27} – среднее количество “субжанров” (например, песня, повесть, картина, комедия и т.д.), указанных респондентом для i -

$$\text{го пейзажа } (\beta_{i27} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i27e}}{q}, \text{ где } \beta_{i27e} \text{ – соот-$$

ветствующее количество “субжанров e -го респондента”).

Наличие учета в общей оценке ассоциаций двух последних параметров обуслов-

лено тем, что часто респонденты называли отдельные “субжанры” и авторов без указания конкретных произведений (например, повести Гоголя, сказки Пушкина и т.д.);

3) оценка свойств ($k=3$):

$\beta_{i3} = 2\beta_{i31} + \beta_{i32} + 0,8\beta_{i33} + 0,6\beta_{i34} + 0,4\beta_{i35} + 0,2\beta_{i36}$,
где β_{i31} – средний балл (на одного респондента) свойств величественности i -го пейзажа

($\beta_{i31} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i31e}}{q}$, где β_{i31e} – оценка (в баллах) данных свойств e -м респондентом i -го пейзажа);

β_{i32} – средний балл свойств живописности и внушительности i -го пейзажа

$$\left(\beta_{i32} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i32e}}{q} \right);$$

β_{i33} – средний балл свойств загадочности, интересности и экзотичности i -го пейзажа

($\beta_{i33} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i33e}}{q}$);

β_{i34} – средний балл свойств лиричности и спокойствия i -го пейзажа;

β_{i35} – средний балл свойств унылости i -го пейзажа;

β_{i36} – средний балл свойств опасности i -го пейзажа;

4) общая оценка для заповедания в силу эстетической ценности ($k=4$):

$$\beta_{i4} = \frac{\sum_{e=1}^q \beta_{i4e}}{q}, \text{ где}$$

β_{i4} – общая (средняя) оценка i -го пейзажа для заповедания в силу эстетических качеств;

β_{i4e} – данная оценка i -го пейзажа e -м респондентом.

Введение соответствующих коэффициентов при учете в оценке того или иного параметра обусловлено важностью данного параметра для заповедания ландшафта по эстетическим мотивам.

Наибольшего оценочного значения (63,83 оценочных единицы) по результатам использования данного метода достиг пейзаж панорамы Днепра и Каневских гор на закате Солнца, открывающийся с острова Круглик в Каневском заповеднике.

Психолого-эстетическая экспертиза

Состоит в экспертной оценке 5 докторами и кандидатами психологических наук каждого пейзажа (фотопланшета) по степени выраженности характера реакции (чувств) (страха, радости, душевного подъема и др.) у “среднестатистического перцептора”, а также об общей оценке пейзажа для заповедания в силу его влияния на общее психоэмоциональное состояние человека ([6], с. 20).

Данная оценка проводилась с помощью поочередного анкетирования экспертов с использованием альбома аналогично предыдущему методу. В качестве “предварительных подготовительных” вопросов в данном случае выступали, кроме указанных в анкете из метода социологической оценки, также и вопрос о роли фактора степени воздействия пейзажей природы на психоэмоциональное состояние человека для их заповедания, а также вопрос, предполагающий ранжирование экспертом отдельных свойств видового бассейна (панорамности, доминантности, многоплановости, композиционности, контрастности, детальности, “музыкальности”, “ароматности”) по их “вкладу” в общую его “впечатлительность” для “среднестатистического перцептора”. Впоследствии каждый планшет каждым экспертом оценивался по каждой группе чувств также по 7-балльной шкале.

Результаты оценки в данном случае рассчитывались также во многом аналогично предыдущему методу, в частности, первому его блоку (“оценка чувств”):

$$\gamma_i = \frac{\gamma_{i1}}{4} + \frac{\gamma_{i2}}{3} + \gamma_{i3} + \frac{\gamma_{i4}}{2} + \gamma_{ic}, \text{ где}$$

γ_i – частный результат психолого-эстетической оценки i -го пейзажа ($i=\{1; m\}$, $m=89$);

γ_{i1} – средний балл (на одного эксперта) отрицательных активных чувств

$$(\gamma_{i1} = \frac{\sum_{d=1}^p \gamma_{i1d}}{p}, \text{ где } \gamma_{i1d} - \text{балльное оценочное значение данных чувств } d\text{-м экспертом } (d=\{1; p\}, p=5));$$

γ_{i2} – средний балл отрицательных пассивных чувств;

γ_{i3} – средний балл положительных активных чувств;

γ_{i4} – средний балл положительных пассивных чувств;

γ_{ic} – средняя (на одного эксперта) оценка i -го пейзажа для заповедания в силу его влияния на психоэмоциональное состояние

человека ($\gamma_{ic} = \frac{\sum_{d=1}^p \gamma_{icd}}{p}$, где γ_{icd} – данная оценка d -м экспертом).

По результатам применения данного метода максимальную эстетическую ценность (14,2) приобрел пейзаж панорамы Азовского моря, наблюдаемый в безветренную солнечную погоду на его Белосарайской косе в Донецкой области.

Художественно-эстетическая экспертиза

Встречаемость художественных отражений природных пейзажей в известных произведениях литературы и искусства является одной из ключевых характеристик эстетической ценности данных ландшафтов ([12], [15] и др.). Для общей оценки данной встречаемости (в произведениях художественной литературы, живописи, народного творчества, музыки) было последовательно опрошено (с применением альбома) 5 докторов и кандидатов филологических наук, специалистов в области литературоведения и искусствоведения ([6], с.20-21). Примечательно, что участие в данной экспертизе вызвало у них чрезвычайную заинтересованность.

“Предварительный” блок вопросов дан-

ным экспертам включал, кроме аналогичных из анкеты социологической эстетической оценки, и вопрос о роли встречаемости художественных отражений пейзажей природы в литературе и искусстве для их заповедания, а также просьбу указать и проанализировать по важности учета при заповедании природных объектов 5 классических произведений разных жанров, в которых, по мнению эксперта, наиболее ярко отражены типичные ландшафты природы Украины.

При работе с фотоснимками альбома экспертам предлагалось, во-первых, оценить по 7-балльной шкале встречаемость типа каждого из пейзажей в каждом из вышеупомянутых четырех жанров литературы и искусства, во-вторых, назвать наиболее характерное, с точки зрения эксперта, произведение, в котором наиболее ярко отражен такой пейзаж, в-третьих, дать оценку (по 7-балльной шкале) пейзажа для его заповедания как в силу его отражения в известных произведениях, так и (отдельно) в силу его потенциального влияния на вдохновение творчески одаренных личностей.

Результаты данной экспертизы рассчитывались во многом аналогично второму блоку оценочных операций в рамках социологической эстетической оценки (“оценка ассоциаций”):

$$\varphi_i = \varphi_{i1} + 0,8\varphi_{i2} + 0,6\varphi_{i3} + 0,4\varphi_{i4} + \varphi_{i5} + \frac{\varphi_{i6}}{2} + \frac{\varphi_{i7}}{3} + \varphi_{ic1} + \varphi_{ic2},$$

где φ_i – частный результат художественно-эстетической оценки i -го пейзажа ($i=\{1; m\}$, $m=89$);

φ_{i1} – средний балл (на одного эксперта) встречаемости i -го пейзажа в художествен-

ной литературе ($\varphi_{i1} = \frac{\sum_{f=1}^r \varphi_{i1f}}{r}$, где φ_{i1f} – оценочное значение данной встречаемости f -м экспертом ($f=\{1; r\}$, $r=5$));

φ_{i2} – средний балл встречаемости пейзажа в живописи;

φ_{i3} – средний балл встречаемости пейзажа в народном творчестве;

φ_{i4} – средний балл встречаемости пейзажа в музыке;

φ_{i5} – среднее (на одного эксперта) количество произведений, указанных экспертами по отношению к i -му пейзажу);

φ_{i6} – среднее количество указанных экспертами авторов соответственно;

φ_{i7} – среднее количество “субжанров”, упомянутых экспертами для i -го пейзажа;

φ_{ic1} – средняя (на одного эксперта) балльная оценка i -го пейзажа для заповедания в силу его встречаемости в известных произведениях литературы и искусства;

φ_{ic2} – средняя (на одного эксперта) балльная оценка i -го пейзажа для заповедания в силу его потенциального влияния на вдохновение творчески одаренных личностей.

Максимальную оценку (29,4 оценочных единицы) в данном случае приобрел типичнейший для украинской природы пейзаж пойменного озера-старицы (реликта бывшего русла реки Днепр) с участком пойменного леса и водной растительностью в Днепроовско-Орельском заповеднике.

Наиболее часто эксперты упоминали произведения таких авторов, как Тарас Шевченко, Иван Нечуй-Левицкий, Лина Костенко, Александр Довженко, Леся Украинка и Ольга Кобылянская.

Синтез частных оценочных результатов

Чтобы выявить интегральную эстетическую ценность каждого пейзажа для заповедания, с учетом результатов оценки по каждому из описанных методов, следует данные результаты привести в сопоставимый вид, поскольку каждый из методов предполагал разные критерии оценки, и в каждом случае один пейзаж максимально мог получить разное оценочное значение [6].

Поскольку “базовые” 89 пейзажей охватывают все разнообразие природы Украины, то для такого приведения разновариантных оценочных значений в сопоставимый вид нами был принят расчет отношения оценочного значения каждого пейзажа в рамках каждого метода к среднему по всем 89 пейзажам (в рамках данного метода):

$$\bar{\alpha}_i = \frac{\alpha_i}{\alpha}; \bar{\beta}_i = \frac{\beta_i}{\beta}; \bar{\gamma}_i = \frac{\gamma_i}{\gamma}; \bar{\varphi}_i = \frac{\varphi_i}{\varphi}, \text{ где } \bar{\alpha}_i,$$

$\bar{\beta}_i, \bar{\gamma}_i, \bar{\varphi}_i$ – сопоставимые оценочные значения i -го пейзажа в рамках соответствующего метода; $\bar{\alpha}, \bar{\beta}, \bar{\gamma}, \bar{\varphi}$ – средние по всем 89 пейзажам оценочные значения в рамках определенного метода (например,

$$\bar{\alpha} = \frac{\sum_{i=1}^m \alpha_i}{m}, \text{ где } i = \{1; m\}, m=89, \text{ и т. д.}$$

В качестве интегрального оценочного значения каждого пейзажа для заповедания принята сумма всех “отношений к среднему” по каждому из четырех вариантов:

$$\mu_i = \bar{\alpha}_i + \bar{\beta}_i + \bar{\gamma}_i + \bar{\varphi}_i.$$

По результатам интегральной (синтетической) оценки “первую десятку” наиболее “пригодных” для заповедания в силу эстетической ценности пейзажей составили следующие:

- первое место ($\mu_i=5,06$) – ландшафт острова Шелестов в Каневском заповеднике;
- второе место ($\mu_i=5,02$) – общая панорама горного озера Синевир в Карпатах;
- третье место ($\mu_i=4,96$) – панорама острова Круглик в Каневском заповеднике;
- четвертое место ($\mu_i=4,95$) – фрагменты пейзажа озера Синевир и его побережья;
- пятое место ($\mu_i=4,78$) – озеро-старица с участком пойменного леса и водной растительности в Днепроовско-Орельском заповеднике;
- шестое место ($\mu_i=4,74$) – панорама долины Днепра со склона Каневских гор;
- седьмое место ($\mu_i=4,72$) – вид на Днепр и Каневские горы с острова Круглик на закате солнца;
- восьмое место ($\mu_i=4,66$) – панорама Карпатских гор со стелящимся вдоль долины реки Быстрица туманом в заповеднике “Торганы”;
- девятое место ($\mu_i=4,57$) – панорама горного озера Озирце в Карпатах в национальном парке “Синевир”;
- десятое место ($\mu_i=4,56$) – заливной луг в

долине реки Збруч на фоне товтровый гряды, покрытой сосновым лесом (“Подольская Швейцария”) в заповеднике “Медоборы” и национальном парке “Подольские Товтры”.

Наиболее низкие оценочные значения приобрели пейзажи в основном с наличием в видовом бассейне результатов деятельности склоновых геоморфологических процессов (овраги, балки, каменистые россыпи и крутые склоны в горах и т.д.), а также заболоченные местности: 89-е и 88-е места ($\mu_i=2,87$ и $3,13$ соответственно) – отдельные ответвления (отроги) балки Сажавки в окрестностях Днепропетровска; 87-е место ($\mu_i=3,18$) – заболоченный лес в долине реки Северский Донец в окрестностях города Славянгорска Донецкой области. Интересно также заметить, что крымские природные пейзажи оказались практически на порядок менее “заповедно-эстетически” значимыми, нежели карпатские: так, наиболее ценный из всех крымских пейзажей (панорама Аю-Дага, $\mu_i=4,16$) оказался на 32-м месте, тогда как из карпатских – на втором месте.

Однако, как известно, заповедать принято не пейзажи (видовые бассейны), а определенные участки территории, “вмещающие” данные пейзажи [6]. В связи с этим 89 пейзажей, оцененных нами, впоследствии были объединены в 33 так называемых ключевых участка – компактных территорий, “заключающих” от 1 до 5 оцененных пейзажей и непосредственно “подлежащих” экспериментальному заповеданию. В качестве критерия ценности для заповедания участка в силу эстетических свойств выступает, с нашей точки зрения, средний балл (на каждый пейзаж участка) интегральной эстетической оценки:

$$\mu_g = \frac{\sum_{h=1}^t \mu_{gh}}{t}, \text{ где}$$

μ_g – оценка эстетической ценности g -го участка для заповедания ($g=\{1; v\}$, $v=33$);

μ_{gh} – оценка эстетической ценности h -го (“бывшего” i -го) пейзажа g -го ключевого

участка для заповедания ($h=\{1; t\}$, t – количество оцененных пейзажей g -го участка).

По значениям μ_g сформировался “рейтинг” “заповедно-эстетической” ценности ключевых участков, в котором первую десятку образовали следующие:

- первое место ($\mu_g=5,06$, $t=1$) – остров Шелестов в Каневском заповеднике;
 - второе место ($\mu_g=4,7$, $t=5$) – побережье Днепра в Каневском заповеднике;
 - третье место ($\mu_g=4,57$, $t=1$) – горное озеро Озирце и его окрестности в национальном парке “Синевир”, Карпаты;
 - четвертое место ($\mu_g=4,46$, $t=2$) – долина горной реки Озерянки в национальном парке “Синевир”;
 - пятое место ($\mu_g=4,45$, $t=2$) – долина горной реки Терблби в Карпатах, национальный парк “Синевир”;
 - шестое место ($\mu_g=4,43$, $t=3$) – горное озеро Синевир и его окрестности;
 - седьмое место ($\mu_g=4,34$, $t=5$) – район хребта Добошанка в Карпатах, заповедник “Горганы”;
 - восьмое место ($\mu_g=4,33$, $t=1$) – горные водопады в Карпатах;
 - девятое место ($\mu_g=4,27$, $t=3$) – плавневые ландшафты Днепроовско-Орельского заповедника;
 - десятое место ($\mu_g=4,25$, $t=4$) – долина реки Збруч в заповеднике “Медоборы” и национальном парке “Подольские Товтры”.
- Минимальные оценочные значения приобрели участки:
- 33-е место ($\mu_g=2,91$, $t=4$) – пологое побережье Азовского моря;
 - 32-е место ($\mu_g=3,1$, $t=3$) – степная балка Сажавка в окрестностях Днепропетровска;
 - 31-е место ($\mu_g=3,4$, $t=2$) – горные родники на покрытых лесом крутых склонах Крымских гор.

Остальные 20 из 33 выделенных участков имеют среднюю “заповедно-эстетическую” ценность (от 4,19 в долине реки Орель до 3,46 в самой восточной в Европе буковой роще в заповеднике “Медоборы”).

Для удобства картографирования ре-

зультатов исследования 33 ключевых экспериментальных участка объединены в 7 опорных природно-эстетических районов: 1) долина реки Днепр и его притоков в Днепропетровской и Запорожской областях (7 участков); 2) южный берег Крыма и Крымские горы (6 участков); 3) долина реки Северский Донец (1 участок); 4) Украинское Приазовье (3 участка); 5) Подольские Товтры (4 участка); 6) хребет Горганы в Карпатах (8 участков); 7) Каневский природный заповедник и его окрестности (4 участка). В результате была построена карта “Интегральная оценка эстетических свойств природных ландшафтов Украины в целях заповедания” масштаба 1:2000000, где на фоне крупных единиц физико-географического районирования страны внутри каждого из очерченных опорных природно-эстетических районов отражена с помощью способа столбчатых диаграмм интегральная и покомпонентная (т.е. с указанием “вклада” в общую оценку оценки по каждому из четырех методов) оценка каждого ключевого экспериментального участка. Карта передана в Киевский эколого-культурный центр.

Как составленная карта, так и результаты исследований в целом могут служить для присвоения определенного эстетического статуса отдельным существующим или вновь создаваемым природно-заповедным объектам Украины, а также для первоочередной апробации введения в практику заповедного дела новых специализированных категорий природно-заповедного фонда эстетической направленности (например, “парк красоты дикой природы”, “пейзажная река” и т. д.). Кроме того, методические разработки в рамках данного исследования служат ценным материалом для формирования инструктивно-методического документа, показывающего механизм заповедания природных ландшафтов в силу их эстетических свойств.

Литература

1. Аналитический обзор зарубежного опыта управления национальными парками. М.: Социально-экологический союз, 1994. 1-58.
2. Борейко В.Е., Листопад О.Г. (1997): К проблеме охраны красоты в природе путем заповедания. - Запов. справа в Україні. 3 (1): 3-4.
3. Борейко В.Е. (2000): Эссе о дикой природе. К.: Киевский эколого-культурный центр. 1-148.
4. Будрюнас А.-Р.А., Эрингис К.И. (1975): Карта эстетических ресурсов ландшафта Литвы и принципы ее составления. - Экология и эстетика ландшафта. Вильнюс: Минтис. 184-197.
5. Бучко Ж.І. (1999): Особливості візуального сприйняття ландшафту як естетичної цінності. - Ландшафт як інтегруюча концепція ХХ сторіччя. Зб. наук. праць. К.: Київський університет ім. Тараса Шевченка. 170-174.
6. Горб К.Н., Крымцов А.А., Билявская Е.В., Степанова В.Н. (1999): Оценка эстетических достоинств природных ландшафтов Украины в целях заповедания: общие положения и первый опыт. - Гуманитарный экологический журнал. 1 (1): 16-22.
7. Дзикович С.А. (1998): Введение в эстетику: Учебное пособие. М.: Книжный дом “Университет”. 1-40.
8. Закон Украины о природно-заповедном фонде Украины. - Ведомости Верховного Совета Украины. 25 августа 1992 г. № 34. Ст. 502. 1130-1156.
9. Маляренко О.В. (1999): Порівняльний аналіз методів оцінки сприйняття людиною ландшафту. - Ландшафт як інтегруюча концепція ХХ сторіччя. Зб. наук. праць. К.: Київський університет ім. Тараса Шевченка. 174-178.
10. Маринич А.М., Пашенко В.М., Шищенко П.Г. (1985): Природа Украинской ССР. Ландшафты и физико-географическое районирование. К.: Наукова думка. 1-224.
11. Фролова М.Ю. (1994): Оценка эстетических достоинств природных ландшафтов. - Вестн. Моск. унта. Сер. 5. География. 2: 27-33.
12. Чехній В.М. (1999): Ландшафт як об’єкт відображення у художній літературі. - Ландшафт як інтегруюча концепція ХХ сторіччя. Зб. наук. праць. К.: Київський університет ім. Тараса Шевченка. 194-196.
13. Эварницкий Д.И. (1888): Запорожье в остатках старины и преданиях народа. СПб. 1-272.
14. Эрингис К.И., Будрюнас А.-Р.А. (1975): Сущность и методика детального эколого-эстетического исследования пейзажей. - Экология и эстетика ландшафта. Вильнюс: Минтис. 107-160.
15. Эстетика природы (К.М. Долгов, П.Д. Тищенко, Т.Б. Любимова и др.) (1994). СПб., М.: Ин-т философии РАН. 1-229.

ЧТО ТАКОЕ ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА?

С.В. Чебанов

Институт эволюционной физиологии и биохимии РАН, г. Санкт-Петербург

Человек и *Homo sapiens*

Обычно указанные обозначения рассматриваются как синонимы (лишь несколько различающиеся риторически), обозначающие одни и те же понятия. Однако, они могут рассматриваться и как нетождественные. На это, например, обращает внимание и покойный Г.П. Щедровицкий в своей неопубликованной статье под названием “О функционировании человека в структуре вида *Homo sapiens*”¹. При этом биологический вид *Homo sapiens* рассматривается как субстрат на котором может оптимальным образом реализоваться психическая, социальная, культурная и духовная сущность человека. Но это допускает и существование каких-то неоптимальных, неполных вариантов реализаций человека на других биологических субстратах.

Во-первых, можно говорить о процессе, который следовало бы назвать деантропизацией или *десапиентизацией гоминид*, включая и *Homo sapiens*. Как ни прискорбно и ни страшно говорить об этом, но видимо такой процесс имеет место тогда, когда речь идет о серьезной патологии соматки *Homo sapiens* – генетических (прежде всего, мутагенных) и тератогенных (например, под действием алкоголя) аномалиях детенышей, например, об отсутствии у них не только мозга, но и головы, или какой-нибудь органической аномалии биохимии нервной системы. В некоторых случаях такие существа (в особенности в клинических условиях) могут достаточно долго жить. Но есть ли основания называть их людьми? Могут ли они рассчитывать на спасение души как люди? Может ли кто-нибудь стать их крестными родителями с полным исполнением своих обязательств? Все эти вопросы открыты, но по крайней мере в социо-культурном и правовом аспекте они рассматриваться как люди не могут.

С другой стороны, можно говорить о сапиентизации негоминид. Это касается прежде всего млекопитающих и птиц, но также и остальных позвоночных и даже членистоногих и моллюсках (головоногих) – они поддаются дрессировке и тем самым обретают форму поведения, адекватную человеческому обществу (и даже конкретной этнической культуре).

Кроме того, можно говорить и о таких аспектах сапиентизации, как особенности поведения животных, сопровождающих человека. Так, воробьи или ласточки достаточно хорошо “знают” особенности хозяйственной деятельности человека и его повседневной жизни, а синицы даже овладевают навыком открывать тетрапаковские пакеты с молоком. Некоторые следы сапиентизации удастся усмотреть и в голосовом поведении птиц-пересмешников – попугаев, скворцов.

Особым случаем являются домашние животные, которые вообще могут перенимать достаточно многие стереотипы человеческого поведения, в качестве реципиента пользоваться человеческой речью. Особо следует отметить и возможность овладения высшими гоминидами языком глухонемых с сохранением грамматических особенностей национальных языков (исследования Гарднеров).

Наконец, появляются данные о том, что не человек приручил домашних животных, а некоторые виды животных сами “пришли” к человеку, использование образа жизни которого явилось для них формой адаптивной стратегии поведения².

В этом же контексте можно вспомнить и о христианских представлениях о том, что человек обязан проявлять душеспасительную активность по отношению к животным, точно также как он ответствен за их демонизацию. Весьма наглядно это проявляется в том, как характер собаки отража-

ет характер ее хозяев, проявляясь то в особой свирепости, то в кротости животного.

Таким образом о человеке и *Homo sapiens* можно и нужно говорить по-разному. Подобное различие можно сформулировать и в категориях православной традиции, воспользовавшись представлениями Св. Григория Паламы³.

Св. Григорий Палама различал два проявления жизни – жизнь по сущности (жизнь души) и жизнь по действию. Жизнь по сущности обладают ангелы и человек, жизнь по действию имеют люди и животные, для того, чтобы “оживотворять соединенное с ними земляное тело”; ангелы же не имеют “земляного тела” и, следовательно, не имеют жизни его оживотворяющей. *Homo sapiens* в этом аспекте является всего лишь одним из животных и обладает только жизнью по действию.

Биология человека — не биология *Homo sapiens*

На основании подобных различий можно говорить о различии биологии (частью которой является и экология) *Homo sapiens* и человека⁴.

Грубо говоря, биология *Homo sapiens* это просто биология одного из видов млекопитающих, с характеристиками, свойственными как всем представителям данного таксона, так и обладающими некоторой видовой спецификой. Биология же человека – это биологические особенности того существа, которое данной культурой рассматривается как человек.

Вопрос различения этих двух биологий был бы довольно прост, если бы характеристики биологии каждого из живых существ были бы некоторыми константами. В действительности же речь идет о соотношении двух спектров полиморфизма биологических характеристик. При этом обнаруживаются следующие их особенности.

Полиморфизм биологии *Homo sapiens* весьма значителен и в очень большой мере пересекается с полиморфизмом других живых существ. Более того, если вспомнить

представления С.В. Мейена о рефренах⁵ – полиморфических множествах, которые повторяются в разных таксонах, то оказывается, что по любому признаку биология *Homo sapiens* укладывается в полиморфический ряд других приматов, млекопитающих, позвоночных и т. д. На биохимическом же уровне вообще можно говорить об универсализме организации очень больших групп (всех гетеротрофных эукариот, всех эукариот, всех организмов вообще и т. д.). Тогда становится понятным почему при ветеринарном подходе к лечебной деятельности можно испытывать лекарства на морских свинках, учить врачей на материале вскрытия лягушек или, как предлагала одна этически озабоченная медицинская дама, публиковать данные опытов, проведенных в фашистских концлагерях как полученные на свиньях (физиология свиней и *Homo sapiens* очень сходна в некоторых отношениях).

Таким образом, полиморфизм биологии *Homo sapiens* входит в полиморфизм остальных животных.

Биологический полиморфизм человека устроен иначе.

Во-первых, в тех случаях, которые можно обсуждать в сопоставимых категориях, он несколько смещен относительно полиморфизма *Homo sapiens*. Так например, для людей свойственен более узкий спектр температур, воспринимаемых как оптимальные, социально нормирован более узкий спектр физических нагрузок. Напротив, некоторые виды духовных практик (йога) или спортивных занятий определяют расширение значения физиологических характеристик, рассматриваемых как нормальные.

Порою явные зоологические аномалии (например, ранняя слепота, как у одного из племен, живущих в долине Ганга, или деформация костей стопы, как у китайянок) могут стать социальной нормой для человека.

Наконец, здесь следует отметить и необозримое возрастание полиморфизма человека, возникающее за счет того, что совре-

менные достижения медицины дают возможность выживать индивидам с различными типами патологии (врожденной и приобретенной). Принципиально можно представить себе аналогичное возрастание степени полиморфизма у других зоологических и ботанических видов (и у домашних животных и растений это и имеет место быть; видимо это надо рассматривать как проявление сапиентизации негоминид), но его границы кончаются там, где речь идет о постоянном обслуживании протезов самим пациентом.

Во-вторых, можно говорить о некоторых принципиально новых аспектах полиморфизма человека. Так например, человек начинает изменять морфологию своего тела – производятся различные надрезы на поверхности тела, делаются дополнительные отверстия в ушах, носу, щеках, обрезается крайняя плоть, мошонка, малые половые губы или клитор, удаляется одна из молочных желез, используются колодки, кринолины, корсеты или специальные виды бинтования для деформации костей стопы, таза, позвоночника и черепа и т. д., не говоря уже о пластических операциях или операциях, связанных со сменой пола.

Кроме того, человек начинает потреблять явные яды не только для целей лечения или какого-то специализированного использования (например, решения задач психотехники), но и для повседневного пищевого или стимулирующего использования. К некоторым из них (например, антигенам, содержащимся в картофеле и других пасленовых) он адаптируется, к токсическому воздействию других возникает привыкание и даже биохимическая зависимость (например, к табаку или алкоголю). Принципиально такие же изменения могут происходить и с другими животными при тех же обстоятельствах (и с некоторым происходят – так например, известны собаки-алкоголики), но это уже следствие доместикации. Ведущая же роль в таких процессах принадлежит именно человеческому сознанию.

Наконец человек бреется, стрижется,

занимается эпиляцией, делает татуировки, что, в числе прочего, наряду с серьгами, носовыми кольцами или специальными стельками, влияет на акупунктурную систему.

Совершенно особым средством изменения биологии человека является одежда – она изменяет характер терморегуляции, определяет неспецифическое пережимание сосудов и массаж (в том числе точек акупунктуры), изменяет условия доступа воздуха и воды, определяет характер микрофлоры и т. д.

Неслучайно поэтому К. Линней⁶, который впервые включил человека в систему животного царства, в описание человека и его рас вводит характеристики одежды (как и способ политического управления и вооружения) – это именно человеческие (а не зооантропидные) характеристики биологии.

Итак, можно констатировать, что зоологический полиморфизм *Homo sapiens* весьма широк, но укладывается в рефрены полиморфизма гоминид в целом, а также всех приматов и шире млекопитающих. Полиморфизм человека же предполагает наличие многих форм, свойственных полиморфизму *Homo sapiens*, но исключает некоторые из них (например, сопряженные со значительными органическими нарушениями мозга), а к тому же открывает совершенно новые аспекты полиморфизма, связанные со спектром физиологических состояний и особенностей тела, формируемых под воздействием сознания. При этом для полиморфизма одежды как одного из компонентов таких особенностей тела построены даже рефрены⁷.

Тем самым можно утверждать что биология *Homo sapiens* связана с изучением первого спектра полиморфизма, а биология человека – второго.

При этом можно говорить, что в основе и первого, и второго аспектов полиморфизма лежит один и тот же набор элементарных морфо-функциональных структур, из которых на месте “собирается” тот или иной вариант биологии. Подобно тому как биология *Homo sapiens* приобретает определенность путем вырезания из рефрена по-

лиморфизма фрагмента, свойственного той или иной популяции, биология человека обретает определенность для того или иного этно-культурного типа. В некоторых случаях на одном и том же материале (например, в зонах совместного проживания и смешения) можно провести оба типа анализов и тогда оценить степень их несовпадения.

Итак, биология *Homo sapiens* – один из разделов зоологии, в то время как биология человека более нетривиально соотносится со сложившимися разделами биологии. По зоологии *Homo sapiens* существуют устоявшиеся руководства (естественно, под другими названиями)⁸, биология человека практически не осознана как самостоятельный предмет, а поэтому систематических работ по ней не существует. Отрывочные сведения по биологии человека можно найти в работах по культурной антропологии, истории медицины, социологии и т. д.⁹ При этом особенностью этого материала является не только его полная несистематизированность и отрывочность, но и сомнительность и необработанность – факты не отделены от мнений и даже предрассудков, предания и былички от традиционных концепций, предвзятые мнения и научный скептицизм от парадигмальных шор и т. д.

Экология человека и экология *Homo sapiens*

Поскольку экология является частью биологии, то соотношение экологии человека и экологии *Homo sapiens* должно быть таким же как соотношение биологии человека и биологии *Homo sapiens*. Однако, сделать такое утверждение довольно сложно хотя бы потому, что их предметы также не различены, а к тому же достаточно расплывчато даже то, что можно было бы отнести к экологии *Homo sapiens*.

То, что ныне в профессиональных (не публицистических) работах относится к биологии человека, охватывает такие проблемы как изучение экологической ситуации в городах, исследование последствий хозяйственной деятельности, оценке степе-

ни благоприятности среды обитания и т.д. Иногда такие публикации содержат весьма специализированную информацию по эпидемиологии, медицинской статистике, тератологии, мутабельности (в том числе индуцированной) *Homo sapiens* и сопутствующих ему микроорганизмов и т. п. Казалось бы это вполне профессиональный, приемлемый для эколога, материал. Однако, за такими сухими выкладками частенько следуют какие-нибудь вполне “публицистические” сентенции, в которых явно выражены ценностные ориентации. При этом, тем не менее, не эксплицируются основания для таких ценностных суждений, которые, по-существу, призваны лишь законсервировать привычное положение дел.

Таким образом, даже в этих – лучших по своей вразумительности – работах по сути дела имеет место беспорядочное смешение совершенно разных позиций: профессиональной позиции эколога и основанной на здравом смысле позиции носителя обыденного сознания.

В той мере, в которой в данных работах представлена позиция эколога, она de facto является позицией зоологической. Привносимые же обыденным сознанием ценностные ориентации в явном виде содержат то или иное представление о природе человека – психической, социо-культурной или даже духовной. Рефлексия подобных представлений является основанием для смешения интересов экологов за пределы экологии как раздела биологии. При этом можно отметить по крайней мере два направления таких смещений.

Первое из них явно представлено в появившейся недавно телевизионной рекламе “Гринпис”, в которой говорится о том, что после ядерной войны жизнь на Земле не погибнет – останутся более совершенные (экологически) чем человек, существа – низшие, прежде всего, прокариотические, организмы (в первую очередь сине-зеленые водоросли). Тем самым осознается, что сохранение человека с его культурой – проблема не экологическая, что становится доступным и обыденному сознанию¹⁰.

Второе заключается в расширении предмета экологии и рассуждениях об экологии культуры, экологии души или духа и т. д.

Достаточно проблематичным может показаться различение экологии человека и экологии *Homo sapiens*, если не принять изложенные основания их различения и утверждать, что коль скоро производится рассмотрение экологических последствий производства артефактов (сельскохозяйственных культур, промышленных производств и изделий, жилищ, произведений искусства и т. д.), то это уже и есть биология человека (а не *Homo sapiens*). Но продолжая эту логику, следует рассматривать в качестве биологии человека и биологию всех домашних животных и растений, а также грызунов, птиц и насекомых, сопутствующих ему и живущих в возведенных человеком сооружениях (т. е. всех организмов, которых касается процесс сапиентизации – см. выше). Но так или иначе, экологические процессы, связанные с артефактами, – примечательная черта как экологии *Homo sapiens*, так и экологии человека. Тем не менее, представляется целесообразным различать и даже противопоставлять их. При этом биология человека предполагает рассмотрение биологии такого существа, которое пользуется артефактами по-человечески, а не по-звериному. Примером последнего будет, скажем, использование храма в качестве курятника (ситуация обычная в Советском Союзе).

Небезынтересно задуматься и над другим вопросом – а какова экология человека как духовного существа?¹¹ Этот вопрос не лишен смысла. В этом случае удастся покрыть практически все смыслы, вкладываемые в понятие “экология” (включая экологию культуры, души, Духа). Однако, очевидно, что в этом случае несмотря на то, что будут использоваться категории и аппарат традиционной экологии, обсуждать придется сюжеты совершенно несвойственные стандартной биологической экологии. Хотя при этом можно попытаться рассмотреть особенности экологии людей разных вероисповеданий, тем не менее имеющий-

ся для этого материал крайне фрагментарен даже по сравнению с данными по биологии человека, отличной от биологии *Homo sapiens*.

Экологии двуногих без перьев

Итак, можно говорить по крайней мере о трех типах экологии тех, кого следуя Платону можно назвать двуногими без перьев – экологии *Homo sapiens*, экологии человека и экологии человека как духовного существа.

Эти три типа экологии дополняют и проясняют друг друга, хотя и разработаны в несопоставимо разной степени: экология *Homo sapiens* наиболее разработана как раздел зоологии, экология человека весьма фрагментарна, а экология духовного человека вообще представлена какими-то отрывочными сведениями. Такая несопоставимость материала, а кроме того, неуместность здесь сколько-либо систематического изложения зоологической экологии *Homo sapiens* определяет то, что далее будет рассмотрено несколько проблем экологии *Homo sapiens* в сопоставлении с экологией человека и там, где это будет уместно, такое сопоставление будет дополнено данными по духовной экологии человека. Некоторые из приводимых соображений при этом могут показаться чудовищными для эколога, да и биолога вообще, но суть обсуждаемого предмета требует высказать их.

Некоторые проблемы экологии двуногих без перьев

Положение в трофической цепи. С экологической точки зрения *Homo sapiens* является универсальным, в значительной мере вторичным консументом. Это означает что *Homo sapiens* питается другими живыми существами, в том числе теми, которые, в свою очередь, едят других живых существ. Более того, двуногие без перьев являются и конечным консументом – их никто не ест в заметных количествах, а их трупы лишь разлагаются редуцентами. Та-

ким образом, экология *Homo sapiens* находится в конце пищевой цепи на вершине пирамиды биомасс, так что численность его популяции не очень велика по сравнению с теми, кого он ест. В силу же нахождения в конце пищевой цепи анализ отходов жизнедеятельности *Homo sapiens* позволяет реконструировать состояние всей трофической цепи, что имеет очень большую ценность для диагностики состояния биоценоза. Но в силу тех же обстоятельств *Homo sapiens* является конечным потребителем и всех токсических веществ, которые накопились по всей пищевой цепи, оказываясь, таким образом, весьма уязвимым. Очеловечивание помогает уклоняться от включения в такие цепи, концентрация токсинов в которых особенно велика, а аскетическая практика одухотворенного человека вроде бы позволяет и нейтрализовать такие токсины.

Человек меняет структуру пищевых цепей, в которые включен *Homo sapiens*. Так, он начинает заниматься растениеводством и животноводством, что создает дополнительные петли в пищевой цепи. Благодаря животноводству он в большой мере становится преимущественно вторичным плотоядным консументом, удаляясь от в основном растительной диеты высших гоминид.

Изменяет характер пищевых цепей и каннибализм. Только он обеспечивает осязаемое поедание двуногих без перьев. Однако в истории последних тысячелетий наблюдается некоторое ограничение по крайней мере признания каннибализма как нравственной и социальной нормы. В этом можно усмотреть одно из немногих проявлений нравственного прогресса. Примечательно, что отказ от каннибализма – факт чисто нравственный, не имеющий биологических предпосылок, поскольку тело человека, в отличие от тел некоторых других животных, не содержит специальных веществ – антиканниболитов, являющихся ядами для своих сородичей.

Напротив, духовно-мистические практики предписывают укорочение пищевой цепи, будь то рекомендации потребления первичных консументов – акрид или даже огра-

ничение питания только растительными продуктами, то есть продуцентами. При этом согласно преданию, некоторые праведники, будучи младенцами, даже отказывались по средам и пятницам от грудного материнского молока.

Homo sapiens является практически универсальным консументом, то есть может поедать почти все растения и почти всех животных. Человек же существенно ограничивает круг поедаемых им организмов. При этом пищевые предписания и запреты носят этно-культурный и религиозный характер. В некоторых случаях за ними стоят вполне понятные экологические, фенологические, географические и прочие естественно-научные основания, в других прояснить их природу удастся только на основании довольно сложных культурно-типологических реконструкций¹², некоторые вообще остаются непостижимыми¹³.

У человека существует еще один тип пищевых ограничений – ограничения не только на потребляемые продукты, но и на форму потребления этих продуктов. Те или иные продукты потребляются в определенной культуре в виде *блюдов*, которые, к тому же, должны потребляться культурно-нормативными способами¹⁴. В противном случае вполне качественные продукты подлежат уничтожению или используются низшими сословиями.

Экологически такая ситуация весьма примечательна. Дело в том, что такое более тонкое “нарезание” пищевого ресурса обеспечивает в конечном счете более полное его использование. Благодаря этому появляется большое количество пищевых отбросов, которые служат пищей не только для домашних животных, но и животных, сопутствующих человеку – домашних грызунов и насекомых, воробьев и одичавших голубей и т. д. В известной мере это обеспечивает сосуществование разных социальных и культурных групп самих людей.

Эта ситуация имеет и еще одно измерение. Дело в том, что среди биологических атрибутов человека можно выделить несколько групп по их “аподиктичности”.

Нужды – самый жесткий тип необходимости. Неудовлетворенность нужд несовместима с биологической жизнью. Именно нужды удовлетворяются в столь экстремальных условиях, что в них приходится забывать о большинстве значимых для человека социо-культурных нормативов (есть объедки или мышей, спать в навозе, носить одежду прогивоположного пола и т. д.). *Потребности* – социально нормативный способ реализации нужд и могут быть биологически неоптимальными (например, во многих странах к числу потребностей относится потребность в табаке, более того, табак рассматривается как нужда в боевых условиях в армии наряду с водой и минимумом еды). *Желания* регулируются типологическими и групповыми нормативами, а их удовлетворение определяет степень психологического комфорта. *Прихоти* индивидуальны и об их удовлетворении заботиться сам человек или лица интимно с ним связанные социо-витальными отношениями¹⁵.

С учетом этого можно сказать, что экология питания *Homo sapiens* адекватна только в отношении пищевых нужд. Потребности в еде, желания иметь ту или иную еду будут характеризовать экологию питания человека. Прихоти могут серьезно рассматриваться либо в экологии человека, либо, при дополнительных обстоятельствах, в экологии духовного человека, но чаще с ними приходится встречаться у одичавшего человека, который лишен культуры и пресыщен, так что скорее может описываться в терминологии аномалий зоологической экологии питания. С другой стороны, потребление пищи в форме блюд предполагает ориентацию хотя бы на удовлетворение потребностей, а если такая возможность отсутствует и речь идет об удовлетворении нужды в пище, то в действие вступают механизмы экологии *Homo sapiens*. В этом случае могут употребляться неправильно приготовленные или поданные блюда и объедки.

Голозойность питания. Характеристикой экологии питания *Homo sapiens*, как и подавляющего числа всех животных, явля-

ется наличие у него голозойного питания (свойственного большинству свободноживущих консументов). Голозойное питание представляет собой такой способ питания, при котором данное живое существо поглощает тело другого живого существа (растения или животного) или его части как некоторое твердое тело.

Альтернативами голозойному питанию является питание осмотическое, при котором всасываются готовые питательные вещества (что свойственно грибам и многим паразитам) и автотрофное питание (прежде всего, фотосинтез продуцентов), при котором органические вещества синтезируются из неорганических.

Осмотическое питание свойственно и двуногим без перьев – именно так питаются они (как и все остальные млекопитающие) тем, что получают через плаценту в утробе матери¹⁶. Но у человека появляется еще одна ситуация подобного питания – в случае внутривенного введения питательных растворов, что широко используется в лечебной практике, что, в числе прочего, требует и создания самостоятельной отрасли био-медицинской промышленности (новый класс артефактов). С точки зрения выстраивания пищевых цепей, этот способ питания скорее напоминает паразитизм или наружное пищеварение, сходное с пищеварением пауков. Примечательно при этом и то, что подобное же питание применяется и по отношению к больным животным, что является еще одним проявлением их сапиентизации (правда, пассивно-принудительной).

Значительно интереснее, прежде всего в духовном аспекте, другая возможность – обретение человеком автотрофности, в результате чего человек может оказаться в начале пищевой цепи и иметь возможность вообще никого не есть (даже продуцентов, как рекомендуется в аскетике). Определенным контрастом к этой тенденции будет то, что главное таинство христианства – евхаристия – предполагает именно голозойность питания человека.

Фантастические проекты, касающиеся

этой сферы, предполагают, например, обретение человеком способности к фотосинтезу или какой-нибудь допускающей такую возможность эндосимбиоз. Но примечательнее другое – весьма отрывочные данные о физиологии аскетов (йогов) указывают на то, что вроде бы при некоторых типах мистических практик у них появляется возможность к связыванию атмосферных азота и углекислоты, т. е. речь идет об обретении автотрофности человека. Оценивая достоверность таких сведений, следует принимать во внимание как принципиальную возможность существования таких процессов (что базируется на универсальности биохимической природы организмов), так и несоответствие общего типа обмена веществ высших животных автотрофному питанию. Но есть и другой способ объяснения подобных феноменов.

Дело в том, что ныне выясняется роль микроорганизмов, живущих в кишечнике и на коже двуногих без перьев, в синтезе ряда используемых ими веществ (например, витаминов, экзоферментов). Вполне возможно, что именно они и обеспечивают автотрофную феноменологию физиологии голозойного организма. Таким образом, речь идет уже о синэкологии *Homo sapiens* и человека. Особенно показательна при этом роль микроорганизмов в пищеварении.

Этот материал делает наглядным, что же представляет собой экология питания человека: существуют неосознаваемые этнокультурные механизмы поддержания нормы пищеварения – использование тех или иных заквасок для кисло-молочных продуктов, вина, пива, хлеба и т. д. определяется культурными традициями отдельных общин (причем часто с экзогамными браками), а не популяций *Homo sapiens*. Экологические последствия этого – бесспорный предмет экологии человека (а не *Homo sapiens*).

Экология погребения. Положение двуногих без перьев в пищевой цепи как конечных консументов акцентируется и тем, что человеку свойственно хоронить своих

покойников. Тем самым они не становятся добычей трупоедов – зверей и птиц, а действительно оказываются субстратом непосредственно для редуцентов.

Очень интересным экологически является наличие тех или иных форм погребальных обрядов. Сожжение трупов с последующим рассеянием или захоронением праха, захоронение трупа на кладбище или в доме – все это значительно влияет на характер деятельности редуцентов. Сами кладбища являются особыми урочищами со своеобразной экологией. В частности, кладбища могут быть и резервуаром болезнетворных для человека микроорганизмов (в случае захоронения покойников, страдавших инфекционными заболеваниями).

Особый вопрос – выбор кладбищенских растений, что, по-видимому, связано с тонкими вопросами посмертного существования покойных.

Примечательно, что у остальных животных чего-либо похожего на кладбища нет. Исключение составляют лишь слоны, хотя природа скоплений их останков и может быть иной. Таким образом экология погребения – вопрос экологии именно человека, причем имеющий и явно духовные аспекты.

Обращает внимание на себя и представление (безотносительно к его справедливости) о нетленности мощей как свидетельстве их святости. Если согласиться с этим и учесть обсуждавшуюся интенцию отказа от голозойного питания, то вырисовывается очень интересный экологический портрет праведника – автотроф с нетленными мощами. Это предельное сокращение трофической цепи, которое можно сопоставить только с сохранением растений в ископаемом состоянии, например папоротникообразных в каменноугольный период. Однако абсолютизировать этот образ не следует – уста человека духовного оскверняются не тем, что входит, а тем что выходит из них (ср. Мф, 9, 14-19, Лк, 2, 18-22 и др.), а нетленность мощей – вовсе не существенный признак святости.

Динамика численность популяции. Весьма интересным является вопрос и о

динамике численности популяции. Имеющиеся данные позволяют говорить о неуклонном увеличении населения Земли на протяжении всей более чем миллионлетней истории человечества. Несмотря на то, что этот рост не был монотонным, сопровождался временными уменьшениями численности населения, тем не менее уровень, вокруг которого происходит колебание численности, так и не стабилизируется, а все повышается. Для эколога это знак того, что за таким ростом должно последовать взрывообразное сокращение численности популяции. Возможно, именно это обстоятельство и является неосознанным основанием распространения эсхатологических представлений.

Тем не менее в демографической динамике можно проследить цикличность, свойственную динамике численности популяций других организмов. Наиболее наглядным механизмом циклической регуляции численности популяции является наличие хищников или иных естественных врагов. Однако, как говорилось, двуногие без перьев являются концом трофической цепи и их никто не ест. Поэтому их численность регулируется преимущественно паразитами и патогенными организмами. И действительно массовые эпидемии вносили свой значительный вклад в регуляцию численности населения по крайней мере до второй половины XIX века. Успешная же борьба с ними, в особенности после появления антибиотиков в 40-е годы XX века, определили взрывной характер роста популяции, так что за последние немногим более чем полвека население Земли возросло в пять раз.

Однако биологам известно, что у различных организмов существуют какие-нибудь реакции на возрастание плотности популяции выше определенного уровня (как и на уменьшение ниже критического), приводящие к оптимизации плотности популяции. Поэтому из общеэкологических соображений можно ожидать появление, к примеру, 4-5 видов микроорганизмов, которые будут неспецифическим образом регулировать плотность популяции. И такие организмы, по-видимому, и обнаружили себя – это

возбудители СПИДа и бешенства коров. Появились данные и об обнаружении еще одного подобного возбудителя в Африке (одном из регионов Земли, где имеется заметный прирост населения). Сходство экологии этих эпидемий и ситуаций с Содомом и Гоморрой или легендарной Атлантидой постигается даже массовым сознанием.

Но не все может быть объяснено такими очевидными экологическими моделями. Так, например, обращается внимание на необъяснимый рост численности населения Европы в первой четверти XVIII века, причем это рассматривается в широком культурном контексте таких событий, как становление европейского права (появление “О духе законов” Монтескье), изменение понимания природы живого организма или смена техники рисования¹⁷. Таким образом вопрос о динамике численности населения вводится в сферу культурных явлений и проявляет свою принадлежность к экологии именно человека.

Совершенно очевидна именно человеческая природа попыток регулирования численности населения как отдельных территорий, так и Земли в целом. Предлагаемые способы, однако, могут быть проранжированы по возвышенности – от механических контрацептивов до женского образования. Последнее оказывается столь эффективным с точки зрения сокращения рождаемости, что встает вопрос об исчезновении европейского населения даже в Европе. И здесь уместно вспомнить о поощрении чадорождения религиозным сознанием, которое, казалось бы, входит в противоречие с насущными демографическими проблемами. Однако такое сознание ориентировано скорее не на современный евро-американский стандарт потребления, а на обсуждавшийся выше образ человека-папоротника, экологическая нагрузка которого (объем потребляемых индивидом, популяцией или сообществом ресурсов и порождаемых в результате их деятельности веществ и изменений обстановок, которые требуют нейтрализации другими компонентами биосферы) на биосферу несоизмеримо ниже.

Так возникает реальная оппозиция экологии численности человека душевного и человека духовного.

Другие вопросы экологии двуногих без перьев. С тем, чтобы более полно оценить предмет экологии человека, можно перечислить еще ряд вопросов, относящихся к этой области. При этом придется ограничиться лишь краткими комментариями, построенными по уже использованной схеме: зоологическая специфика экологии *Homo sapiens*, отличие от нее экологии человека, особенности экологии, прослеживающиеся у человека духовного (там, где это уместно).

Глобализация экологических процессов – экология локальных популяций *Homo sapiens* сменяется глобальной экологией человека. В частности:

– Сложился мировой рынок сельскохозяйственной продукции, в результате чего происходит глобальная циркуляция большинства паразитов и возбудителей болезней сельскохозяйственных культур, так, что продукты, произведенные в одной части мира могут быть аллергенами для населения другой части мира.

– Глобальные миграции населения обеспечивают глобальный характер эпидемий человека и домашних животных, глобальное распространение микроорганизмов, сорняков и других сопутствующих человеку организмов.

– Подвижность населения и распространение смешанных браков и внебрачных половых контактов практически исключает возможность существования географически изолированных популяций, так что можно говорить об известном уровне глобальной панмиксии.

– Глобализация экономики позволяет перераспределять экологическую нагрузку по регионам мира. Так, развитые страны мира активно занимаются природоохранной деятельностью на своей территории, перенося экологическую нагрузку на мало-развитые страны, при том что экологическая нагрузка, создаваемая даже европейским младенцем, в несколько раз больше, чем африканским.

– Глобализация экологической нагруз-

ки является основанием для того, чтобы говорить не столько об экологии *Homo sapiens*, сколько об экологии ноосферы – экологии человечества. Одухотворение человечества позволяет говорить о духовных аспектах глобальной экологии.

Экология хозяйственной деятельности человека. Сама по себе хозяйственная деятельность – достояние человека. Говоря об ее экологических аспектах можно выделить следующие, преимущественно синэкологические, процессы:

– Преобразования биоценозов в результате создания поселений, строительства предприятий, разработки полезных ископаемых и т. д.

– Экологические последствия деятельности предприятий такие, как поглощение кислорода, выбросы отходов, рассеивание тепла, выделяемого в процессе производства. При этом не следует полагать, что даже с человеческой точки зрения такие последствия только негативные, а к тому же помнить о том, что порою эти последствия могут быть весьма нетривиальными. Так, например, основным источником избыточного по сравнению с дыханием кислорода (помимо болот) является деревообрабатывающая промышленность – пущенная в дело древесина не требует кислорода на свое разложение.

– Повышение концентрации тех или иных веществ выше ПДК как следствие хозяйственной деятельности (в промышленности, при использовании удобрений, гербицидов, инсектицидов и т. д.). Такое состояние оказывается принципиально преодолимым, поскольку, как показывает опыт, для каждого вещества находится организм, чаще микроб, способный его нейтрализовать или разложить. Проблема заключается в наличии временных и финансовых ресурсов на селекцию и интродукцию соответствующих организмов.

В некоторых случаях характер и достоверность негативных влияний на экологию таких веществ весьма проблематичны. Так, сомнительна роль фреонов в разрушении озонового слоя атмосферы – скорее дело здесь в изменении общего баланса кисло-

рода вследствие разрушения транспортными средствами покрова тундры, что создает преимущества для развития синезеленых водорослей, которые осуществляют фотосинтез без выделения кислорода.

– Негативные экологические последствия недальновидной интродукции и селекции организмов, такие как распространение кроликов в Австралии или повышение мутабельности микроорганизмов в результате непродуманного использования антибиотиков (желание предупредить нечто подобное является источником предложенной моратория на генную инженерию или озабоченности проблемой СПИДа – мутабельность ВИЧ может сделать его источником, например, воздушно-капельной инфекции, которая будет опасна для всего населения, а не только распутников или сексуальных меньшинств).

Необходимо подчеркнуть, что значительные экологические перестройки не являются неизбежными последствиями хозяйственной деятельности человека или ее высокой интенсивности. Антропогенные экологические катастрофы происходили и при низкой интенсивности хозяйственной деятельности в хрупких биоценозах (ср. антропогенную природу азиатских пустынь), но они не неизбежны и при интенсивном ведении хозяйства (например, в современном биодинамическом сельском хозяйстве¹⁸). Построение хозяйства на духовных основаниях¹⁹ призвано гармонизировать и экологическую ситуацию.

Экологические аспекты domestikации организмов. Из числа многообразных экологических проблем domestikации можно выделить несколько:

– Возделывание сельскохозяйственных растений или содержание домашних животных создает для них условия, которые можно сопоставить с удовлетворением потребностей (а не нужд, как не в агроценозах). Соответственно возникают дополнительные экологические ниши, в которых формируется сорная флора и фауна, подверженные весьма быстрой коэволюции с человеком и в особенности с близкими к ним культивируемыми видами. В результате вокруг

человека формируется ореол сопутствующих ему видов (сорняков злаков, грызунов, воробьев и т. д.).

– Сельскохозяйственная деятельность нередко является источником деградации окружающих биоценозов – усиливая эрозию, увеличивая сапробность водоемов, разрушая гнездовья и т. д.

– Сугубо человеческой является селекция декоративных форм растений, птиц (например, куриных, голубей), собак, кошек и т. д., что влечет создание специальных отраслей экономики, которые, с одной стороны, позволяют заполнить некоторые свободные экологические ниши, а с другой – порою являются формой весьма расточительного использования экологических ресурсов.

– Человек может продвигать домашних животных по трофической цепи. Так, кошек частенько кормят преимущественно рыбой, которая замещает плоть теплокровных, что является определенной формой поста. Точно также, питание собак – тоже хищников! – можно значительно сдвинуть в сторону вегетарианства. В этом контексте вспоминается и введение в XIII веке Папой Римским постов для животных. Более того, соответствующее воспитание человеком животных позволяет достичь положения, при котором кошка будет спать с собакой, что прообразует существование животных в Эдеме. Напротив, селекции свирепых пород собак демонизирует их, а выведение боевых быков или петухов делает кровожадными травоядных и зерноядных.

Итоги

Как представляется, в итоге проведенного рассмотрения удастся довольно ясно очертить область, которую уместно называть экологией (в строгом биологическом, геккелевском, смысле) человека. Эта область мыслится как некоторая оппозиция и вместе с тем дополнение экологии *Homo sapiens* как биологического вида. В некоторых случаях удастся проследить и характер изменения экологии человека, вовлеченного в духовную жизнь.

Несмотря на стандартность привлекаемых для этого представлений, возникающие в этой области проблемы порою очень непривычны для экологов. Некоторые из них столь драматичны, что практически не могут быть охвачены человеческим сознанием; они требуют ответа на предельные вопросы человеческого бытия.

Кроме этого можно говорить и о негеккелевской, метафорической экологии человека. Эта очень разнородная сфера разнобразных параэкологических изысканий, которая интересна прежде всего как точка роста новых идей. Однако, каждый раз надо разбираться в том, в какой мере возникающие области действительно относятся к экологии и не дублируют какой-либо уже сложившейся области.

Такое метафорическое понимание экологии отражает естественный процесс развития содержания понятия путем трансформации. Вместе с тем, чтобы сохранить какую бы то ни было определенность обсуждаемых проблем, нужно, по крайней мере, четко осознавать, что понимается под экологией человека в каждом конкретном случае.

При обсуждении экологии человека преднамеренно совершенно не затрагивался *экологизм* как общественно-политическое движение, вообще не имеющее по сути отношения к экологии, а к тому же перетекающий время от времени то в *зеленый фашизм*, то в *зеленое язычество*, которое, обожествляя природу, превращая ее в идол, вообще стремится исключить из нее человека, в том числе человека верующего²⁰.

Примечания

1. Георгий Петрович рассказывал мне об этой работе в начале 80-х, в конце 1995 г. в телефонном разговоре он ничего о ее судьбе сказать не мог, распорядители архива ничего об этой работе не знают.

2. Budiansky St. The Covenant of the Wild. Why Animal Chose Domestication. Rome and London, Weidenfeld & Nicolson, 1994.

3. См., напр., Киприан, архмт. Антропология Григория Паламы. Париж, Умка-Press, 1950 (главы 5-7).

4. Этому вопросу было посвящено специальное научное мероприятие - см. "Спекулятивная биология человека" Тезисы докладов Школы по теоретической биологии. Молодежное, 1.2.1993 - 5.2.1993. Vilnius, изд. АО "VLANI", 1996 (в частн., стр. 6-7).

5. Мейен С.В. Олигомеризация и полимеризация в эволюции древнейших растений // Значение процессов полимеризации и олигомеризации в эволюции. Л., ЗИН АН СССР, 1977, стр.75-77; Чебанов С.В. Концепция рефрена // Палеофлористика и стратиграфия фанерозоя. М., Геологический институт АН СССР, 1989, стр. 120-122.

6. К. Линней. Система природы. Класс 1 животного царства.

7. См. Козлова Т. В., Стрепуче Р.А., Рытвинская Л.Б., Петушкова Г.И. Основы теории проектирования костюма. Консп. лекций М., МТИ, 1980; Козлова Т. В. Художественное проектирование костюма. М., 1982. Обсуждение см.: Чебанов С.В. Представление о форме в естествознании и основания общей морфологии. // Orgaanilise vormi teoria. X teoreetilise biologia kevadkool. Tartu, TRU, 1984, стр. 25-40.

8. Напр., Харрисон Дж., Уайнер Дж., Теннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В. Биология человека. М. 1979

9. См. напр. Баранов А.В. Социальные аспекты экологии человека // Проблемы экологии человека. М., 1986; Дымшиц В.А. Лечебник на иноземцев // Спекулятивная биология человека" Vilnius, 1996; Олескин А.В. Голограмма мира // Человек, 1990, 3; Сопиков А. Деятельность сознания как детерминанта облысения головы мужчины // Знание - сила, 1995, № 8; Hoffmeyer J. The Swarming Body // Presentation at the 5th Congress of The International Association for Semiotic Studies. Berkeley, June 13-18, 1994; Hoffmeyer J, Signs of Meaning in the Universe. Bloomington & Indianapolis, 1997.

10. В целом это очень жесткая позиция экологов, которые ради сохранения биосферы готовы пойти даже на уничтожение человечества (об экологическом экстремизме см. напр., Лютикова Г.В. Экологический терроризм в Финляндии // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 6. М., 1991). Подчеркну, не обсуждая идеологию "Гринпис", что позиция автора принципиально от нее отличается.

11. Под духовностью понимается практически все феномены, попадающие, например, в поле зрения книги: Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1910. Более детальное обсуждение природы духовности, свойственной

разным вероисповеданиям и конфессиям, не соответствует задачам этой работы.

12. См., напр., Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах // *Valcapisa. Лингвистические исследования*. М.: "Наука", 1979, стр. 234-298.

13. Так, в Книге Бытия дается список животных, которых заповедано есть человеку. Этот список шокирует своей непостижимой логикой. В иудаизме эти животные рассматриваются как кошерные. Непостижимость же логики некоторыми комментаторами рассматривается как демонстрация мудрости Давшего Завет.

14. Подробнее об этом см. Чебанов С.В. а) Культурный статус колбасных изделий // *Знание-сила*, № 8, 1995 Стр. 23-24; б) Биологические основания социального бытия // *Очерки социальной философии*. Очерк 8. СПб, СПбГУ, 1998. Стр. 201-227.

15. Социо-витальные отношения связывают социально нормированным способом соматику людей. Таковы отношения людей в семье, врача и пациента, повара и едока и т. д., в противоположность спонтанным, мало регулируемым отношениям людей в небольшой очереди, во время аффективных реакции и т. д., и жестко регламентированным социальным отношениям при дистантном управлении (например, авиа-

диспетчеров). Такие отношения были описаны Э.Д. Азарх и С.Г. Кордонским в первой половине 80-х годов; результаты этой работы внедрены в практику реабилитации лиц с психическими расстройствами, однако не опубликованы. Ср. Баранов А.В. Социальные аспекты экологии человека // *Проблемы экологии человека*. М., 1986. Подробнее см. также Чебанов С.В. Биологические основания социального бытия // *Очерки социальной философии*. Очерк 8. СПб, СПбГУ, 1998. Стр. 201-227.

16. Вообще осмотическое питание характерно для начальных стадий онтогенеза многих животных, яйца которых содержат в том или ином виде запас питательных веществ.

17. Jacobs N. Revolution in plant description // *Miscellaneous papers*. 1980. No 19. P. 155-181.

18. См., напр., международные журналы "Biodynamics", "Compost".

19. См., напр., Булгаков С.Н. Философия хозяйства (разные издания).

20. См. Лютикова Г.В. Экологический терроризм в Финляндии // *Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения*. Вып. 6. М., 1991; Чебанов С. Что такое экологизм и как с ним бороться? // *Экохроника*, № 3 (21), 1995. Стр. 22-23.

— А тебе ни есть, ни пить нельзя: ты у нас заповеданный!

Рис. Э.Д. Шукурова

Джон Мюир — пионер и идеолог заповедного дела США

Е.В. Поминова

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Джон Мюир (1838–1914) — основоположник заповедного дела в США, организатор американской службы национальных парков, талантливый публицист в защиту природы, основатель и президент одной из сильнейших американских экологических организаций — Сьерра-Клуба, идеолог американской охраны дикой природы и американского природоохранного движения (Борейко, Поминова, 2000).

В отличие от других титанов природоохраны — Генри Торо и Олдо Леопольда, не признанных при жизни современниками, Джон Мюир был очень популярен. Самые престижные газеты и журналы заказывали ему статьи, с ним лично поддерживал связь президент США Теодор Рузвельт. И по сей день книги Мюира переиздаются огромными тиражами. К сожалению, в СССР и на постсоветском пространстве Джон Мюир неизвестен.

Родился Джон Мюир в Шотландии. В 1849 году он эмигрировал вместе со своей семьей в Соединенные Штаты, позже поступил на курсы по химии, геологии и ботанике в университет в Висконсине. Мюир совершал длительные путешествия по всей Америке, ведя наблюдения одновременно как ученый и как энтузиаст дикой природы. Он прошел путь от Индианы до Флориды, испытал приступы малярии, перебивался случайными заработками на пляжах Кубы и путешествовал пароходом через Панамский канал в Калифорнию на протяжении одного года.

Подобно всем, кто стремился к добровольному изгнанию, его призвание требовало усердных паломничеств. “Мое первое лето в Сьерре” является ликующим восторженным журналом не о пути, а о прибытии. В этих горах Мюир нашел свой “под-

линный север”, точку на компасе, всегда притягивающую его (Muir, 1987). “Он был по-монашески скромно, не жаловался, стремился держаться в тени и быть почти незаметным. Казалось, что для Мюира не существует такой вещи, как удобство. Он охотно путешествовал без теплой одежды и проводил долгие ночи возле костра. На рассвете он варил свой чай и жевал грубый, испеченный в печи хлеб, затем он отправлялся на кручи Сьерры и поглощал взглядом все, что попадало ему на глаза” (Muir, 1987).

Для Мюира природный мир был не только лабораторией для научных исследований, но и храмом. В детстве, спасаясь от суровой жестокости отца, Джон находил утешение в лесах и лугах. Путешествуя позже, он все больше испытывал благоговение и почтение перед силой и красотой дикой природы, каждый новый шаг был для него откровением, ощущением божественности. Мюир становился религиозным человеком. Чем больше он бродил по Сьерре, и чем тщательнее он изучал щедрость природы, тем более вездесущим становился его Бог. В своих путешествиях Мюир иногда сталкивался с индейской и эскимосской культурами и ощущал соответствующее сходство их религиозных идей. “Свободные от христианского самознания, они молились природным богам и нечеловеческим созданиям” (Fox, 1981).

Этические и геологические идеи Мюира объединились в научный натурализм, подкрепленный пантеизмом. Мюир представлял себе науку, мотивированную религиозным желанием увидеть лицо Бога. Ценности и факты, таким образом, оказывались неразделимы. Можно понимать так — все, что создано Природой (Богом), лучше, чем

переделанное человеком. Этика, эстетика, наука и религия образовали объединенную систему природоохранной идеологии Мюира. *“Мюир расширил идею Эмерсона о том, что “не существует объекта настолько отвратительного, чтобы сильный свет не сделал его красивым”, применив ее к паркам и лесным заповедникам. Мюир утверждал, что “ни один из ландшафтов Природы не является уродливым постольку, поскольку он является диким”* (Norton, 1991). Это было очень важное в идеологическом плане утверждение, означавшее революционный переворот в человеческом оценивании природы. Развивая идеи своих учителей, американских философов-трансценденталистов Ральфа Эмерсона и Генри Торо, Мюир явился одним из “изобретателей” идеи дикой природы, то есть определял дикую природу как первоначально моральную, красивую и священную.

По утверждениям Мюира, дикие местности наделены мистическими способностями вдохновения и оживления. Он советовал: *“Поднимитесь в горы за добрыми вестями. Спокойствие природы все равно, что солнечные лучи на деревьях”* (Nash, 1982). Он жил, метаясь между человеческими удобствами города и святыней гор. Балансируя между тем и другим, он мог определить условия в охране природы и сделать четкий выбор. *“В дикой природе, особенно в горах, антипатия между охраной природы и современной культурой казалась такой же ясной, как воздух. Мюир верил, что любой, кто попадает на вершины Сьерры, будет помогать защищать их”* (Fox, 1981). *“Я живу только для того, чтобы открыть глаза людям на очарование природы”*, — писал Мюир в 1874 году (Nash, 1982). Приравнивая Бога и природу, он выразил желание человека слиться с миром, частью которого тот является, и примирить сверхъестественное с природным. *“Самый прямой путь во вселенную ведет через дикие леса”* (Oelschlaeger, 1991). И так же, как и для Генри Торо, интуиция была плавной дорогой к правде; его идея о ди-

кой природе формировалась на основе размышлений после непосредственных встреч с природой.

Многие биографы Мюира отмечают, что его идея о дикой природе скорее выражается более религиозно, чем философски. Действительно, когда ему еще не было 30 лет, он испытал на лоне природы религиозное преобразование, в основе которого лежало его представление о дикой природе как святом месте. Вместе с тем Мюир был одним из первых в США, кто стал проповедовать и этические взгляды по отношению к дикой природе.

Мюир, придерживаясь целиком биоцентрических позиций, пришел к убеждению, что человечество является всего лишь одним из многих природных видов, существующих в пределах взаимосвязанной общности жизни на земле, *“и что благодаря сочетанию религиозного высокомерия, экономической алчности и явного невежества, Человек-Господин слепо уничтожил эту жизнь. Идея Мюира о том, что человеческие права не более привилегированны, чем другие, расширяет значение мюировского вероотступничества за пределы пантеизма. Эта идея была настолько далеко идущей, настолько не вписывающейся в основные общепринятые понятия, что и по сей день остается темой философских и экономических дебатов”* (Nash, 1982).

Широко известна история, когда Джон Мюир не позволил начальнику лесной службы США Пинчоту убить тарантула в Великом Каньоне в 1896 году, заметив, что *“он имел столько же прав находиться здесь, сколько и мы”*. Мюир пришел к важному выводу, что все в природе в первую очередь существует для себя. Все имеет свою ценность. *“И разве весь мир, земля не будут страдать, если убить хоть одно из ее созданий?”* (цит. по: Nash, 1989).

Однажды Мюир случайно набрел в канадском болоте на дикие орхидеи. Они вызвали у него слезы, ибо он знал, что эти орхидеи росли совершенно свободно, независимо от людей. Они были чем-то вне нас.

Однажды ему в голову пришла мысль, что если бы началась война между человеком и животными, то он бы предпочел остаться на стороне последних. Мюир часто употреблял фразу “права животных”. “Почему человек должен считать себя выше, чем любое другое создание на земле?”, — неоднократно спрашивал Мюир (цит. по: Nash, 1989). По его мнению, природа создала все творения для того, чтобы они были счастливы, а не чтобы один вид получал счастье за счет другого.

Мюир считал, что человечество не обладает особым статусом. “Как узко эгоистичны, как тщеславны мы в наших правах! Как слепы в отношении всех остальных созданий!” (цит. по: Oelschlaeger, 1991). Мюир пытался убедить Конгресс создать национальный парк, подобный Йеллоустонскому, но закон, набросок которого он передал, в 1876 году был отвергнут Комитетом Общественных Земель. Продолжая добиваться защиты Йосемитской долины, Мюир посылал в Конгресс свои статьи. 30 сентября 1890 года закон о Йосемитском национальном парке, втором в Америке, вместе с обоснованием Мюира, был принят обеими Палатами Конгресса. Это был первый в мире закон, сознательно разработанный в защиту природы. Акт Йосемита ознаменовал собой большой триумф, но Мюир знал по опыту, что без жесткого контроля даже защита закона не уберет природу от утилитарных инстинктов. Поэтому в 1891 году была создана “Ассоциация защиты Йосемита и Йеллоустона”. Одновременно Мюир обдумывал план по созданию государственной службы, которая “имела бы возможность сделать что-либо для природы и утешить горы” (Nash, 1982).

4 июня 1892 года адвокат Уоррен Олни и еще 27 человек учредили Сьерра-Клуб, “посвятив его исследованию, наслаждению, предоставлению доступа в район гор на Тихоокеанском побережье”. Другой важной целью нового клуба было заручиться поддержкой общества и правительства в защите лесов и других объектов Сьерры

и гор Невады. Джон Мюир единогласно избран президентом Сьерра-Клуба, пробыв на этой должности 22 года — вплоть до самой смерти. Сьерра-Клуб в скором времени стал Меккой для всех интересующихся природой и ее сохранением. Парк Йосемит и Сьерра-Клуб занимали большую часть внимания Мюира, это были плоды его многолетнего труда.

Но несмотря на достигнутые успехи, он продолжал интересоваться Федеральной программой защиты лесов, и хотя борьба за создание заповедников ни к чему не приводила, Мюир пытался реализовать свои идеи по созданию заповедных лесов под контролем лесничеств, что оставляло хоть какую-то надежду на их сохранение. Президент Теодор Рузвельт лично предложил Джону Мюиру составить ему компанию во время путешествия в Йосемит. На привязанность президента к охоте Мюир с обескураживающей искренностью говорил: “Мистер Президент, если вы собираетесь быть выше ребячества, то есть убийства животных, может быть лучше бросить это дело совсем?”. Застигнутый врасплох президент ответил: “Мюир, я думаю, вы правы” (цит. по: Fox, 1981). Одним из результатов этого похода в Сьерру была поддержка президентом новых природоохранных идей Мюира, например, заповедание Большого Каньона.

Учитывая, что события происходили в начале XX столетия, можно понять, насколько пионерскими были идеи Джона Мюира. Романтикам нужны пейзажи, определенные расположения воды, скал и деревьев. Находя такую красоту, они реагируют с энтузиазмом, а дикая, реальная природа пугает и разочаровывает их. Мюир отвергал романтическую склонность задерживаться на пейзажах и настаивал на объективной оценке природы, он сетовал на пренебрежительное отношение большинства людей к болотам или пустыням, считая, что они руководствуются условными эстетическими стандартами. Мюир один из первых предложил “три независимые аксиомы ценности — “духовной полезности”

природы, полезности для людей и божественную ценность” (Norton, 1991). Мюир, говоря сегодняшним языком экофилософов, обозначил религиозную, хозяйственную и подлинную ценности природы.

“Большинство цивилизованных людей агрессивно настроены против всего, что нельзя взвесить на весах или измерить аршином. Но мы знаем, что многое из того, что наиболее реально, не может иметь качество литого железа или проникнуть в человеческую плоть”, — говорил Джон Мюир. Его называют мистическим экологом. В конце своей жизни в “Наших Национальных Парках” он писал: “Наблюдателю горного пейзажа кажется, что он способен приобщиться к мыслям Бога, день кажется бесконечным, солнце кажется застывшим. Много шумихи поднято вокруг отрывка из Библии, повествующего о солнце, застывшем для Иисуса. Здесь вы можете узнать, что такое чудо может произойти для любого настоящего любителя гор, для любого, делающего нечто достойное действия, созерцающего на нечто достойное созерцания. Один день подобен тысяче лет, и пока вы пребываете во плоти, вы наслаждаетесь бессмертием” (цит. по: Oelschlaeger, 1991).

Как и другой титан американской идеологии природоохраны Олдо Леопольд, Джон Мюир погиб как герой, на поле битвы, защищая дикую природу.

В 1908 году был предложен план построить дамбу в каньоне Хетч Хетчи в Йосемитском национальном парке, который глубоко расколол молодые силы защиты окружающей среды. Чтобы понять лучше происходящие события, опишем коротко судьбу долины Хетч Хетчи.

Расположенный на засушливом песчаном полуострове город Сан-Франциско испытывал постоянную нехватку пресной воды. В Сьерре разрушительная деятельность ледников и реки Толумн образовала изумительную по зрелищности окруженную отвесными скалами долину Хетч Хетчи длиной в 150 миль. В 1882 году городские инженеры предложили перекрыть ее и сделать водохранилище, а также использовать

энергию падающей воды для производства электроэнергии. В 1890 году был создан Йосемитский национальный парк, куда вошла и долина Хетч Хетчи с окрестностями. В мае 1908 года секретарь Джеймс Р. Гарфильд заявил: “Использование местных возможностей для создания бассейна с запасами воды — это самая лучшая перспектива”. Джон Мюир и другие сторонники сохранения национального парка не согласились с заявлением секретаря Гарфильда, что побудило их начать общенациональную кампанию протеста против создания водохранилища. До того, как Конгресс и президент Вудро Вильсон приняли в 1913 году окончательное решение о судьбе долины Хетч Хетчи, принцип защиты дикой природы был поставлен на обсуждение. Впервые в истории Америки обсуждались два противоположных мнения: сохранение дикой природы или же изменение ее в угоду цивилизации.

Тогдашний президент США Теодор Рузвельт занимал двойственную позицию касательно судьбы долины Хетч Хетчи, что проявилось в непоследовательности его заявлений. Рузвельт объявил, что “во всех вопросах, касающихся лесов, я поддерживаю Гиффорда Пинчота [с 1905 г. — управляющий американской лесной службой и спикер утилитарной концепции консерваторов — Е.П.]”. А Пинчот одобрял преобразование долины в водохранилище. Несмотря на письмо Т. Рузвельту, присланное Дж. Мюиром в защиту долины, Президент сделал свой выбор и в 1908 году стал способствовать плану индустриального развития долины. Дж. Мюир был разочарован, но верил в то, что еще можно вызвать всеобщий протест и дать понять Рузвельту, что он ошибся, приняв решение, не посчитавшись с мнением народа. Но Дж. Мюир осознавал, что общественное мнение еще не сформировано. Поэтому сторонники сохранения национального парка сделали Хетч Хетчи эстетическим, религиозным и этическим символами, а предложение Сан-Франциско критиковали как проявление национальной корыстности и прагматичности.

Первым шагом была статья Дж. Мюира в журнале “Outlook”, где он изложил свои взгляды на эстетические ценности дикой природы. Редактор журнала Лиман Эбботт также считал ошибкой “превращать каждое дерево или каплю воды в доллары и центы”. Он сделал “Outlook” главным печатным органом движения за защиту Хетч Хетчи. Читатели журнала в основном считали, что сложившаяся ситуация — следствие урбанизации, индустриализации, “зацикленности” на пользе бизнеса. Их привлекала борьба за сохранение национальных парков потому, что позволяла совершить конкретные действия в поддержку невидимых эстетических ценностей дикой природы против очевидных утилитарных нужд людей.

Осуждающий американские приоритеты и ценности характер носили и выступления сторонников дикой природы на Сенатских слушаниях в Белом Доме в 1909 году. Эти выступления произвели глубокое впечатление на американцев.

Следующий тактический ход сторонников национального парка состоял в раскрытии духовного значения дикой природы. В их глазах долина Хетч Хетчи стала святыней или храмом. Дж. Мюир считал, что в борьбе против создания водохранилища его поддерживает Бог. Уверенность в том, что они участвуют в борьбе между добром и злом вдохновляла защитников национального парка на новые выступления против оппонентов.

Защитники Хетч Хетчи приводили множество этических, эстетических и религиозных аргументов. Они писали, что “каждому нужна красота, как хлеб, как отдых, как молитва, где природа залечивает душевные и физические раны, придает силы”. По их мнению, уничтожение заповедной долины влекло США к тому дикому состоянию, когда хорошим считается то, что можно есть. “Наверное, что-то не так происходит с человеком, если он считает, что дикая природа создана для извлечения из нее прибыли”, — заявляли другие. Джон Мюир назвал своих противников “разрушителями храмов”, которые осквернили “Бога

гор” в угоду “Всемогущему доллару”. Повсюду распространялось его заявление: “Плотина Хетч Хетчи! Плотина для резервуаров воды на месте соборов, церквей, чтобы не было больше святых храмов в сердцах людей!” (цит. по: Nash, 1982). Когда сторонники дамбы стали утверждать, что разлитое водохранилище прибавит красоты долине, один из природоохранников ехидно спросил их: “Вы можете таким же образом улучшить красоту лилии на лугу, подрисовав ее рукой?”.

Члены Клуба Аппалачей и Сьерры возглавили работу по массовому распространению литературных памфлетов, перепечатыванию статей и высказываний против плотины, обсуждению альтернативных источников воды, публикациям фотографий долины; они подключили к этой работе симпатизирующих им издателей газет и журналов. В результате даже Т. Рузвельт признал 8 декабря 1908 года, что Йеллоустонский и Йосемитский национальные парки должны охраняться как великое национальное достояние. Широкая, мощная волна протеста, основанная на поддержке ученых, натуралистов, альпинистов, путешественников в письмах, телеграммах, газетах и журналах вынудила Белый Дом в 1909 году отложить решение о строительстве водохранилища и не пропустить обращение Сан-Франциско к 60-му Конгрессу. Сторонники строительства плотины утверждали, что нельзя противопоставлять красоте природы комфорт, человеческое здоровье и даже человеческую жизнь. Принимая во внимание эти доводы, даже некоторые члены Клуба Аппалачей и Сьерры согласились, что более важными являются нужды цивилизации и поэтому организовали фракцию, поддерживающую требования города.

Сторонники строительства плотины сделали тактический ход: в противовес защитникам, ратующим за дикую неприкосновенную красоту долины Хетч Хетчи как прекрасного по зрелищности места, они выражали свою уверенность в том, что озеро не испортит, а наоборот, придаст больше красоты и привлекательности долине; дороги и тропы, которые предполагается проло-

жить, можно оформить на манер европейских озерных курортов. Этот тактический ход лишил защитников долины многих ранее им сочувствующих.

Полемика вокруг Хетч Хетчи вышла на опасный виток, когда 4 марта 1913 года администрация Вудро Вильсона заняла Белый Дом. От имени Сан-Франциско 63-му Конгрессу был представлен проект закона касательно строительства плотины. Природоохранные разослали протест в 1418 газет, чтоб ознакомить общественность со своими взглядами еще до заседания Конгресса. Р.А. Джонсон опубликовал открытое письмо к американцам, в котором назвал Хетч Хетчи “истинным храмом живого Бога” и указал на то, что менялы вновь появились в храме.

25 июня 1913 года Палата Общин по общественным землям открыла слушания по вопросу Хетч Хетчи с Гиффордом Пинчотом в качестве главного докладчика, который заявил, что необходимо “использовать каждую пядь земли и ресурсы с как можно большей пользой для людей”. Мэр г. Сан-Франциско Дж.Д. Фелан утверждал, что необходимо руководствоваться интересами и нуждами населения, испытывающего недостаток воды, а не интересами отдельных личностей, которые любят “полное одиночество и зрелище красивых гор”. В качестве представителя защитников заповедника выступил единственный докладчик — Э.Д. Уитмен, член Клуба Аппалачских гор. Он пытался доказать, что водохранилище значительно уменьшит ценность Йосемитского национального парка как оздоровительного центра и оазиса красоты. Но он не привел главный аргумент, что дикая природа — это основное у Хетч Хетчи. Поэтому мэр Сан-Франциско Дж.Д. Фелан смог придать привлекательный вид идее водохранилища: плотина будет покрыта мхом, увита виноградом и обсажена деревьями, будут оборудованы места для отдыха и пикников — эта картина, казалось, могла удовлетворить всех.

Палата Общин выслушала доклады и единодушно утвердила план строительства водохранилища. 29 августа закон получил поддержку в Белом Доме.

Дж. Мюир предлагал возглавить движение в защиту национального парка Уильяму Кенту, конгрессмену от штата Калифорния, который был сторонником сохранения дикой природы. Ранее, в 1903 году он купил несколько сот акров нетронутого красного леса в графстве Марин и подарил этот “самый прекрасный уголок дикой природы” федеральному правительству с просьбой дать имя Дж. Мюира этой территории. В 1908 году она была провозглашена Мюирским Лесным Национальным памятником природы. Сьерра-Клуб сделал У. Кента своим почетным членом. Несмотря на свои воззрения, У. Кент в вопросе о судьбе долины Хетч Хетчи сделал выбор в пользу строительства плотины: *“настоящая защита — это правильное использование, а не блокирование природных ресурсов”*. Он считал, что Дж. Мюир ошибается, поскольку лишен “чувства социальной практичности”. Тот факт, что У. Кент был широко известен как даритель Мюирского леса (а впоследствии прибавил к нему еще другие территории, участвовал в создании законопроекта по организации Национальной Службы Парков, в создании Лиги Защиты Красного Леса), придавал особый вес его мнению в вопросе о судьбе Хетч Хетчи. Мнения У. Кента и сторонников строительства плотины вызвали жесткую оппозицию. Многие их коллеги утверждали, что электростанция, производящая “дьявольский шум” и “грязный неочищаемый водоем” не могут прибавить красоты долине; *“мытьё посуды — не единственное приращение воде”*.

Но все же 3 сентября строительство плотины утверждено 183 голосами против 43 с 203 воздержавшимися. Было необходимо еще одобрение закона Сенатом и защитники долины начали отчаянную борьбу. Они планировали “засыпать Сенат письмами влиятельных граждан”. Общество сохранения национальных парков и Национальный комитет сохранения Йосемитского национального парка издали несколько брошюр, призывающих американцев писать Президенту и сенаторам. В этот период угроза уничтожения природных богатств

Хетч Хетчи стала главным национальным вопросом. Согни газет всей страны, журналы “Аутлук”, “Нэшион”, “Индепендент”, “Кольер” публиковали статьи в поддержку защитников долины. Тысячи писем получали сенаторы: от женских клубов, путешественников, спортсменов, научных обществ, колледжей, университетов, от частных лиц.

Аргументы, используемые защитниками национального парка, заключались в противопоставлении нематериальных ценностей природы и бесчувственности утилитаризма. Муниципалитету предлагали найти альтернативные источники воды и сохранить Хетч Хетчи в первозданном виде.

Сторонники долины продемонстрировали, что большинство американцев против изменений в Йосемитском национальном парке. Они с нетерпением и надеждой ожидали дебатов и решения Сената. 1 декабря 1913 года Сенат начал рассмотрение вопроса и оказалось, что большинство сенаторов сначала давало понять — они очень ценят нетронутую природу, но все же продолжали поддерживать идею плотины. Например, Ф.Б. Браундижи сказал: *“Я ценю важность сохранения красоты природы, ее творений и ландшафтов... Но защита прекрасной, романтической и яркой местности не может одержать верх над срочными и жизненно необходимыми нуждами большого количества людей”*. Некоторые сенаторы поддержали идею плотины из-за равнодушного отношения к природе, так как прибыль Сан-Франциско важнее, чем дикий парк, другие считали, что это будет способствовать развитию гидроэнергетики. Сенаторы, выступавшие против создания плотины, подчеркивали возможность нахождения другой территории под резервуар воды и необходимость сохранить “образец живой природы” данного региона. Страсти накалились и несколько вечеров подряд огни в Сенате горели до поздней ночи.

В день принятия решения, 6 декабря, сенаторы обнаружили в Палате на своих столах копии “Спешиал Вашингтон Эддишн” Сан-Франциско “Экземайне”: от-

лично выполненные рисунки показывали, как будет выглядеть долина с искусственным озером и аккуратными дорогами для автомобилей, всеми необходимыми услугами для катания на лодках “счастливых семей”. Также были опубликованы доказательства экспертов, приводивших всевозможные причины для оправдания необходимости строительства плотины. В сравнении с этим литературная кампания защитников национального парка была менее выразительной.

6 декабря около полуночи Сенат принял закон с 43 голосами за, 25 — “против”, 29 воздержавшимися или отсутствующими. Последней надеждой защитников дикой долины было президентское вето. Президент Вильсон получил множество писем, призывающих защитить Йосемитский парк. Но 19 декабря 1913 года он одобрил разрешение на строительство дамбы. Президент заявил, что законопроект лоббировался таким количеством людей, что *“я действительно старался все предусмотреть и вынужден был со всей серьезностью отнестись к решению. Я беру на себя смелость думать, что их страхи и намерения были недостаточно обоснованы”* (Nash, 1982).

Они убили меня, — узнав печальную новость, произнес Джон Мюир. Разгромленный и разочарованный, Мюир не пережил удара. Перенеся потрясение, спустя год Джон Мюир умер от сердечного приступа. Но его влияние продолжало сказываться из-за мощной сети любителей, которую создали он и его друзья в попытке остановить строительство дамбы. На эту группу можно было рассчитывать в поддержке вопросов заповедания и вести битву за защиту диких животных. Несмотря на то, что противники дамбы проиграли свою битву по спасению Хетч Хетчи, они создали мощное наследие путем развития общенационального круга сторонников и учась оказывать политическое влияние.

“Мюир является отцом американского движения за сохранение природы; его влияние проявилось в наибольшей мере в деятельности Сьерра-Клуба, в прямом вкладе в организацию первых шести на-

циональных парков, в создании радикальной общественной традиции в деле сохранения природы. Мюира лучше понимать как одного из тех редких людей, чья жизнь объединяет теорию и практику; как американского ученого, который не только размышлял, но и менял мир”, — писал американский экофилософ Макс Оелшлагер (Oelschlaeger, 1991).

В заключение следует отметить, что несмотря на то, что битва за долину Хетч Хетчи была проиграна американскими природоохранниками, они выиграли в другом. Правительство США, напуганное небывалым размахом общественной кампании в защиту долины, организованной Мюиром и его сторонниками, решило их как-то успокоить, и пошло на создание в 1916 году первой в мире государственной природоохранной организации — Службы национальных парков США (до этого американские национальные парки охранялись военными). Таким образом была претворена в жизнь еще одна идея Джона Мюира.

Литература

- Борейко В.Е. (2000): Эссе о дикой природе. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-148.
- Борейко В., Поминова Е. (2000): Зарубежные философы дикой природы. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 79-86.
- Cohen M. (1984): The pathless way. Madison.: University of Wisconsin Press.
- Fox S. (1981): The american conservation movement. John Muir and his legacy. Madison: University of Wisconsin Press. 1-380.
- Holway R. (1965) John Muir and the Sierra Club. San Francisco.
- Melham T. (1976): John Muir's wild America. Washington.
- Muir J. (1980): To Yosemite and Beyond. Writings from the years 1863-1875, Madison.
- Muir J. (1981): A thousand mile walk to the Gulf Boston.
- Muir J. (1987): My first summer in the Sierra. New York: Penguin Books.
- Nash R. (1982) Wilderness and the american mind. New Haven and London: Yale University Press. 122-141.
- Nash R. (1989): The rights of nature. Madison: University of Wisconsin Press. 1-290.
- Norton B. (1991): Toward unity among environmentalists. New York-Oxford: Oxford University Press. 1-286.
- Oelschlaeger M. (1991): The idea of wilderness. New Haven and London: Yale University Press. 172-205.
- Runte A. (1979): National Parks. The american experience. Lincoln.

Рис. Э.Д. Шукурова

ТРИ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Заповедное дело как осознанная природоохранная деятельность существует на Земле около 120 лет (если взять за точку отсчета создание первых национальных парков США, частных российских заповедников и резерватов Западной Европы). Однако, несмотря на столь значительный период, среди профессионалов заповедного дела не умолкают ожесточенные дискуссии, свидетельствующие, что многие проблемы так и остаются нерешенными. Главная причина этого мне видится в противоборстве трех основных идеологий, которых придерживаются те или иные специалисты по охраняемым природным территориям. К сожалению, изучение и развитие идеологии заповедного дела, как и идеологии охраны дикой природы в целом, является одним из наиболее узких мест теории и практики природоохраны Украины, России, других стран СНГ.

Вопросы идеологии и философии заповедного дела, ценностей охраняемых природных территорий, этического мировоззрения остаются вне интересов практически всех конференций и семинаров по заповедному делу, специальной и популярной литературы, различных предлагаемых программ и концепций заповедного дела. Все внимание по старинке уделяется биологическим исследованиям и технологии заповедного дела. Вместе с тем на Западе, в частности, в США, эта тема давно пользуется популярностью у экофилософов, биологов дикой природы, чиновников природоохранных служб. Ей посвящены, например, замечательные работы Родерика Нэша “Дикая приро-

да и американский разум” (Nash, 1982) и Макса Оелшлагера “Идея дикой природы” (Oelschlaeger, 1991).

Что же такое идеология? Идеология — это распространенная в обществе мораль, которая предполагает оценки и действия. Она мотивирует образ действий. Идеология представляет совокупность форм мышления и ценностных представлений, строится на основе разума и чувств. Идеология тесно связана с религией, этикой, философией, культурой. Разработка идеологии предполагает создание взаимно-увязанной системы правовых, религиозных, этических, эстетических и философских взглядов, идей, теорий. Идеология борется за то, чтобы ввести в определенное русло предполагаемую практику (Борейко, 2000).

В настоящее время в заповедном деле имеется три основных идеологии, которые можно охарактеризовать как 1) ресурсизм; 2) классическое заповедание; 3) экоцентризм (этика дикой природы).

Каждая из этих идеологий мотивирует создание базовых типов охраняемых природных территорий. Для ресурсизма характерны временные “ресурсные” заказники — охотничьи, лесные, рыбные.

Для классического заповедания — создаваемые навсегда “полные” заповедники и национальные парки. Экоцентризм, как молодая идеология заповедного дела еще не выработала “свою” форму охраняемых природных территорий. Скорее всего это будет что-то вроде “сверхзаповедника”; где, во-первых, запрещается любое (экономичес-

кое и неэкономическое) использование дикой природы, и, во-вторых, последней предоставлена полная свобода и автономия.

Одно из основных различий этих трех идеологий — в их этической составляющей. Ресурсизм представлен “рыночной” этикой, где главное — экономическая выгода и прагматизм (благо все, что дает прибыль). Согласно ресурсизму, заповедное дело должно являться рациональным.

Экоцентризм, наоборот, глубоко этичен, его важнейшей составляющей является этика дикой природы (наиболее радикальное направление экологической этики). Этика дикой природы требует уважения автономии, свободы дикой природы и способности диких видов самим определять ход их собственных жизней. Согласно этике дикой природы, все, что делается для защиты дикой природы — благо. Заповедное дело, основанное на идеологии экоцентризма, прежде всего морально.

Промежуточную позицию занимает классическое заповедание. В этой идеологии этическая составляющая не относится ни к этике дикой природы, ни к экологической этике. Это — этика естествоиспытателей, согласно которой все, что делается ради науки — благо. Поэтому идеология классического заповедания постоянно испытывает дуализм, она и недостаточно моральна, и не особенно рациональна. В связи с чем справедливо пишет д. б. н. А.А. Никольский — *“Мы не сможем изменить к лучшему систему ОПТ, если к растениям и животным будем относиться только как к природным ресурсам или компонентам экологических систем”* (Никольский, 2000).

Действительно, дикие виды, экосистемы — это прежде всего самоценные сущности, имеющие свою внутреннюю ценность и цель, свои интересы и моральные права, и должны охраняться прежде всего ради себя самих.

Без осознания этой истины прогресс в заповедном деле немислим.

Ресурсизм

Ресурсизм — самая ранняя модернистская идеология заповедного дела. Ресурсизм предполагает “рациональное использование природных ресурсов” в целях получения “наибольшего блага для наибольшего количества людей в течение наибольшего времени”. Согласно ему, дикая природа существует исключительно как средство для достижения целей человека. В отличие от классического заповедания и экоцентризма ресурсизм отдает приоритет материальным (экономическим) инструментальным ценностям дикой природы, например, хозяйственной. По мнению сторонников ресурсизма только рынок объективно определяет достоинство и ценность участков дикой природы, разделяя их на категории полезности. Для них дикая природа не священна, не имеет внутренней ценности, целей, интересов, не обладает моральными правами. Ресурсисты против соблюдения принципа абсолютной заповедности в заповедниках. Ресурсизм лишен какого-либо архаического чувства дикой природы как Матери-земли, какого-либо романтического отношения к дикой природе.

Ресурсизм поощряет создание охраняемых природных территорий в узко практических целях, например, охотничьих заказников для воспроизводства подорванных популяций охотничьих животных в целях их дальнейшего хозяйственного использования.

Ресурсизм имеет глубокие корни в отечественном заповедном деле. Так, первый государственный российский заповедник — Баргузинский, созданный в начале 1917 г. (по новому стилю), был организован для восстановления соболя исключительно в охотничьих целях. Долгое время на позициях

ресурсизма действовал и другой известный заповедник — Воронежский, как питомник для восстановления еще одного ценного охотничьего вида — бобра.

В 1972 г. в Мордовском заповеднике из-за пожаров выгорели большие площади лесов. И хотя пожар уничтожил не всю дикую природу, а только один из ее компонентов — лес, тогдашнее заповедное начальство, придерживающееся ресурсной идеологии, приняло недальновидное решение о расформировании заповедника.

Ресурсизм несет ответственность за акклиматизацию животных и растений в заповедниках СССР, активно проводившуюся в 1930 — 1950-х годах, за навязывание заповедникам несвойственных им задач, например, вольерное разведение животных (лосиная ферма в Печеро-Илычском, бобровая — в Воронежском, зубровый питомник и журавлиная ферма в Окском, питомник хищных птиц в “Галичьей горе”, зубровый питомник в Приоксо-Террасном и т. д.).

Практика ресурсизма порой приводила к курьезам. Так, после проверки Окского заповедника в 1954 г. Главк заповедников МСХ СССР издал приказ, в котором говорилось: *“Недопустимым является то, что искусственные дуплянки для птиц, развешиваемые в лесу, прибываются к сырорастущим деревьям большими гвоздями, в результате этого при распиловке этих деревьев в дальнейшем на лесопильной раме неизбежно приведет к поломке пил”* (Ретрокуръезы, 2000).

В настоящее время ресурсизм, как идеология заповедного дела вызывает резкую критику со стороны представителей классического заповедания и экоцентризма.

Ресурсизм опасен для дикой природы, так как согласно этой идеологии дикая природа может быть изменена, улучшена или вообще в какой-либо мере сведена к окружающей среде. Хо-

тя в настоящее время ресурсизм несколько сдал свои позиции в заповедном деле, он имеет достаточно сторонников среди чиновников различных ресурсных министерств и главков — лесного, охотничьего, водного, рыбного хозяйства, научных сотрудников их ведомственных институтов, части работников природоохранных органов, а также экономистов, которые активно привлекаются в последнее время к менеджменту охраняемых природных территорий.

К ярким поборникам ресурсизма в заповедном деле можно отнести такого известного американского природоохранника, как создатель и первый руководитель лесной службы США Г. Пинчот, известных российских охотоведов и деятелей природоохраны профессоров Г.Г. Доппельмайра, Б.М. Житкова, А.А. Силантьева, П.А. Мантейфеля, а также начальника всесоюзного главка заповедников в 1950-х годах А.В. Малиновского.

Следует также отметить, что на первых порах развития заповедного дела в СССР и в мире ресурсизм как идеология заповедного дела сыграл в целом положительную роль, однако сейчас, в связи с развитием экологии и экологической этики, он явно проигрывает экоцентризму и классическому заповеданию.

Классическое заповедание

Классическое заповедание как модернистская идеология стала популярной в заповедном деле гораздо позже, чем ресурсизм. Среди ее отечественных основоположников можно назвать таких видных российских и украинских пионеров охраны природы как академики И.П. Бородин, Е.М. Лавренко, В.Н. Сукачев, И.Г. Пидопличко, профессора В.В. Докучаев, В.И. Талиев, В.В. Спрыгин, Н.В. Шарлемань, В.Г. Аверин, В.В. Станчинский. Среди за-

рубежных пионеров охраны природы — немецкого естествоиспытателя Г. Конвенца, польского юриста Я. Павликовского, чешского биолога А. Златника, румынского М. Гушуляка, “отца” экологической этики американца О. Лепольда.

Сторонники классического заповедания, в отличие от ресурсистов, стоят на более прогрессивных этических и экологических позициях. Они воспринимают дикую природу как экосистему, где целое больше, нежели сумма частей (Реймерс, Штильмарк, 1978), утверждают, что природные системы являются координирующими областями в природных иерархиях, а виды флоры и фауны — компоненты экологических систем.

Главное отличие классического заповедания от ресурсизма состоит в том, что эта идеология заповедного дела отдает приоритет нематериальным (неэкономическим) инструментальным ценностям дикой природы — научной, эстетической, образовательной, религиозной и др., имеющим полезность для человека.

Однако все же, классическое заповедание можно приравнивать к поверхностной экологии, немногим более чем инструменту для поддержания человеческой цивилизации, а не для защиты дикой природы ради ее самой. Несмотря на то, что сторонники классического заповедания явно расширяют свои оценочные критерии дикой природы (в сравнении с ресурсистами), они продолжают аргументировать важность охраняемых природных территорий их полезностью для людей. В подтверждение этих слов перечитаем классиков: по мнению Г. Конвенца (Conwentz, 1904) охраняемые природные территории создаются для изучения природы; И.П. Бородин (1914) аргументирует их организацию педагогическими целями, Д.К. Соловьев (1918) обосновывает создание заповедников тем, что *“они сохраняют в нетронутom сравнительно*

виде природу нашего времени для самых отдаленных людских поколений”.

Сторонники классического заповедания против прямого, практически-губительного использования дикой природы (рубка леса, добыча полезных ископаемых, распашка целины, создание водохранилищ и т. д.), но не возражают против научного, религиозного, эстетического, образовательного, рекреационного или иного “мягкого” освоения. Так, они ценят красоту и священность дикой природы ради получения человеком удовольствия и религиозного опыта.

В своей парадигматической основе классическое заповедание, по мнению американского экофилософа Макса Оелшлегера (1991), остается сугубо антропоцентрическим, поскольку согласно такой идеологии дикая природа опять же (как и в случае ресурсизма) существует для удовлетворения интересов человека, а не сама для себя.

Ярким поборником классического заповедания является известный российский деятель заповедного дела д. б. н. Ф.Р. Штильмарк. Парадоксальный дуализм его позиции состоит в том, что он всегда рьяно протестуя против прямого хозяйственного освоения заповедников, тем не менее твердо уверен, что природа заповедников охраняется ради ее научного использования (Реймерс, Штильмарк, 1978, Штильмарк, 1999). То есть все равно, как средство для достижения человеческих (пусть не хозяйственных, а научных) целей.

Иначе говоря, дикая природа сторонниками классического заповедания ценится постольку, поскольку она полезна для людей, а человеческие интересы являются для них конечными арбитрами ценностей. Они не задумываются, что дикая природа, также как и человек, имеет свою внутреннюю ценность, свои цели и обладает моральными правами.

Позиции приверженцев классического заповедания неуверенны, проти-

воречивы и порой страдают от двойной морали. Так, поддерживая соблюдение принципа абсолютной заповедности в заповедниках, они, тем не менее, не возражают против добычи там животных и растений в научных целях (в одних только российских заповедниках ежегодно ради науки добывается более 10 тысяч крупных позвоночных животных!), экотуризма, студенческих практик, тушения пожаров, возникших по природным причинам.

Вместе с тем с точки зрения этики дикой природы отстрел заповедного кабана в целях браконьерских как и в целях научных, равноценно попирает права животных и нарушает заповедный режим. Однако двойная мораль сторонников классического заповедания позволяет убивать кабана научным сотрудникам заповедника, одновременно запрещая это делать браконьерам.

Приведем еще несколько примеров. В своей статье “Миссия, цели и идеология государственного природного заповедника “Керженский” его директор Е.Н. Коршунова (один из наиболее здравомыслящих современных директоров российских заповедников) пишет: “Существование участков дикой природы, их защита — хорошо само по себе <...> В заповеднике все, кроме человека, имеет право на свободную жизнь и саморазвитие”. И тут же сама себе противоречит, заявляя, что мы в заповеднике — “охраняем природу не от людей, а для людей” (Коршунова, 1999). К сожалению, автор этой статьи совершенно не задумывается о том, что имеется существенное различие между моральным поступком, когда действие “хорошо само по себе”, и поступком, который хорош, так как выгоден людям.

Или другой пример. Согласно разработкам Центра экологической политики России, одним из приоритетов сохранения биоразнообразия является “максимально возможное увеличение площадей охраняемых территорий

(для сохранения экосистем с населяющими их видами) как центров охраны, мониторинга, просвещения и рекреации” (Приоритеты, 1999). Специалист, писавший этот абзац, попал в ту же логическую ловушку, что и ранее цитируемый автор. Невозможно качественно охранять заповедную экосистему и одновременно использовать ее как центр для просвещения и рекреации.

Противоречивость идеологии классического заповедания отразилась и на современной правовой базе заповедного дела. Так, согласно Положению о государственных природных заповедниках Российской Федерации, кроме охраны природной территории на заповедники еще возложены следующие задачи:

- организация научных исследований;
- осуществление экологического мониторинга;
- экологическое просвещение;
- участие в государственной экологической экспертизе;
- содействие в подготовке научных кадров и специалистов (Положение, 1996).

Однако все эти задачи, при ближайшем рассмотрении, вступают в противоречие с первой задачей заповедников — охраной природных территорий. Так, для того, чтобы проводить эффективное экологическое просвещение, необходимо создание особой туристической и экопросветительской структуры (на манер национальных парков США), что обязательно повлечет за собой негативное воздействие на дикую заповедную природу. Это же замечание касается и “содействия в подготовке научных кадров”. Что до научных исследований в заповедниках, то своими неэкологичными и неэтичными методами они сводят к фикции все рассуждения о поддержании строгого заповедного режима в заповедниках.

По своей форме классическое заповедание имеет два основных варианта: американский и советский. Американ-

ский предполагает в качестве основной категории охраняемых природных территорий национальный парк, где за основу берутся эстетическая, образовательная, историко-культурная, рекреационная ценности дикой природы. Другими словами, дикая природа в национальных парках США стала охраняться ради просвещения и отдыха американской нации.

Поэтому структура национальных парков изначально прилаживалась под организацию отдыха посетителей. К национальным паркам прокладывались железные, а позже автомобильные дороги, сооружались туристические стоянки, различные увеселительные сооружения. Так, в Йосемитском национальном парке были построены дансинг-холлы и бары. Вместо методов научной работы рейнджеры национальных парков прекрасно владеют навыками интерпретации и экскурсионной деятельности. Все это, плюс прекрасно налаженная реклама привели к тому, что американские национальные парки стало посещать огромное количество людей — десятки миллионов в год, что, в свою очередь, негативно сказывается на дикой природе национальных парков (Nash, 1982).

“Служба национальных парков, — пишет американский эколог М. Фром, — по-моему, больше всего виновата, так как уполномочена защищать природу, как делалось раньше, и вытолкнуть закон о дикой природе. Ее лидеры кричат о том, что основа их работы та же, но на самом деле оказывается, что они стремятся принести природу в жертву развлечениям, например, катаниям на снегу, и развитию коммерции” (Frome, 1995). Американский эко-философ Д. Тернер (Turner, 1998) критикует американские национальные парки за их три главных принципа — контроль над природой, управление природой и создание развлечений для людей.

Следует отметить, что подобное тре-

вожное положение сложилось и с канадскими национальными парками, где из-за экотуризма деградируют охраняемые экологические системы (Why..., 1999).

В СССР за основу была взята научная ценность заповедной дикой природы. Поэтому стали создаваться заповедники, где дикая природа охранялась ради научных исследований, в связи с чем в заповедниках организовывались специальные научные отделы.

Если опасность рекреационного и образовательного использования заповедных участков дикой природы (по американскому варианту) широко признается и обсуждается в отечественной и зарубежной литературе, то об издержках и вреде для дикой природы от научного освоения заповедников (по советскому варианту) у нас предпочитают молчать. В связи с чем я позволю себе остановиться на философских и практических аспектах этой проблемы подробнее.

Действительно, классическое заповедание как идеология заповедного дела поощряет научное использование заповедной дикой природы, целью чего является удовлетворение потребностей человека в удивлении и любопытстве путем приобретения научных знаний. Однако достижение научной цели так же утилитарно и антропоцентрично, как и достижение хозяйственных целей, против чего так активно выступает “классическое заповедание”.

Более того, наука часто антагонистична дикой природе своим стремлением покорить мир, подчинить его уму и воле человека. Для естествоиспытателей, работающих в заповедниках, порой не существует ничего святого, ничего невозможного, чувство благоговения перед природой исчезает — она становится для него лишь объектом экспериментирования. По большому счету, наука является одной из форм господства человека над природой.

Опасность науки для защиты дикой

природы состоит еще и в том, что наука способствует триумфу факта над ценностью. Чувствуя, что ценностные, этические соображения негативно влияют на научную объективность, ученые, как справедливо полагает американский экофилософ Юджин Харгроув (Hargrove, 1988), стали применять доктрину морального нейтралитета в отношении защиты дикой природы.

В своей недавней статье, отстаивающей необходимость широких научных исследований в заповедниках, Е. Матюшкин пишет: *“Именно в заповедниках были выполнены работы, ставшие настоящими шедеврами натуралистической зоологии”*. В качестве одного из современных примеров он ссылается на зоолога В.С. Пажетнова, который *“проделал интереснейший эксперимент со взятыми из природы медвежатами, которых он затем два летне-осенних сезона водил в природе, проследил их залегание в берлоги и многие другие, практически закрытые для человеческого глаза стороны жизни”* (Матюшкин, 2000).

Без сомнения, эта работа представляет большой научный интерес. Непонятно только, почему она должна была проводиться именно в заповеднике? Что, на незаповедной территории медведи залегают в берлоги по иному? Почему нужно обязательно “брать” из заповедной природы медвежат, нарушая таким образом право этих диких зверей на свободу. Ведь по большому счету заповедники — это чуть ли не единственные места на Земле, где юридически должны защищаться права дикой природы и ее видов на жизнь, свободу, стремление к счастью. Так нет, и здесь человек находит причины, чтобы потревожить дикую природу.

История заповедного дела знает немало грустных примеров, когда ради удовлетворения научных амбиций ученых-естественников в заповедниках уничтожались редкие виды животных

и растений, страдала вся заповедная природа. В качестве примера можно привести известный заповедник Аскания-Нова, ради повышения эффективности научных исследований превращенный одним из его руководителей профессором В.В. Станчинским в начале 1930-х годов в Степной институт, что в недалеком будущем повлекло катастрофу для заповедника.

Очень часто научные исследования, проводимые на базе заповедников, вообще не имеют никакого отношения к охране дикой природы. Так, с 1956 г. при Окском заповеднике работает Центральная орнитологическая станция *“занимающаяся разработкой методов массового отлова и мечения птиц, изучением миграций, учетом численности и добычи водоплавающей дичи в центральных районах европейской части СССР”* (Заповедники СССР, 1983).

Следует также отметить, что по сути серьезных разработок на базе советских и постсоветских заповедников (за редким исключением — что лишь доказывает этот вывод) так и не было сделано, и навряд ли будет сделано в будущем. Как правило это объясняется слабой научной базой, хронической нехваткой квалифицированных кадров и оборудования, бессистемностью научных исследований, удаленностью заповедников от крупных научных центров, отсутствием информации, никчемным финансированием.

Проблема также состоит в том, что идеология классического заповедания провоцирует постоянный конфликт между заповедником и местными жителями. Последние никак не могут уразуметь, почему им запрещено охотиться в заповеднике, а научным сотрудникам нет, почему студентам-практикантам можно бродить по заповеднику, а им — нет. Невозможно это объяснить и с позиции экологической этики.

По сути, позиция сторонников классического заповедания саморазрушаю-

щая, ибо согласно их взглядам, интересы дикой природы уступают интересам человека, а значит, заповедники всегда могут быть упразднены согласно меняющимся интересам людей. Так, украинский заповедник Конча-Заспа под Киевом был закрыт в 1934 г. из-за того, что рекреационный интерес отдыхать в заповеднике превысил научный интерес изучать природу. Парадокс их позиции состоит также в том, что позволяя использовать дикую природу заповедников для науки, экотуризма, экопросвещения, студенческих практик и т. п., они способствуют превращению природы дикой в природу окультуренную. Ведь любое, пусть самое незначительное использование территорий дикой природы в любом случае грозит обесцениванием и создает угрозу для их существования.

Люди должны понять, что главная ценность дикой природы заключается в ее естественности вне нужд человека. Дикая природа тем ценнее, чем она свободнее и независимее от нас.

Классическое заповедание — доминирующая в настоящее время идеология в заповедном деле. Ее современные сторонники в основном представлены учеными-естественниками из академических институтов, университетов, часть из них работает в природоохранных органах и экологических общественных организациях. Вместе с тем я не уверен, что в будущем идеология классического заповедания будет пользоваться такой же широкой поддержкой среди природоохранников, как сейчас.

Экоцентризм (этика дикой природы)

Постмодернистская идеология заповедного дела — экоцентризм (этика дикой природы) заявила о себе, в основном на Западе, сравнительно недавно, последние полтора-два десятилетия. Хотя у ее истоков стояли такие вид-

ные пионеры охраны природы, как американец Джон Мюир, классики российского заповедного дела профессора Г.А. Кожевников и А.П. Семенов-Тянь-Шанский. Г.А. Кожевников (1909) еще в 1908 г. на Всероссийском юбилейном акклиматизационном съезде впервые в России заявил “о праве первобытной природы на существование”. О равных с человеком моральных правах дикой природы писал и А.П. Семенов-Тянь-Шанский (1921). К сожалению, как у нас, так и в США эти глубоко этические и революционные идеи были поняты лишь спустя почти век.

В отличие от классического заповедания экоцентризм твердо заявляет, что если мы решили защищать дикие виды и экосистемы, то должны быть последовательны и не исповедовать двойную мораль: человеческие интересы и права в заповедниках должны уступить интересам и правам дикой природы, ценностям дикой жизни.

Экоцентризм подвергает сомнению видовой шовинизм: идею о том, что человечество каким-то образом превосходит дикую природу и поэтому имеет право навязывать ей свои ценности.

Экоцентристы видят дикую природу священной, имеющей внутреннюю ценность, свои цели и интересы, обладающую моральными правами.

Так же они относятся и к диким видам: как к самоценным существам, обладающими внутренней ценностью и моральными правами. Экоцентристы уверены, что любое управление, воздействие или эксплуатация (пусть только научная) заповедных участков дикой природы являются по своей сути делом неправильным (греховным).

Экоцентристы настаивают, что человеческие ценности не исчерпывают всех возможных ценностей, ибо понятие ценности включает в себя гораздо больше, нежели упрощенное удовлетворение человеческих интересов. Они ценят красоту и священность дикой природы

ради ее самой, а не для получения удовольствия или религиозного опыта.

Для сторонников эоцентризма защита дикой природы понимается прежде всего как защита ее свободы. Поэтому они поддерживают создание таких охраняемых природных территорий, где дикой природе предоставлена полная свобода, без какого-либо даже минимального научного, рекреационного, образовательного или религиозного освоения.

Свои экологические аргументы в защиту дикой природы эоцентристы подкрепляют доводами либерализма: уважение дикой природы как Совершенно Иного, защита ее прав и свобод, а также этическими доводами, используя понятие добра, долга, справедливости, совести, счастья, внутренней ценности.

Позиция сторонников эоцентризма (этики дикой природы), в отличии от приверженцев классического заповедания, не страдает дуализмом или двойной моралью. Они поддерживают принцип стремления к абсолютной заповедности в заповедниках не только на словах, но и на деле, выступая категорически против добычи в заповедниках животных и растений в научных целях, проведения там экотуризма, студенческих практик, различных регулировочных мероприятий, тушения пожаров, возникших по природным причинам.

Эоцентристы категорически возражают против рыночного оценивания ценностей дикой природы. Они ценят прежде всего внутреннюю ценность дикой природы.

Очевидно, что приоритет внутренней ценности (бесполезной для человека) над инструментальными материальными и нематериальными ценностями дикой природы (полезными для человека) является фундаментальным для понимания отличий между ресурсизмом, классическим заповеданием с одной стороны и эоцентризмом с другой (Борейко, 1999).

Несмотря на то, что эоцентризм как идеология заповедного дела полностью удовлетворяет всем требованиям защиты дикой природы, он пока не имеет достаточно сторонников. К его приверженцам можно отнести основателя глубинной экологии норвежского ученого Арне Нейса, американцев-эофилоффов: Холмса Ролстона III, Макса Оелшлегера, организатора движения “Прежде Земля!” Дейва Формэна, писателя и поэта, лауреата Пулицеровской премии Гарри Снайдера, сторонников глубинной экологии, биорегионализма, освобождения животных, а также эофеминизма.

Так, например, эофеминистки полагают, что освобождения женщин нельзя достичь без освобождения всех остальных подавляемых меньшинств, в том числе и такого меньшинства, как дикая природа. Поэтому они выступают за то, чтобы как можно больше участков дикой природы были оставлены в покое (Gaard, 1997).

К сторонникам эоцентризма принадлежит и автор этой статьи.

Несмотря на то, что позиции эоцентризма пока еще слабы в заповедном деле, я возьму на себя смелость предположить их значительное усиление в XXI веке.

Выводы

Как справедливо полагает московский ученый А.Н. Тетиор, *“односторонний взгляд на действительность ведет к необъективному, неполному представлению о ней, так как она всегда бинарно множественна”* (Тетиор, 2000). Наверное, нельзя говорить о необходимости приоритета или победы какой-либо одной из перечисленных идеологий заповедного дела над другими. Именно в их взаимодействии возможно дальнейшее развитие заповедного дела. А споры и ожесточенные дискуссии между их сторонниками — великодушный двигатель прогресса.

Литература

- Борейко В.Е. (1999): Основные этические принципы заповедного дела. - Запов. справа в Україні. 5 (2): 1-3.
- Борейко В.Е. (2000): Эссе о дикой природе. Киев. 1-148.
- Бородин И.П. (1914): Охраняйте памятники природы. СПб: Импер. Рус. Геогр. об-во. 1.
- Штильмарк Ф.Р. (1999): Таинство заповедания. - Гуман. экол. ж. 1 (1): 35-45.
- Заповедники СССР. (1983): М.: Лесн. пром-сть. 1-248.
- Кожевников Г.А. (1909): О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы. - Тр. Всерос. юбилейного акклиматиз. съезда 1908 г. в Москве. 1.
- Коршунова Е.Н. (1999): Миссия, цели и идеология государственного природного заповедника "Керженский". - Запов. вестник. № 8-9.
- Матюшкин Е. (2000): Традиции и приоритеты "заповедной науки". - Охрана дикой природы. 3: 33-36.
- Никольский А.А. (1996): Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела. - Про эко. (Бюл. Охрана дикой природы № 11). 15-17.
- Никольский А.А. (2000): Реформирование управления системой охраняемых природных территорий (ОПТ) Российской Федерации. - Заповедники и национальные парки. 30: 43-45.
- Положение о государственных природных заповедниках в Российской Федерации. - Сборник руководящих документов по заповедному делу. М.: WWF, 1996. 60-67.
- Приоритеты национальной экологической политики России. М.: Наука, 1999. 1-99.
- Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. (1978): Особо охраняемые природные территории. М.: Мысль. 1-293.
- Ретро-курьезы. - Заповедный вестник. 2000. 5: 7.
- Семенов-Тянь-Шанский А.П. (1921): Задачи момента в деле охраны природы в России. - Тр. первого Всероссийского съезда любителей мироведения. Пг. 195-197.
- Соловьев Д.К. (1918): Типы организаций, способствующие охране природы. - Сельское хозяйство и лесоводство. 256.
- Тетиор А.Н. (2000): Множество этик окружающей среды. Этика эмпатии. М.: РЭФИИ. 1-20.
- Conwentz H. (1904): Die gefährdung der Naturdenkmäler und Vorschläge zu ihrer Erhaltung. Berlin.
- Frome M. (1995): Wilderness lies work. - Wild Earth. Spring: 67-73.
- Hargrove E. (1988): Foundations of environmental ethics. New Jersey: Prentice Hall. 1-229.
- Nash R. (1982): Wilderness and the american mind. New Haven-London: Yale Univ. Press. 1-430.
- Oelschlaeger M. (1991): The idea of wilderness. New Haven-London: Yale Univ. Press. 1-477.
- Gaard G. (1997): Ecofeminism and wilderness. - Environmental ethics. 19 (1): 5-25.
- Turner J. (1996): The abstract wild. Tucson: University of Arizona Press. 1-136.
- Why are canadian parks in peril? - WCPA Newsletter. 1999. 79: 7-8.

*Памяти Михаэля Гржимека и других ученых, отдавших
свою жизнь во имя спасения дикой природы, посвящается...*

ЧЕТВЕРТАЯ ИДЕОЛОГИЯ ЗАПОВЕДНОГО ДЕЛА

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев

e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua; vgrishchenko@mail.ru

*Он отдал все, что имел, даже свою жизнь, за
то, чтобы сохранить диких животных Африки.*

Надпись на могиле Михаэля Гржимека.

Будем двигать прогресс. Думаю, что статья В.Е. Борейко вызовет немалый интерес и жаркие дискуссии. Лично я в ней нахожу целый ряд исходных положений и выводов, которые считаю ошибочными.

Наука и заповедность

В.Е. Борейко, к сожалению, исходит из определения науки как удовлетворения собственного любопытства. Но почему наука не может служить охра-

не дикой природы? Он видит только нерадивых заповедничких “мэнэсов”, занимающихся сякой-такой наукообразной деятельностью, чтобы хоть как-то оправдать получаемую зарплату. Но можно привести и множество других примеров — когда ученые платили своими жизнями за постижение истины. Согласитесь, дороговатая цена для удовлетворения тривиального любопытства. И если инквизиторам удалось сломить Галилея, то Джордано Бруно и многие другие не отrekliсь от своих идей.

Вклад Бернгарда Гржимека в мировую охрану природы трудно переоценить. Только своими книгами он привел в природоохранное движение тысячи, если не миллионы людей. На легком одномоторном самолете Б. Гржимек прилетел вместе с сыном в Восточную Африку, и сын, увы, остался там навечно. Михаэль погиб, когда самолет столкнулся в воздухе с грифом... Он не катался и не любовался пейзажами. С самолета проводились учеты копытных и изучались пути их миграций. Благодаря этому и появился всемирно известный национальный парк Серенгети.

Можно вспомнить Джой Адамсон, Льва Каптанова и многих других, но суть не в конкретных именах. Не только любопытства ради месяц ученые грязь болот или песок пустынь, подчас рискуя жизнью. Сам прогресс в деле охраны природы стал возможен лишь благодаря их подвижнической деятельности.

В нескольких своих работах В.Е. Борейко утверждает следующее: *“Экологическая этика в определенной степени расходится с экологией. Экология говорит то, что есть. Экологическая этика — то, что должно быть. Пора определиться, в чем состоит цель заповедников, для чего они создаются: для охраны дикой природы или ради науки? Союз “и” дальше невозмо-*

жен”. (Борейко, 1998а, 1998б). Но вся штука в том, что союз “и” тут и не нужен. Без науки никакая охрана природы просто невозможна. Экология говорит не только “то, что есть”, но и как достичь того, “что должно быть”. Охрана природы сродни медицине, только рассматривает она не отдельный организм, а системы более высокого уровня. Чего стоит здравоохранение без медицинской науки? Медики ведь изучают человеческие болячки для того, чтобы лечить людей. Ну зачем опускаться до уровня дремучего обывателя, свято уверенного в том, что хирург копается в его внутренностях лишь затем, чтобы написать диссертацию? Дал таблетку — и отвали! Увы, в жизни все несколько сложнее.

Скальпелем можно сделать операцию и спасти человеку жизнь, а можно и перерезать горло или вскрыть вены. Вопрос в том, в чьих руках он находится. Вот тут уже и нужны этические нормы. Но сами по себе они не могут заменить медицину. А ведь биоценоз, а тем более биосфера, устроены многократно сложнее, чем человеческий организм. Экология и есть анатомия и физиология биосферы, а охрана природы — биосферная медицина.

Да, наука и охрана природы далеко не всегда идут по одной дорожке. Но есть наука вообще, и есть наука об охране природы. Зачем все сваливать в одну кучу? Мелиорацию, создание гигантских каналов и водохранилищ, вырубку лесов тоже “освятили” ученые. Но при чем тут наука в заповедниках? Во время Второй Мировой войны немецкие и японские ученые проводили эксперименты на людях. Это позорное пятно, но это не повод для того, чтобы предать анафеме всю физиологию и медицину и не пускать медиков в больницы, на курорты, в санатории. Равно как “подвиги” инквизиции в прошлом — не повод, чтобы отказываться вообще от христианства.

А о том, что биологи не всегда в ладах с охраной природы, говорили давно и многие. Могу вспомнить, например, довольно-таки “ударную” статью Ф.Р. Штильмарка (1985) в журнале “Природа и человек”, выступившего против “видных” экологов, несмотря на “парадоксальный дуализм его позиции”. Опубликована она, кстати, еще до официального провозглашения гласности и перестройки.

Но точно так же не в ладах с охраной природы может быть и столь превозносимая В.Е. Борейко эстетика. Само по себе восхищение красотой живого существа еще не означает стремления его сохранить. Можно любоваться цветком и сорвав его, чем большинство людей и занимается. Именно эстетическая ценность привела к тому, что многие виды растений попали в Красную книгу (Грищенко, 1997). Да и животным немало достается — эстетическая ценность меха и перьев, например. И как быть с “эстетикой убийства”, о которой пишет А.А. Никольский (1999)? Долой эстетику ради этики?

Любой человек, достаточно близко знакомый с нашей заповедной системой, может привести тьму примеров того, как браконьерством на заповедных территориях занимались работники охраны и администрация. Что, не было “сафари” с вертолетами в некоторых российских заповедниках? Так что, из-за этого вообще отказаться от штата сотрудников и охраны территории? Да и вообще, охрана ведь сейчас осуществляется для человека, не для самой природы. Давайте, в связи с этим, ее ликвидируем, может природе от этого станет легче.

Не понимаю, зачем вообще науку противопоставлять этике. Наука должна быть этичной — вот и все. С тем же успехом этику можно столкнуть с любым другим видом человеческой деятельности. Поскольку множество людей гибнет в дорожно-транспортных

происшествиях, нужно запретить все виды транспорта. Многие чиновники берут взятки — значит нужно ликвидировать все государственные структуры. Образование наше сильно хромает в плане этики — к черту школы и университеты и т. д., и т. п.

В погоне за эффектными кадрами режиссер фильма может себе позволить сжечь живое дерево или снимать сцены гибели животных на охоте. Но никому не придет в голову снимать картину реальной казни или в роли Набоковской Лолиты использовать в постельной сцене действительно двенадцатилетнюю девочку. Достоверностью приходится жертвовать ради моральных принципов. Такой фильм снять, конечно, можно, но за “Оскаром” или “Золотой пальмовой ветвью” с ним лучше не высовываться. Не поймут. Этические принципы биоцентризма вполне начинают работать уже и в кинематографе. В титрах сейчас нередко можно увидеть фразу: “При съемках фильма ни одно животное не пострадало”.

То же самое относится и к научным исследованиям в заповедниках. Они должны строиться на определенных этических принципах. Этика отношения к живой природе важна для науки вообще. Заповедники — это лишь частный случай. Можно написать дипломную работу по питанию ворона, перестреляв всех воронов в округе. А можно информацию добыть и другим путем. Важна разработка щадящих методов исследования. И природоохранная общественность должна стимулировать ученых к этому, а не отметать науку с порога. Еще недавно орнитологи проводили изучение фауны птиц какого-либо региона с ружьями в руках. Пребывание вида на его территории считалось доказанным, если он был здесь добыт. Доказательствами служили чучела и тушки. Но сейчас все больше используются другие подходы. Далекое не во всех случаях удастся избежать

добычи животных, но уже на стадии планирования исследований можно определиться, насколько это необходимо, нельзя ли использовать иные методы, не будут ли попутно гибнуть другие виды и т. п. Профессионализм и добрая воля ученых помогут уменьшить бессмысленную гибель живых существ. В этом я совершенно согласен с А.А. Никольским (2000).

А что касается нигилистического отношения к науке, которое в последнее время все больше звучит в публикациях радикальных природоохранников, то нельзя не согласиться с К.М. Эфроном (1998): “...безграмотная охрана природы” смерти подобна”.

Приоритеты в охране природы

У В.Е. Борейко охрана дикой природы и заповедное дело оказываются выданными из общего контекста охраны природы, из-за чего многие вещи выглядят абсурдными. Нужно сначала четко определить приоритеты и иерархию целей, из которых и нужно исходить. По моему мнению, высшей целью является сохранение богатства и разнообразия живой и неживой природы на Земле во всех ее проявлениях. Это, кстати, вполне соответствует основным положениям “глубинной экологии” (deep ecology) Арне Нэсса (Борейко, Поминова, 2000; Наэсс, Сессинс, 2000). Сохранение участков дикой природы, создание охраняемых природных территорий является одним из путей для достижения этой цели.

Я ничего не имею против того, чтобы создавались “святилища дикой природы”, сверхзаповедники или как их еще называть. Но при условии, что будут существовать и нормальные “научные” заповедники. Поскольку же новая концепция преподносится как идеология для заповедного дела вообще, давайте разберемся, чего мы хотим достичь. Заповедники важны для сохра-

нения не только участков природы в дикости и свободе, но и определенных экосистем, уникальных природных объектов, редких видов.

Я уже писал, что конкретный заповедник нужно рассматривать не как остров в океане, а как часть совокупности охраняемых природных территорий (Грищенко, 1998). В таком случае гораздо легче разрешаются многие тупиковые ситуации. По моему мнению, глобальные стратегические задачи могут ставиться лишь перед целой системой охраняемых природных территорий. Каждая же из них в отдельности должна иметь задачи более конкретные. Этими задачами и должна определяться тактика нашей деятельности. Если в заповеднике обитает популяция какого-нибудь исчезающего вида, то при необходимости мы должны принять меры для ее спасения, хотя и придется нарушить “принцип невмешательства”. Степень этой необходимости можно определить только в системе охраняемых природных территорий в целом. Если данный вид охраняется и в других заповедниках, а вмешательство чревато серьезными последствиями для экосистемы, то этого лучше не делать. Но когда мы имеем дело с последней свободноживущей популяцией вида в мире, а для ее спасения нужно пожертвовать чем-то более тривиальным, то постановка вопроса о вмешательстве уже вполне правомерна. Аналогичным образом, если заповедник охраняет, например, уникальную колонию морских птиц, мы должны принять меры для ее спасения, даже когда ей угрожает гибель от вполне природных явлений — затопление острова при подъеме уровня моря и т. п. Так, на островах Черноморского заповедника гнездится около 90 % мировой популяции черноголовой чайки (Зубакин, 1988). Для сохранения этих островов допустимо вмешательство, какие бы природные процессы им не угрожали.

Еще один пример, менее “катастрофичный”. В заповеднике обитает последняя свободноживущая популяция исчезающего вида. Можно восстановить его на других территориях, но для этого нужно изучить особенности экологии и лимитирующие факторы. Если хранители “святых мест дикой природы” станут в позу — “Не могу поступаться принципами”, вид будет обречен на угасание. Такая ситуация вовсе не теоретическая, примеров можно найти сколько угодно. Азиатский лев остался в природе только в одном месте — в национальном парке “Гирский лес” в Индии. Единственное дикое стадо равнинного зубра к началу XX века сохранилось в Беловежской пуще. Американский журавль гнездится только в национальном парке Вуд-Баффало в Канаде. И еще вопрос: допустимо ли расселение исчезающего вида с территории с режимом абсолютной заповедности? Или обратная ситуация — реакклиматизация здесь ранее исчезнувшего вида? Ведь лошадь Пржевальского да и того же зубра можно вернуть в дикую природу.

С перелетными птицами еще сложнее, их нужно охранять не только в местах гнездования, но и на путях пролета и зимовках. Для этого нужно их как минимум найти. В.Е. Борейко (1999а) считает, что “мы и так сейчас обладаем достаточными знаниями для охраны дикой природы, а не хватает нам как раз другого — эколого-этических императивов”. Мне хотелось бы получить рекомендации как спасти, например, тонкоклювого кроншнепа. Есть “эколого-этический императив”, есть большое желание помочь, не хватает самой малости — информации. Мы до сих пор не знаем, где он гнездится. Одна лишь экологическая этика тут бессильна что-либо сделать. Так же как не может нам она подсказать, что сделать для того, чтобы прекратить быстрое снижение численно-

сти сизоворонки, домового сыча, хохлатого жаворонка и многих других видов.

Пример с американским журавлем весьма поучителен. Если бы с свое время не нашли его гнездовья, не удалось бы и реализовать программу по спасению вида с жестким контролем от гнезд до зимовок. В 1952-1957 гг. в резервате Арансас в Техасе — единственном месте зимовки — оставалось всего 20 птиц (Фишер и др., 1976). А американский журавль, помимо всего прочего, имеет и огромную эстетическую ценность.

Можно вспомнить и Олдо Леопольда: “Обыватель в наши дни убежден, что наука знает, чем живо сообщество, ученый же не менее твердо убежден, что ему это неизвестно. Он отдает себе отчет в невероятной сложности механизма биоты, который, возможно, так никогда и не удастся понять во всех частностях” (Леопольд, 1983).

Я не призываю сплошь и рядом лезть в абсолютно заповедные зоны и заниматься там “спасательными работами”, но бывают ситуации, когда это необходимо. Если же последовательно придерживаться абсолютизированной доктрины сохранения природы “в дикости”, это вообще может привести в отдаленном будущем к тому, что мы будем иметь абстрактную философскую идею на голых камнях. Ведь даже гибель жизни на Земле в целом может произойти по вполне естественным причинам, например, вследствие какого-нибудь космического катаклизма. Должны ли мы этому как-то воспрепятствовать, подобно библейскому Ною спасая не только свою шкуру, или пусть летит все в тартарары во имя торжества дикости? Поскольку ситуация, к счастью, из области научной фантастики, можно предложить и столь же фантастические пути решения — предотвращение катастрофы, перенос жиз-

ни на другую планету и т. п. Но в философском плане такая постановка вопроса вполне приемлема.

Косить — не косить?

Отрицание науки в заповедниках приводит и к полному игнорированию ее результатов. А между тем за более, чем столетнюю историю отечественного заповедного дела неоднократно велись жаркие дискуссии о принципах заповедности, о заповедном режиме, о возможности вмешательства в природу заповедников и т. п. Приходится снова толочь ту же воду, но в другой ступе.

Давно уже стало ясно, что абсолютную заповедность реально поддерживать лишь в заповедниках большой площади, желательнее, к тому же, расположенных в мало населенной местности. В маленьких заповедниках да еще посреди окультуренного ландшафта практически не обойтись без тех или иных регуляционных или поддерживающих мероприятий. Например, степные заповедники в Украине и Европейской части России изначально имеют неполноценную экосистему из-за того, что отсутствуют крупные копытные. Нужно каким-то образом искусственно поддерживать динамику растительности. Приходится выбирать, что иметь — “дикую” природу, но не совсем степь, или степь, но не совсем дикую.

В заповедниках, расположенных возле крупных населенных пунктов, например, Каневском, существует проблема бродячих собак. Их приходится отстреливать, и я считаю такое вмешательство человека только благом для дикой природы. Во-первых, это неестественный компонент природной экосистемы (элемент “окультуривания” дикой природы). Шла бы речь о волке — разговор был бы другой. Во-вторых, бродячие собаки входят в экосистему “только одной ногой”, поскольку

не подчиняются ее законам. Классическая модель взаимоотношений “хищник — жертва” не подходит, потому что существует постоянный приток новых собак из окрестных населенных пунктов.

Не существует единственно правильного рецепта на все случаи жизни. Косить — не косить, рубить — не рубить, стрелять — не стрелять, нужно решать отдельно в каждом конкретном случае. И решение должно приниматься на основании данных науки. Для этого наука должна, как минимум, отслеживать ход природных процессов в заповеднике. А вот для того, чтобы периодическое выкашивание не превращалось в заготовку сена, а регуляция численности животных — в охоту, и нужны “эколого-этические императивы”.

Я совершенно согласен с тем, что человек должен “подвинуться” и дать возможность жить и другим существам на планете. Но он уже столько “наломал дров”, что мало просто уступить место, нужно еще и помочь этому Совершенно Иному выжить. Предлагаемый же путь охраны дикой природы напоминает средневековый метод “лечения” чумы. Населенный пункт, в котором началась эпидемия, окружался цепью солдат. Никого не впускали и не выпускали. Вот уж где природа могла разгуляться по своим законам! Кто выжил — “слава Богу”, не получилось — “на все воля Божья”. Так же поступали и американские власти, сгоняя индейцев в резервации, где те постепенно вымирали.

Это в середине прошлого века в Америке можно было оградить кусок “дикого Запада” и просто туда не лазить. Там бы сами по себе сохранились и прерии, и громадные стада бизонов, и много чего другого. Но сейчас такого “дикого Запада” уже нет нигде, даже в Антарктиде. Последствия человеческой деятельности стали глобальными.

Что означает сохранение дикой и

первозданной природы, например, в Австралии или Новой Зеландии? Должны ли мы, выделяя “святилище”, уничтожить на его территории многочисленные интродуцированные виды или же оставить все как есть? Если второе, то это уже не будет “дикая” природа, ибо она испохаблена неразумным вмешательством человека, если первое, то жить она будет не только по своим законам, и как быть с этикой благоговения перед жизнью? Тем более, что уничтожать вселенцев придется и дальше. Никакой забор или строгий указ преградой им не послужит. То же самое относится и к океаническим островам, где придется разбираться с козами, кошками, крысами и прочими спутниками человека. Красота кабинетных теорий заметно тускнеет уже за дверью кабинета.

О философских понятиях

Если мы поднимаем знамя экоцентризма, то нужно хоть последовательно его придерживаться. Философы вносят несусветную путаницу, употребляя термины “биоцентризм” и “экоцентризм” к месту и не к месту, поэтому давайте в этом немного разберемся. В принципе, трамваем можно называть все, что угодно, надо только четко оговорить, что под этим подразумевается. Оговорю и я, какой смысл вкладываю в эти два понятия. Биоцентризм распространяет этические нормы на отношения с другими живыми существами, помимо человека, в своей крайней форме — на все. Для него важна жизнь как таковая. В экоцентризме подход другой, в некоторых аспектах эти две концепции вообще противоположны. Экоцентризм во главу угла ставит интересы не особи, а сообщества. Биоцентризм характерен для западной философии индивидуализма, которая высшей ценностью провозглашает человека в противовес государству и обще-

ству. В Советском Союзе же, например, система ценностей была иной — “сегодня не личное главное”. С. Келлерт (1996) называет эти два направления этики биоцентрическим индивидуализмом и экоцентрическим холизмом.

Здесь важно отметить один момент. Именно такой индивидуализм, переросший в эгоизм, “грех гордыни”, как называет его С.Н. Мухачев (1997), и является одной из причин нынешнего экологического кризиса. То есть, биоцентризм сам по себе достаточно шаткая основа для охраны природы. В экоцентризме же пирамида ценностей повернута в противоположную сторону, по сравнению с биоцентризмом. Для него наибольшей ценностью является сообщество наивысшего уровня — биосфера, ценность особи оказывается наименьшей. Таким образом, шкалы ценностей экоцентризма и самой природы совпадают. Природа оперирует популяциями, видами, экосистемами, а особь для нее — вообще ничто. От испарения капли океан не обмелеет. То есть, экоцентризм — это не только этика природы, но и природная этика.

Олдо Леопольд (1983) так формулирует “золотое правило” этики земли: *“...хороша любая мера способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества. Все же, что этому препятствует, дурно”*. С поправкой Б. Кэлликотта (1999) на динамичность природы это звучит следующим образом: *“Вещь является правильной, когда она имеет тенденцию потрясать природную систему только в нормальных пространственных и временных масштабах. Она является неправильной, когда она имеет противоположную тенденцию”*. Прошу обратить внимание, кстати, что все основные параметры — целостность и стабильность сообществ, нормальность пространственных и временных масштабов мож-

но определить только на основе данных экологической науки.

Согласно этому “золотому правилу”, вполне приемлемыми являются определенные регуляционные мероприятия в заповедниках. Например, снижение численности не в меру размножившихся копытных, поскольку это поддерживает целостность и стабильность экосистемы. Не запрещает это правило и “безвозвратное изъятие” в небольшом объеме массовых короткоживущих и быстро размножающихся видов. То, что вы прихлопнули комара у себя на руке в заповедном лесу, на природное сообщество в целом никак не повлияет. Стоит ли все это делать — тема для отдельной дискуссии. В данном случае важно другое — из эгоцентризма, провозглашенного “генеральной линией”, вовсе не вытекает необходимость абсолютного невмешательства человека в дикую природу, недопустимость “даже минимального научного, рекреационного, образовательного или религиозного освоения”. То есть, для обоснования всего этого придется поискать другую философскую доктрину.

Зато из этики земли следует, что наибольшее внимание мы должны оказывать компонентам, наиболее значимым для сообщества (например, видам-эпифитам) и наиболее уязвимым. Об этом же пишет и С. Келлерт (1996). Красота природного сообщества — явление достаточно сложное, если, конечно, не сводить все к чисто чувственным восприятиям человека. С моей точки зрения, она включает в себя гармонию функционирования системы, богатство и разнообразие жизни. Если конкретное сообщество рассматривать не само по себе, а как часть сообщества более высокого уровня, можно выстроить иерархию ценностей. Полное исчезновение любого вида обедняет жизнь на Земле, это “вещь неправильная”, она уменьшает “красоту” приро-

ды. Следовательно, с позиций эгоцентризма будет вполне этичным нарушить “дикость” какой-либо территории для предотвращения исчезновения вида (подвида) или экосистемы с лица Земли.

Несколько слов о проблеме благоговения перед жизнью в заповедниках. По моему мнению, это более важно для человека, чем для самой природы. Есть этика поведения человека в природе и есть этика поведения человека как человека. Если уж мы выделяем какую-то территорию исключительно для дикой природы, то из этических соображений должны уважать всякую жизнь, там пребывающую. А для оленя, например, все равно, от чего погибать — от пули или от хищников. Меткий выстрел, быстро обрывающий страдания, даже более гуманен, чем изнурительная погоня волчьей стаей или охота гиеновых собак, вспарывающих брюхо своей жертве.

Нетрудно заметить, что “золотое правило” этики земли не запрещает, скажем, проведение учетов численности мышевидных грызунов в заповеднике с помощью давилок. На сообществе в целом это никак не отразится, численность их очень быстро восстанавливается. То же самое относится к насекомым и многим другим видам животных. Более того, при определенных обстоятельствах вмешательство человека в природу может даже повышать стабильность и “красоту” сообщества. Например, вырубка небольшого участка в густом сплошном лесу, после чего появляется травянистая поляна. Повышается разнообразие биотопов, для многих животных появляются дополнительные кормовые ресурсы. Возрастает богатство и разнообразие жизни в сообществе в целом.

Таким образом, приходим к еще одному интересному выводу. В чистом виде эгоцентризм вряд ли годится для идеологии заповедного дела. Нужны

дополнительные ограничители, чтобы не “наломать дров”. Тем более, что и сам О. Леопольд представлял этику земли как добавление к внутричеловеческой этике, а не замену ее (Кэлликотт, 1999). Линия идеологии должна пролегать где-то посредине между биоцентризмом и эоцентризмом. Принять чистый биоцентризм также нельзя, пирамида его ценностей повернута в другую сторону, о чем уже говорилось выше. Последовательно придерживаясь этой доктрины, можно прийти к выводу, что клетка организма ценнее самого организма, как это справедливо отмечает С.Н. Мухачев (1997).

Этика благоговения перед жизнью в качестве концепции заповедного дела (Никольский, 1996), по моему мнению, должна быть дополнена нормами эоцентризма. Главное для нас все-таки сохранить экосистему в заповеднике, а не отдельные живые существа. И если их ценности приходят в противоречие друг с другом, приходится выбирать — что важнее. Тем более, что А. Швейцер, как отмечает В.Е. Борейко (1999а), не разработал правила разрешения конфликтных и кризисных ситуаций.

Согласно этике благоговения перед жизнью А. Швейцера, *“там, где я наношу вред какой-либо жизни, я должен ясно сознавать, насколько это необходимо. Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, — даже самого незначительного”* (Швейцер, 1992). Другими словами, мы признаем, что причинять ущерб жизни неэтично, но вынуждены время от времени это делать в силу необходимости. Необходимость и возможность подобных действий как раз и можно определять с учетом норм эоцентризма и этики благоговения перед жизнью (или других биоцентрических систем). Например, у нас есть возможность убить какое-либо животное (эоцентризм это не запрещает, поскольку на сообществе это никак не отразится), но нет необходимости —

мы не должны этого делать. С другой стороны, если мы признаем необходимым какое-то действие, но оно принесет непоправимый ущерб экосистеме заповедника, — от этого также нужно воздержаться. Нельзя осушать болото в заповеднике, даже если оно грозит подтоплением окрестных сел.

Приоритет нужно отдавать интересам систем более высокого уровня, т. е. шкала ценностей должна быть все-таки эоцентрической. Жизнью особи можно пожертвовать ради спасения сообщества (это не противоречит и этике благоговения перед жизнью — необходимость налицо), но если речь идет об исчезновении вида и обеднении биосферы, мы должны вмешаться, пусть даже с ущербом для экосистемы. Экосистема, в свою очередь, может оказаться уникальной, а ущерб для нее слишком большим. В таком случае принять окончательное решение можно будет лишь тщательно взвесив все “за” и “против”.

Вот для распутывания таких головоломок и нужна наука. Одной схоластикой тут не обойтись. Проще всего — отгородить “дикую природу” забором и пусть там делает, что хочет.

Не является почвой для “третьей идеологии” заповедного дела и этика дикой природы Линды Грэбер (1999). Прежде всего, я вообще не стал бы ее отождествлять с эоцентризмом, подход у этого экофилософа совершенно иной (чуть не написал эти два слова с большой буквы). Если О. Леопольд включает человека в экосистему в качестве ее “простого члена и гражданина”, то Л. Грэбер противопоставляет человека дикой природе. В ее учении вообще больше религиозной мистики, чем собственно этики и охраны природы. *“Аксиомой этики дикой природы является то, что дикая природа — это проявление “Совершенно Иного”, отличного от человека, и которое, в связи с этим, необходимо ценить”* (Грэбер, 1999). Совершенно Иное, по терминологии религиозного философа

Рудольфа Отто, — это некая загадочная божественная сила. Мне, честно говоря, не понятно, почему сам человек не может быть проявлением Совершенно Иного, если признается его божественное происхождение. Ведь проявлением божественной силы является сама жизнь, в любой ее форме.

Л. Грэбер (1999) исходит из вполне рационального, а не мистического, определения дикой природы, данного в соответствующем законе США. Она принимает ее как территорию, *“где земля и ее сообщество жизни мало знакомы с человеком и человек сам является посетителем, который там долго не задерживается”*. *“Согласно этике дикой природы, области дикой природы — это земные версии порядка и совершенства, где человек может наиболее полно “переволотиться”*. <...> *Дикая природа является зоной совершенства, в которую человек может войти”*. Ну и при чем тут абсолютная заповедность? Такая концепция вполне соответствует идеологии американских национальных парков, но это шаг назад по сравнению с отечественным заповедным делом.

Вообще нельзя не заметить, что у Л. Грэбер вся этика дикой природы вращается больше вокруг человека, чем самой природы. Человек идет к ней ради ощущения святости, для отрешения от мирской суеты, дикая природа способствует “контакту со святой силой”, помогает “достичь возвышенного состояния”. За всем этим идут в храм. Л. Грэбер и рассматривает дикую природу как своеобразный храм для человека (точнее, для “истинных приверженцев дикой природы”). По сути, это религиозная доктрина — эклектичная смесь пантеизма (“геонабожности”) и христианства. Хотя учение Л. Грэбер и важно для охраны природы, в нем слишком много от антропоцентризма. По большому счету, это называется эксплуатацией дикой природы в религи-

озных целях. Годится для обоснования абсолютной заповедности в интересах самой природы?

В.Е. Борейко повторяет слова Юджина Харгроува, что “наука способствует триумфу факта над ценностью”. А почему факт не может сам по себе быть ценностью? Или шире — информация? Ведь это тоже часть мироздания, причем даже не биосферы, а Вселенной. Если все в природе имеет внутреннюю ценность, то наверно и информация тоже?

Что касается “доктрины морально-нейтралитета в отношении защиты дикой природы”, то, наверно, моральный нейтралитет — вообще единственно приемлемая линия поведения человека в дикой природе. Когда мы видим, что синица поймала гусеницу, должны ли мы спасти насекомое и прогнать птицу? Можно спасти гусеницу, но в таком случае мы обрекаем птенцов синицы на страдания от голода. Это этично? Если рассматривать эту проблему в общем плане, нетрудно заметить, что поддержав одну из сторон конфликта, мы в конечном итоге обрекаем на гибель обе. Птицы погибнут от голода, а насекомые — от перенаселения. Увы, природа устроена так, что жизнь и смерть сплетены в неразрывный клубок. Кроме того, перенося человеческие представления об этике на дикую природу, мы неизбежно окультуриваем ее, чего так опасается В.Е. Борейко.

О логических ловушках и парадоксальном дуализме

В.Е. Борейко пытается ловить критикуемых им авторов на логических противоречиях. С моей точки зрения это выглядит мало убедительно, но дело не в этом. Мой старый соратник по общему “безнадежному” делу сам нарыл столько “волчьих ям” на проторенном им пути, что мне интересно, как

по нему будут двигаться его возможные последователи. И уж чего-чего, а парадоксальности и дуализма в его работах предостаточно.

Нам много раз рассказывалось о том, каким благом для человека, для возвышения его души является общение с подлинно дикой природой. Вместе с тем предполагается полностью оградить остатки дикой природы от людей. Столь любимые В.Е. Борейко американцы хоть более последовательны в этом — ни национальные парки, ни области дикой природы (wilderness areas) не закрыты для посещений. Охрана дикой природы совмещается с сохранением культурных ценностей и остатков аборигенных народов, а не противопоставляется этому. Есть даже такие понятия — wilderness management и wilderness planning (Tranel, 2000).

Далее. В.Е. Борейко (19996, 2000a) предлагает создать “религию природоохраны”, основанную на поклонении участкам дикой природы. Вместе с тем, взятая на вооружение идеология отрицает возможность “даже минимального научного, рекреационного, образовательного или религиозного освоения” таких охраняемых природных территорий. Но если не тут поклоняться, то где? Участков первозданной природы в большинстве стран осталось не так уж много и, по идее, все их нужно взять под охрану. Или придется создавать заповедники отдельно для охраны, отдельно для поклонения? Может, поклоняться будем заочно? Так тогда с тем же успехом можно молиться девственным лесам каменноугольного периода. И как быть с преданным анафеме ресурсизмом? Ведь поклонение участкам дикой природы автоматически означает их использование в качестве ресурса, пусть даже и в возвышенно-благородных целях. По Н.Ф. Реймерсу (1990), ресурсы — это “любые источники и предпосылки получения необходимых людям материальных и духовных благ”.

Но это еще цветочки. Принятие такой идеологии порождает целый комплекс философских, этических и даже религиозных проблем, которые вряд ли будут решены в обозримом будущем. Я уже не говорю о такой “прозе”, как экономические интересы человека. Допустим, он согласился отдать часть своих владений под “резервации” для дикой природы. Идем последовательно дальше. По В.Е. Борейко (1998a, 1999a), “дикой природе там должно быть позволено все”. Прекрасно. Но если так, то действительно *все* — вплоть до возможности убивать самого человека. Волки или тигры из этих “святилищ дикой природы” должны иметь возможность беспрепятственно пожирать в окрестных селениях не только овец и коров, но при случае — и их хозяев. Не нужно обладать даром ясновидящего, чтобы спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации. После нескольких таких случаев “святилище” будет сметено местными жителями.

Идем еще дальше. То, что принято относить к “темным силам”, — это также часть дикой природы, враждебная человеку. Леший, водяной, нимфы источников и т. п. — это ведь порождения не индустриального мира. Это персонафикация сил природы, с которыми человек сталкивался с древнейших времен. Отвлечемся от мифологичности персонажей. Речь ведь идет о философских принципах. К тому же божественность дикой природы — тоже вопрос дискуссионный. Охраняя *все* в дикой природе, придется признать право на существование и этого мира. Интересно, как к такой постановке вопроса отнесется церковь? В.Е. Борейко все призывает использовать ее влияние и авторитет для охраны заповедников. В такой ситуации “святилища” могут ожидать скорее анафемы или крестового похода, чем поддержки.

88 % опрошенных американцев поддерживали ценность национальных парков для будущих поколений (Тра-

nel, 2000). В Канаде национальные парки заняли третье место среди символов государства после флага и гимна (Борейко, 1999в, 2000а). Интересно, добьемся ли мы хоть когда-нибудь чего-то подобного, если полностью спрячем дикую природу от людей? Ведь в конечном итоге успех охраны природы зависит от отношения к ней широкой публики, а не отдельных радикальных экофилозофов. А заповедники, если последовательно придерживаться предлагаемой идеологии, нельзя даже показывать ни на фотографиях, ни в кино, нельзя ничего рассказывать о них. Ведь это уже использование — “минимальное образовательное освоение”. Земля для человека просто станет меньше, а заповедники превратятся в белые пятна на картах, как за это ратует Дж. Тернер (Turner, 1996).

Интересно, что при всем при этом даются следующие рекомендации: *“пришла пора ... устраивать выставки картин и фотографий о заповедных объектах”* для поднятия их авторитета; *“большое значение имеет официальное посещение заповедников и национальных парков первыми лицами государства”*; *“стимулировать интерес населения к заповеднику можно путем проведения среди местных жителей конкурса “Что вы знаете о нашем заповеднике?” с поощрением участников”* (Борейко, 2000а). Предлагаемые меры хорошо согласуются со “второй идеологией”, но никак не с “третьей”.

В.Е. Борейко (1999в, 2000а) призывает нас считать заповедники гордостью и достоянием нации. Но можно ли гордиться белым пятном на карте? Территорией, о которой ничего не известно, помимо того, что она есть? Речь-то идет не только об “идейно закаленных” природоохранниках, но и простых обывателях. Ведь, строго говоря, на эту территорию даже не распространяется суверенитет государства (коль уж природа получает полную независимость

от человека). Граница заповедника превращается во frontier, служба охраны — в пограничную стражу. Романтика “дикого Запада”...

Картина выглядит интересно, только маленькая деталь — принимать решения о создании таких “сверхзаповедников” могут парламенты, премьер-министры, президенты, а эта публика имеет склонность приращивать всеми силами территорию государства, а не раздавать ее налево и направо. Пусть радикальные природоохранники предложат В. Путину и Госдуме превратить Курильские острова в “святилище дикой природы” и стереть их с карт, чтобы они не достались ни россиянам, ни японцам. После этого вся Россия моментально вспомнит о национальной гордости, но это уже будут не заповедники...

Охрана природы — это не только философия, но и политика. А политика, как известно, — “искусство реального”. Так что давайте быть реалистами. Примечательно, что важность этого отмечает и сам В.Е. Борейко: *“Нужно стараться, чтобы в создании заповедников и национальных парков были заинтересованы политические силы и социальные группы, имеющие огромное влияние на общество”* (Борейко, 2000а).

И еще о парадоксальном дуализме и двойственной морали. Есть один аспект, который старательно обходится десятой дорогой. Если признается возможным выделять территории, где дикая и свободная природа могла бы существовать только по своим законам и где ей было бы позволено все, почему не поставить вопрос о выделении подобных территорий для индейцев, эскимосов, маори, эвенков, ненцев, чукчей и других коренных народов? Ведь они были вытеснены со своих земель, привычный уклад жизни, а зачастую и среда обитания разрушены, навязаны другие ценности и верования. Поскольку

речь идет не о политической или экономической целесообразности, а о высоких моральных принципах, постановка такого вопроса вполне к месту. Слова “этика” и “мораль” упоминаются чуть ли не в каждом абзаце. Давайте тогда уж быть последовательно этичными, иначе получается мораль двойных стандартов. Мы слышаны, что все в природе имеет свою цель и равную ценность, тогда почему ценность кустарников и лягушек оказывается большей, чем ценности коренных народов?

В.Е. Борейко считает, что *“идеология классического заповедания провоцирует постоянный конфликт между заповедником и местными жителями. Последние никак не могут уразуметь, почему им запрещено охотиться в заповеднике, а научным сотрудникам нет, почему студентам-практикантам можно бродить по заповеднику, а им — нет. Невозможно это объяснить и с позиции экологической этики”*. Ну, во-первых, дело тут не столько в идеологии, сколько в местных жителях — тут и образование, и моральный уровень, и нищета, и межнациональные противоречия, и много чего другого. Некоторые из них точно так же не могут взять в толк, зачем на доме висит мемориальная доска, если можно сдать ее в металлолом и заработать на выпивку. С местными жителями нужно много и упорно работать, о чем много раз писал и сам В.Е. Борейко.

Во-вторых, такая постановка вопроса в значительной степени надумана. Перейду на аналогии, столь любимые в последнее время частью природоохранников, может так будет понятнее. В храме его служителям разрешается заходить туда, куда не пускают прихожан, это вполне естественно и дурных вопросов не вызывает. На завод тоже не пускают кого попало с улицы. Добыча животных научными работниками — это не охота (разумеется, если речь

не идет о тривиальном браконьерстве под прикрытием науки). Точно так же, как причастие в церкви — не то же самое, что распятие бутылки “Кагора” на троих. Все прекрасно объясняется и с позиций экологической этики, не буду повторять того, о чем говорилось раньше.

Но более важно в данном случае другое. Интересно, а как при создании заповедника на чисто *этических* принципах объяснить местным жителям, почему пришлые люди запрещают им заходить на земли, на которых испокон веков жили их предки? Почему признаются моральные права других видов и право на свободу дикой природы, но отрицаются моральные права и права на свободу других людей? Чрезмерное увлечение этикой может завести нас в такие дебри, что будет уже не до охраны природы, так что лучше немного уменьшить ораторский пафос.

Идеология заповедного дела

Предлагаемая В.Е. Борейко концепция годится в качестве затравки для философских дискуссий, но идеология — это то, чем руководствуются в повседневной жизни, поэтому важен еще и практический аспект. Ведь речь идет уже не о создании “этических заповедников” (Борейко, 1999а) в дополнение к существующим, а о подгонке под новую доктрину действующей системы заповедников: *“Идеология борется за то, чтобы ввести в определенное русло предполагаемую практику”* (Борейко, 2000б).

Идеология заповедного дела должна способствовать его развитию. Для этого важно, чтобы она была приемлемой не только для узкого круга природоохранников. Ультрарадикальные подходы в охране дикой природы пока не очень-то приветствуются и в Америке, а уж у нас они и тем более не будут восприняты ни политиками, ни рядо-

выми согражданами. Сейчас создание охраняемых природных территорий даже с позиций дремучего ресурсизма натывается на противодействие со всех сторон, научные интересы считаются блажью (причем уже не только хозяйственниками, но и некоторыми природоохранниками), а уж о правах дикой природы и Совершенно Ином министерский чиновник слушать и вовсе не станет. То есть, принятие далекой от реалий жизни идеологии может привести к полному краху заповедного дела. Трагедии 1951 и 1961 годов ведь связаны прежде всего с тем, что тогдашнее руководство страны просто не понимало, зачем они вообще нужны, эти заповедники. Вспомните, хотя бы, тираду Хрущева по этому поводу. Нынешние государственные деятели уже щеголяют словами “экология” и “биоразнообразие”, но особого рвения в охране природы по-прежнему не наблюдается. Недавние события в России — лучшее тому подтверждение. В других странах СНГ ситуация ничуть не лучше. А ведь заповедники — это государственные учреждения.

Между прочим, первыми, кто захочет поддержать предлагаемую идеологию заповедного дела, могут стать чиновники соответствующих министерств и ведомств. Для них выгодно сократить научные отделы в заповедниках, получив тем самым немалую экономию средств. При постоянных проблемах с финансированием благодаря этому можно сохранить свои собственные кресла. Поможем им в этом теоретическими обоснованиями? А потом будем сокрушаться: “Хотели как лучше, а получилось как всегда”.

По моему мнению, основой новой идеологии заповедного дела может быть классическое заповедание, базирующееся на науке, но с другими моральными ориентирами — к природе, а не к человеку. Наука в заповедниках должна служить интересам самой

природы. Из этого нужно исходить при выборе тематики и методов исследований. Наука — лишь инструмент, средство для достижения цели, но не сама цель, и не надо ее демонизировать.

По сути, это синтез второй и третьей идеологий, по терминологии В.Е. Борейко. Такая синтетическая идеология поможет сдвинуть дело с мертвой точки, как в свое время синтетическая теория эволюции послужила толчком к развитию науки. Она будет и более приемлемой в практическом плане, поскольку мы не делаем чересчур резких телодвижений, и речь идет о хорошо знакомых и привычных вещах.

Предлагаемые “этические” заповедники могут рассматриваться как новая категория охраняемых природных территорий, дополняющая существующие, но ни в коем случае не как замена действующих заповедников.

Нельзя не отметить и важность разработки философских основ идеологии заповедного дела. В СНГ, да и во многих других странах, это направление философской мысли все еще пребывает на эмбриональной стадии.

Литература

- Борейко В.Е. (1998а): Святая дикая природа. Наброски к идеологии заповедного дела. Киев. 1-107.
- Борейко В.Е. (1998б): Идеология для заповедного дела. - Збереження біорізноманіття й заповідна справа в Україні. 6: 3.
- Борейко В.Е. (1999а): Прорыв в экологическую этику. Киев. 1-122.
- Борейко В.Е. (1999б): Божественное в дикой природе: попытка анализа и религия охраны природы. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 38-39.
- Борейко В.Е. (1999в): Радикальный взгляд на заповедное дело. Нематериальные ценности ООПТ. М.: Экоцентр “Заповедники”. 1-22.
- Борейко В.Е. (2000а): Постигание экологической теологии. Киев. 1-87.
- Борейко В.Е. (2000б): Эссе о дикой природе. Киев. 1-143.
- Борейко В., Поминова Е. (2000): Зарубежные философы дикой природы. Киев. 1-117.
- Грищенко В.Н. (1997): Эстетика и охрана птиц: вместо послесловия. - Беркут. 6 (1-2): 87-89.

- Грищенко В.Н. (1998): О стратегии и тактике в заповедном деле. - Роль охороняемых природных территорий у збереженні біорізноманіття: Мат-ли конфер., присвяч. 75-річчю Канівського природного заповідника. Канів. 11-13.
- Грэбер Л. (1999): Дикая природа как священное пространство. Киев. 1-50.
- Зубакин В.А. (1988): Черноголовая чайка. - Птицы СССР. Чайковые. М.: Наука. 77-85.
- Келлерт С. (1996): Об экологической этике. - Про эко. (Бюл. Охрана дикой природы № 11). 20-21.
- Кэликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 40-67.
- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1-248.
- Мухачев С. (1997): Уравнение глобальной этики как исток безнравственности. - Любовь к природе: Мат-лы междунар. школы-семинара "Трибуна-6". Киев. 174-181.
- Наэсс А., Сессинс Дж. (2000): Платформа глобальной экологии. - Гуман. экол. ж. 2 (1): 56.
- Никольский А.А. (1996): Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела. - Про эко. (Бюл. Охрана дикой природы № 11). 15-17.
- Никольский А.А. (1999): Этика благоговения перед жизнью — против эстетики убийства. - Гуман. экол. ж. 1 (1): 7-10.
- Никольский А.А. (2000): Профессионализм и добрая воля — альтернатива убийству. - Гуман. экол. ж. 2 (1): 16-19.
- Реймерс Н.Ф. (1990): Природопользование. М.: Мысль. 1-637.
- Фишер Д., Саймон Н., Винсент Д. (1976): Красная книга. Дикая природа в опасности. М.: Прогресс. 1-480.
- Швейцер А. (1992): Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс. 1-572.
- Штильмарк Ф.Р. (1985): Что мы творим? - Природа и человек. 1.
- Эфрон К.М. (1998): Об одном эволюционном приспособлении и его значении в охране природы. - Бюл. МОИП. Отд. биол. 103 (3): 3-9.
- Tranel M.J. (2000): Incorporating non-material values in wilderness planning for Denali National Park and Preserve, Alaska, USA. - Parks. 10 (2): 35-48.
- Turner J. (1996): The abstract wild. Tucson: Univ. of Arizona Press. 1-136

Должны ли деревья иметь права?

Кристофер Стоун

В "Происхождении человека" Дарвин отмечает, что история морального развития человека представляет собой непрерывное расширение его "социальных инстинктов и симпатий". Первоначально каждый человек обращал внимание только на самого себя и тех, кто принадлежал к его узкому кругу, только позже он начал все больше и больше обращать внимание "не только на благополучие, но и на счастье всех своих собратьев". История законов демонстрирует параллельное раз-

витие. Юридические права детей уже давно признаны в принципе и постоянно расширяются на практике. Мы сделали из детей личностей, хотя по закону это не всегда было так. То же самое мы сделали с заключенными, иностранцами, женщинами, сумасшедшими, черными, зародышами, индейцами и не только материями в человеческой форме. Юридическими правами обладают корпорации, трасты, совместные предприятия, муниципалитеты, национальные государства. Во всей юридической истории каждое последующее распространение прав на какую-то новую сущность было до сих пор в какой-то мере немислимим. Мы склонны предполагать, что бесправие многих "вещей" является законом природы, именно поэтому мы откладываем рассмотрение задействованных вариан-

Опубликовано: Stone C. Should trees have standing? — Toward legal rights for natural objects. In: People, penguins, and plastic trees. Ed.: D. VanDeVeer, C. Pierce. Belmont, California: Wodsworth Publishing Company, 1987. P. 83-96. Сокращенный перевод А.Елагина, адаптация Е. Поминовой.

тов во всех их моральных, общественных и экономических измерениях. В девятнадцатом веке высший суд в Калифорнии объяснял, что китайцы не имеют права давать показания против белых людей в криминальных делах, потому что они являются расой людей, которых природа отметила как низших, и которые неспособны на прогресс или интеллектуальное развитие. Первой женщине в Висконсине, которая думала, что она могла бы иметь право практиковать юриспруденцию, сказали: “Закон природы предназначает и определяет женский пол для рождения и воспитания детей...” Таким же образом рабовладельческий Юг смотрел на черных. Здесь получается что-то вроде замкнутого круга: существует сопротивление против того, чтобы дать вещи — “права” до тех пор, пока ее не смогут увидеть и оценить ее ради нее самой, пока она не обладает правами — что кажется непостижимым для многих групп людей.

Сейчас сказать, что окружающая среда должна обладать правами, означает решение двух проблем — рабочих юридических аспектов и социально-физического аспекта.

Насколько нам известно, не существует конкретных стандартов, как следует использовать термин “юридические права”. Ведь для того, чтобы вещь была обладателем этих прав, требуется нечто большее, чем тот факт, что какой-то орган власти рассмотрит действия и процессы, которые угрожают ей. В термине “юридические права” должны быть удовлетворены три критерия: объект должен (может) производить юридические действия по собственной воле, при предоставлении юридической поддержки суд должен принимать во внимание причинение вреда объекту, и в-третьих — поддержка должна быть направлена ему на пользу. Бесправие природных объектов, в данном случае — в обычном праве.

Рассмотрим, например, позицию обычного права в отношении загрязнения ручьев. Ручьи сами по себе не являются обладателями прав. Нет способа оспорить действия загрязняющего, кроме как по желанию владельца прибрежной полосы, способного показать посягательства на его права и возбудить судебное дело. Владелец расположенной ниже прибрежной полосы может просто не обращать внимание на загрязнение. Они все могут сами участвовать в загрязнении или быть экономически зависимыми от загрязняющих соседей. И когда они вычитают из ценности выигрыша расходы на возбуждение дела и шансы на успех, может показаться, что не стоит ничего предпринимать. Но даже если судебное дело возбуждается, суды с различной степенью прямоты уравнивают экономические трудности владельца верхней прибрежной полосы по смягчению загрязнения с экономическими трудностями продолжения загрязнения для владельцев нижней прибрежной полосы. В этом уравнивании не взвешивается вред, причиняемый ручью, его рыбам, черепахам, поскольку природная окружающая среда сама по себе является бесправной. Даже если истец — владелец прибрежной полосы — выиграет дело об ущербе от загрязнения воды, никакие деньги не направляются на пользу самого ручья для восстановления причиненного ему ущерба. Восстановление целиком загрязненного ручья включало бы восстановление поголовья рыбы, водяных птиц и другой животной и растительной жизни. Следует, однако, уточнить, что существуют определенные различия в законе, применимом к разнообразным природным ресурсам, находящимся в общей собственности (рекам, озерам, дюнам, воздуху и т. п.) и на традиционно частной земле (пруд на фермерском поле или роща деревьев на лужайке жителя пригорода). Од-

нако ни один из этих природных объектов не обладает каким-либо из трех критериев обладателя прав. Они не имеют прав ради них самих, причиненный только им ущерб не влияет на окончательный результат и они не являются пользователями преимуществ. Таким образом, эти объекты традиционно рассматривались как объекты для завоевания. Особые меры по их сохранению, такие как охотничьи сезоны или ограничения на вырубку леса, где доминирующим мотивом является сохранение его для нас, для наибольшего блага наибольшего количества человеческих существ, по сути природоохранными не являются. Сторонники сохранения природы в большинстве хотят сохранить и гарантировать в будущем наше потребление этих других живых существ и наше наслаждение ими. Природные объекты мало учитываются ради них самих и в законе, и в народных движениях.

Бесправие природной окружающей среды может и должно измениться. Природные объекты не имеют прав не потому, что они не могут говорить. Корпорации, государства, владения, младенцы, муниципалитеты, университеты тоже не могут говорить. За них говорят юристы, так же, как юристы говорят за обычных граждан, имеющих юридические проблемы. Я думаю, что с юридическими проблемами природных объектов следует обращаться так же, как обращаются с проблемами юридически некомпетентных человеческих существ. Если человеческое существо становится дряхлым и имеет дела, с которыми оно некомпетентно справиться, суд назначает человека, которому предоставляются полномочия управлять делами некомпетентного. “Хранитель”, “попечитель” или “опекун” (терминология варьируется) представляет некомпетентного в его юридических делах. Суды делают подобное назначение, когда корпорация становится “некомпетентной” — они назначают по-

печителя над банкротством или реорганизацией, чтобы надзирать за ее делами и говорить от ее имени в суде, когда это необходимо.

По аналогии нам следует иметь систему, в которой человек, озабоченный судьбой природного объекта, может обратиться в суд о учреждении попечительства. Конечно, для того, чтобы убедить суд в том, что река, находящаяся в опасности, является “лицом”, потребуются такие же смелые и обладающие воображением юристы, как те, которые убедили Верховный Суд, что железнодорожная корпорация является “лицом”, согласно поправке к конституционному положению. Раньше было принято, что пятая поправка задумана для обеспечения прав освобожденных людей.

Поступая так, мы, по сути, делаем природный объект при помощи его попечителя юридической сущностью, компетентной собрать иски об ущербе и представить их перед судом даже там, где по юридическим или практическим причинам их не собираются представлять традиционно действующие истцы... Попечитель убеждал бы суд в ущербе, в настоящее время не признаваемом — смерти орлов и несъедобных крабов, страдании морских львов, исчезновении с лица земли не имеющих коммерческой ценности птиц, гибели областей дикой природы...

Природные объекты могут передавать нам свои желания (потребности) определенными способами. Попечитель способен увидеть ущерб, наносимый объекту — загрязнение озера бумажной фабрикой, смерть орлов, исчезновение с лица земли птиц, не имеющих коммерческой ценности, исчезновение областей дикой природы. Эти потери экономически неизмеримы: как они могут иметь денежную ценность, которую попечитель мог бы представить в суде? Ответ прост. Везде юридическая система вовлечена в процесс создания денежной ценности. Чьи-либо литературные произведения не имели бы денеж-

ной ценности, если бы не существовало закона об авторском праве. Мы имеем право на конфиденциальность — и нам гарантирована экономически значимая ценность. Я предлагаю, чтобы точно так же мы поступали в отношении орлов, крабов и областей дикой природы — сделали нарушение их прав стоящим денег, провозгласив, что “пиратство” в их отношении является нарушением интересов собственности. Для сравнения — подсчитав расходы на земляные работы, возобновление поголовья рыбы и так далее, я предполагаю, мы получим цифру в 1 миллиард долларов в качестве цены спасения озера Эри. Я не могу сказать, до какой степени тот, кто принимает решения, должен учитывать в затратах такие факторы, как боль и страдание животных. Это уже относится к области социально-психологических аспектов. Самые сильные доводы приводятся с точки зрения преимуществ для человека, присваивающего себе права окружающей среды. Исследователь морей Жак-Ив Кусто предсказал, что океаны (на которые мы смотрим, мечтая, что они прокормят наше быстро растущее население) движутся в направлении собственной смерти: “Жизненный цикл сложным образом связан с водным циклом... водные системы должны оставаться в живых. Если мы хотим оставаться в живых на земле”. Мы исчерпываем наши энергетические и пищевые ресурсы темпами, которые мало учитывают даже потребности живущих сейчас людей.

...Несколько лет назад о загрязнении потоков думали только как о проблеме вонючей, неприглядной, непитьевой воды, т. е. проблеме для нас. Сейчас мы начинаем открывать, что загрязнение представляет собой процесс, который разрушает удивительно тонкие равновесия жизни в воде, а также между водой и ее берегами. Это расширенное понимание увеличивает наше чувство опасности для нас. Но мы так-

же культивируем личные способности внутри нас, все более и более признавая, что природа, как и черный человек, индеец или чужеземец, похожа на нас. Возможно недалеко время, когда эти чувства и юридические движения смогут объединиться в радикально новую теорию наподобие социального контракта, признавшего, что Папа является наместником Бога на земле. Разве удивительно, что термин “космический корабль Земля” так захватил воображение людей? Проблемы, с которыми нам приходится сталкиваться, все больше отражают всемирные кризисы глобального организма: не загрязнение ручья, а загрязнение атмосферы и океана. Все больше смерть, которая занимает воображение каждого человека, является не его собственной смертью, а смертью всего жизненного цикла планеты Земля. Перейти от возвышенного мысленного образа планетаризации сознания к действию нашей муниципальной юридической системы означает спуститься на твердую землю. Лучше всего, чтобы суд выполнял не работу по изданию указов, а саму задачу, для которой он призван: вызывать в человеческом духе самые добрые, самые благородные и достойные идеи, которые изобилуют в нем, придавая им форму и реальность. В случае с окружающей средой Верховный Суд может занять позицию присвоения “прав”, которая внесет вклад в изменение общественного сознания.

Я не могу сказать, насколько мы далеки от признания юридических прав объектов окружающей среды. Но в последних возражениях судьи Блейка относительно плана Департамента дорог Техаса звучат слова о “похоронах общественных парков”, о сегментах магистралей, которые “пожирают землю парков” и о “сердце земли парков”. Был ли он в конце своей великой карьеры на грани желания признать и сказать о том, что “природа имеет право ради нее самой”? Было ли это так тяжело?

“Интересы” природных объектов

Джей Кантор

Введение

Кристофер Стоун заявил, что права связаны с интересами и что, поскольку *природные объекты* (например, экосистемы, реки, деревья) обладают интересами, они могут (и, возможно, должны) иметь и права¹. Я соглашаюсь с тем, что права связаны с интересами, но хотел бы выдвинуть следующие аргументы: во-первых, не обо всем из того, что можно называть *природным объектом* можно сказать, что оно имеет интересы, определенные критерии должны быть установлены для разграничения тех природных объектов, которые имеют интересы, и тех, которые их не имеют.

Во-вторых, некоторые из обсуждаемых Стоуном природных объектов вообще не являются по своей сути природными объектами. Да и сама категоризация членов данной группы как целостных элементов с их собственными интересами может рассматриваться только как таксономия, привнесенная извне людьми и предназначенная служить человеческим интересам. Будучи таким образом созданными, эти искусственные объекты все же имеют интересы, которые могут быть защищены правами; и все же предоставление таких прав не может основываться на каких-либо наших прямых обязанностях по отношению к самим объектам, но вместо того может основываться только на прямых обязанностях, которые мы имеем перед теми людьми, которые связаны с этими объектами. Если мое утверждение истинно, то тогда предложение Стоуна предоставить та-

ким объектам права противоречит его собственному заявлению о том, что если что-либо обладает правом, то тем самым оно обладает и “законно признанной ценностью и достоинством само по себе, а не только по причине возможности служить средством для достижения блага для “нас” (любой возможной современной группы “праводержателей”, т. е. лиц, обладающих правами).

И наконец, Стоун рассматривает и третью категорию природных объектов, которые, в противоположность первым двум, корректно описываются как природные объекты со своими собственными, первичными, непродуцированными интересами. Подобным объектам (например, отдельным растениям) могут быть предоставлены права, которые действительно защищают их собственные интересы, а не “опосредованные” интересы людей. (То есть, подобные права могут быть предоставлены, гарантированы ради самого объекта, безотносительно к человеческим интересам). Однако, я полагаю, что мы совсем не совершаем несправедливости к подобным объектам в тех случаях, когда лишаем их этих прав.

Случаи, которые относятся к природным объектам (таким, как деревья, ручьи, леса, озера или же экологические системы, которые включают баланс условий между, например, озером, питающим это озеро ручьем, обитающими в ручье и озере животными и растениями, а также растениями и животными, обитающими на прилегающих к ручью и озеру территориях) — такие случаи традиционно фокусировались

¹ Christopher D. Stone. Should Trees Have Standing? (New York: Avon Press, 1975).

Опубликовано: Kantor J.E. The “Interests” of Natural Objects. - Environ. Ethics. Vol. 2. 1980. P. 163-171. Пер. С. Мосякина.

на эффектах вмешательства в эти природные объекты и конфликта с человеческими интересами. Таким образом, если компания сбрасывает промышленные отходы в речку, она может получить иск от живущего ниже по течению фермера за тот ущерб, которому он или его собственность подверглись в результате этого загрязнения. Сама же по себе речка в данном случае не имеет ни правового статуса, ни прав.

Однако Стоун полагает, что сама речка имеет интерес, заинтересованность в том, чтобы не быть загрязненной; соответственно, заявляет Стоун, вполне обоснованно можно утверждать, что иск может быть выдвинут от имени самой речки, независимо от того, имело ли загрязнение какой-либо эффект на обитающих на ее берегах людей:

“Природные объекты могли бы иметь легальный статус в своих правах, снабжены защитниками; нанесенный им ущерб рассматривался бы как независимый фактор в оценке правовой защиты и компенсации; и они бы сами были получателями законного возмещения для их собственного блага”.

Более того, Стоун полагает, что для природных объектов не только *возможно* иметь права, но и что было бы *несправедливым* эти их права отвергать:

“... если такое подобное действие законно, то представляется, что оно должно быть законным независимо от того, есть ли “в нем” нечто для кого-либо”.

Потребности и интересы отдельных природных объектов

Такие термины, как интерес, необходимость, необходимая потребность, потребность, нужда весьма важны для аргументации Стоуна, однако он использует их с поэтической и беспечной импульсивностью, допуская некоторые неясности в определении их значений:

“... Что касается первого возражения (о том, что было бы невозможным оценить потребности природных объектов), то я полагаю, что преодолеть эту проблему весьма легко. Природные объекты *могут* сообщать нам о своих нуждах (потребностях), причем совсем не чересчур неясными способами. Я вполне уверен, что я могу оценить, когда и где мой газон нуждается (испытывает потребность) в поливе, причем столь же четко и обоснованно, как Государственный Прокурор может оценить, когда и где Соединенные Штаты испытывают потребность (необходимость) в апелляции по поводу незаконного решения нижестоящей судебной инстанции. Газон сообщает мне о своей потребности в воде многим: некоторой сухостью травинки и почвы — что сразу же ощущается на ощупь — появлением залысин, пожелтением, отсутствием упругости после того, как по нему прошли...”

Как пишет Х. Дж. МакКлоски, концепция интересов является “достаточно неясной и уклончивой...”². Но мне кажется, что существуют лишь два основных значения, в которых мы используем этот термин: во-первых, мы используем его по отношению к определенным состояниям сознания, как приходящим, зависящим от момента (“Ему интересен этот фильм, который он сейчас смотрит”), так и “настроенческим”, абстрактным, выражающим общее предпочтение (“Он интересуется кино”). Во-вторых, мы подразумеваем, что этот термин означает примерно то же, что и благо, выгода, приносящий благо, выгоду (“В его интересах учиться лучше, чем он учится сейчас”).

Когда слово употребляется в частичном синонимичном значении с “выгодой” и “благом”, то совсем не обязательно, чтобы кто-либо интересовался (состояние разума) тем, что в его интересах (на благо). Например, Кристоферу мо-

² H.J. McCloskey. Rights. - Philosophical Quarterly. 1966. 15: 124.

жет быть интересно смотреть фильм, хотя в его интересах было бы лучше посвятить это время учебе.

Термин “потребность”, “нужда” столь же расплывчатый. Можно *нуждаться* в витамине В и вместе с тем *не хотеть* принимать витамин В.

Очевидно, Стоун вовсе не утверждает, что природные объекты действительно заботятся с своих потребностях и интересах. Однако, его серьезное заявление заключается в том, что природные объекты имеют потребности и интересы в том смысле, что они могут получать блага и подвергаться ущербу.

Но, несомненно, Стоун сильно упрощает даже и такое заявление. Совсем не очевидно, чтобы о каждой и всякой вещи, которая может именоваться природным объектом, можно было бы утверждать, что она имеет потребности или интересы, или же, что эта вещь может получать определенные блага или подвергнуться ущербу. Представим себе, например, природный объект — “Огромный агатовый валун” — цельную глыбу агата посреди голой пустыни. Без сомнения, этот валун уникален, необычен и, возможно, красив. Возможно также, что его разрушение или даже изменение его формы будет огромной эстетической потерей для человечества. Но какой смысл имеет утверждение, что сама по себе глыба обладает интересом оставаться цельной, или же имеет потребность оставаться в неизменном состоянии? Как же можно заявить в прямом, неметафорическом смысле, что отбивающий кусочки добытчик агата наносит ущерб валуну, или же что сам этот валун может получить некое благо, если оградить его от разрушения добытчиками агата?

Есть искушение заявить, что то, что не является верным для валунов, также не подтверждается и для других природных объектов, например, озер. Несомненно, имеется множество способов нанести ущерб озеру; и, несом-

ненно, мы можем утверждать (безотносительно к человеческим потребностям и пожеланиям), что озеро *нуждается* в питающих его речках, и что оно понесет ущерб, если в него слить большое количество стирального порошка.

Но основная трудность возникает здесь относительно по крайней мере некоторых типов природных объектов: не представляется возможным определить “природный конец”, природные границы таких единиц как озера и реки; а в свою очередь, из-за этого не представляется возможным определить, какие интересы мы должны защищать (исключая те, которые определяются в понятиях человеческих пожеланий и потребностей). Например, озеро, которое зарастает водорослями (по естественным причинам или из-за намеренного антропогенного загрязнения), тем самым подвергается трансформации в болото. Что же является “природным завершением” этого процесса — чистое озеро, промежуточная стадия плавней, болото или, быть может, в конечном итоге возникающее месторождение торфа? Чтобы оставаться озером, озеру “нужно” быть относительно чистым от водорослей, но если мы его поддерживаем свободным от водорослей, то не задеваем ли мы тем самым интересы болота? Если мы сбрасываем фосфаты, то что же мы делаем: отравляем озеро или питаем зачаточное болото? Как указывает Уотсон, эколог может представить нам целый набор равновесных состояний для озера, но если мы решаем сохранять это равновесие, то только потому, что мы предпочитаем озеро болоту, а не потому, что чем-то обязаны этому озеру или какому-либо “естественному порядку вещей”.

Потребности и интересы экосистем

Если мы пытаемся говорить об интересах или потребностях экологичес-

ких систем, то проблемы только нагромождаются. Что бы там ни говорил Гераклит*, озера и реки могут быть определены как унитарные пространственно-временные единицы, и могут быть классифицируемы как таковые, независимо от интересов и потребностей человеческих существ (за исключением нашей “потребности” в классифицировании). Озера, реки, валуны — все они имеют вполне определенные и стабильные границы, они довольно-таки однородны по составу; и (я далее объясню важность нижеприведенного пункта) мы можем вполне четко данную отдельность или часть этой отдельности от других вещей, которые не есть части этой отдельности, но которые пространственно с ней соседствуют или имеют на нее воздействие, влияние. Например, я могу провести различие между каменной глыбой и отбивающим от нее кусочку старателем или между озером и питающими его реками и ручьями.

С другой стороны, очевидно, не существует какой-либо природной точки отграничения, которая могла бы обосновать подобное заявление “Озеро А, питающие его реки А и В, и массивы деревьев С и D, окружающие озеро и питающие его реки, составляют неразрывное единство”. Почему бы нам, к примеру, не включить сюда и ручей, который впадает в реку А? Или горный хребет на расстоянии нескольких сотен миль, который оказывает сильное влияние на ветры, пронсящиеся над озером А? Это не просто мелкие логические придирки. Невозможно провести четкое различие между *частями* экосистемы и внешними объектами, которые не являются частями системы, но *воздействуют* на нее.

Любое подобное установление границ, любое отграничение такой “от-

дельности” от всего того, что действует на эту отдельность, может рассматриваться лишь как создание искусственного объекта, определенного в соответствии с нашими потребностями и интересами. Как только такой объект создан, можно утверждать, что он имеет потребности и интересы, но они являются вторичными, паразитическими по отношению к нашим потребностям и интересам. Например, мы также можем сказать, что вытесанная из куска дерева статуя может иметь потребности (например, защиты от эрозии и вандализма), но эти потребности соотносятся только с *нашим* стремлением сохранить статую в нетронутом виде.

Стоун предвидит подобного рода возражение в несколько ином контексте:

“Действительно, здесь имеется лабиринт онтологических проблем, в котором мы можем заблудиться: какой именно природный объект мы собираемся провозгласить в качестве “юридического лиц” — экологию бухты? устричную банку на ее дне? Если может быть установлена опека над лесом, то, позволительно спросить, а почему не над отдельные червем? Должны ли мы уделить нашу заботу речному бассейну, притоку или реке? Предположим, окружной суд назначает опекуна над небольшой рекой, а федеральный суд, руководствуясь иными идеями, назначает опекуна для большого речного бассейна, частью которого является данная речушка?”

Стоун продолжает рассуждать об этих “онтологических проблемах” так, словно бы они превратятся в простые конфликты интересов, которые могут быть разрешены судебным порядком, основываясь на их сравнительных достоинствах. Но эта попытка уклониться от проблемы не сработает; данный вопрос нельзя повернуть в сторону конфликта интересов до тех пор, пока в первую очередь не уточнены и определены само “юридическое лицо” и его интересы. Если же подобные опреде-

* Имеется в виду знаменитый афоризм, что нельзя дважды ступить в одну и ту же реку — *ред.*

ления можно выработать только в соответствии с тем, каковы наши потребности и предпочтения, то в таком случае “природный объект” вовсе не имеет “ценности и достоинства сам по себе”; и нам приводится вернуться назад, к принятию решений на основе интересов живущих на берегах людей.

Теперь, как только такой объект с “его” потребностями и интересами был создан, можно защищать эти потребности и интересы правами; но я полагаю, что подобный ход буквально совершенно неприемлемым образом смыкает саму концепцию прав. Я считаю, что права должны пониматься как непосредственно направленные на обладателя прав и во имя его блага. Они предоставлены отнюдь не для того, чтобы опосредованно защищать интересы других — они как раз и служат для обеспечения некоторой защиты обладателя прав *от* интересов других.

Потребности и интересы отдельных растений

Имеются типы таких природных объектов, которые являются таковыми по своему природному праву; о них также можно сказать, что они имеют свои собственные интересы, независимые и не производные от человеческих интересов. Подобным объектам могут быть предоставлены законные права, которые не есть производными в том смысле, что они существуют “во имя и на благо” самого обладателя прав, а не на благо других, которые могут получить выгоду в том случае, если данные объекты должны иметь права. Примером подобного природного объекта есть отдельное растение — хотя бы, к примеру, одно из упомянутых Стоуном деревьев.

Долго оспаривалось, имеют ли отдельные растения интересы. Леонард Нельсон, который попытался скоррелировать обладание правами с облада-

нием интересами, отвергает возможность растений иметь права, поскольку он полагает, что их интересы невозможно определить (даже в том случае, если они действительно имеют интересы):

“Насколько мы можем судить, камень может иметь интерес быть попрунным нашими ногами, а капуста — быть съеденной нами. Исходя из того факта, что мы не знаем, действительно ли мы здесь сталкиваемся с интересами, мы не можем вывести, какие именно интересы мы должны учитывать”.³

Очевидно, здесь Нельсон смешивает два основных значения слова “интерес” — значение, относящееся к состоянию сознания и значение, соотносящееся с: потребностями и благами. Если Нельсон подразумевает, что растения не имеют определенных ментальных состояний, то тогда он, я полагаю, прав. Но если он подразумевает, что растения не имеют определенных потребностей, или благ, или выгод, то здесь он, как я думаю, ошибается.

Джоел Файнберг соглашается с тем, что растения не имеют интересов, и вот одно из наименее амбициозных его заявлений: “Деревья — это не те создания, которые имеют свое “во имя”. Он пишет:

“... сказать, что деревья нуждаются в солнечном свете и воде — означает сказать, что без этого они не могут расти и выжить; однако, если только рост и выживание деревьев не являются предметом озабоченности человека, не задевают какие-либо человеческие практические или эстетические интересы, то одни только потребности деревьев не послужат основой для любых заявлений о том, что им, деревьям, причитается по их собственному присущему праву. Растения могут нуждаться во многом для выполнения своих функций, но их функции определяются

³ Leonard Nelson. System of Ethics. (New Haven: Yale University Press, 1956). P. 140.

человеческими интересами, а не собственными интересами растений”.⁴

Хотя мы и говорим о “процветающих” и “буйствующих растениях, Файнберг полагает, что наша возможность прилагать эти термины к растениям во все не означает, что они имеют интересы. Мы просто берем ботанические термины, которые стали фиксированными избитыми метафорами по отношению к людям, и неверно применяем уже эти метафоры снова по отношению к растениям.

Мне кажется, что и Нельсон, и Файнберг ошибаются, и что вполне имеет смысл (причем прямой, а не переносный, не метафорический) говорить о том, что растения имеют интересы.

(1) Отдельные растения — не просто агрегаты; они организмы и определяются как независимые сущности в своих правах.

(2) Они имеют саморегуляторные и гомеостатические функции, которые служат для сохранения единства, целостности организма.

(3) Сказать, что растение “процветает”, или “хорошо себя чувствует”, или “хиреет”, или же что растение “выглядит здоровым” или “нездоровым” — несомненно, большее, чем серия метафор. Каждый из этих терминов представляется неметафорическим описанием возможных состояний, в которых может находиться растение.

(4) Лишение растения воды представляется весьма отличающимся от, например, лишения машины бензина или масла. Высказывание “Этому растению нужна еще вода” кажется очень отличающимся от фразы “Этой машине нужно масло”. Перефразируя обсуждение Георга фон Райта: хотя мы

можем сказать и о растениях, и о машинах, что они плохо функционируют при отсутствии определенных жидкостей, но все же в случае машин мы говорим о функционировании, определяемом в понятиях человеческих потребностей и пожеланий. То есть, машина “хорошо себя чувствует”, если она хорошо функционирует; а она функционирует, если везет нас туда, куда мы хотим, и так, как мы хотим — комфортабельно, быстро или экономно. С другой стороны, мы можем сказать, что растение “хорошо себя чувствует” безотносительно к человеческим потребностям или пожеланиям. Мы можем говорить о “хорошо чувствующих себя растениях” даже в том случае, если их “благополучие” идет вразрез с нашими пожеланиями (например, плесень на моем хлебе может чувствовать себя прекрасно, а ядовитый сумах может просто процветать на моей тропе). Некоторые из высказываний фон Райта вполне уместны здесь:

“Создание, о благе которого можно осмысленно говорить — это то, о котором можно осмысленно сказать, что оно здоровое или больное, что оно процветает, или счастливо, или несчастно”.⁵

Признаки, атрибуты, сопровождающие осознанное использование фразы “благо такого-то”, могут быть названы в широком смысле биологическими. Я совсем не подразумеваю под этим, что эти термины широко и часто используются биологами. “Счастье” и “благополучие” едва ли можно считать словами из профессионального словаря биологов. Называя эти термины “биологическими”, я подразумеваю, что они используются как атрибуты созданий, о которых можно осознанно

⁴ Joel Feinberg. The Rights of Animals and Future Generations. - Philosophy and the Environmental Crisis. (Athens: University of Georgia Press, 1974). P. 50.

⁵ Georg Henrik von Wright. The Varieties of Goodness. (New York: Humanities Press, 1973). P. 50.

сказать, что они обладают *жизнью*. Таким образом, вопрос “Какие виды обладают благом?” в широком смысле идентичен вопросу “Какие типы видов созданий обладают жизнью?” Можно утверждать, что говорить о благе некоего создания — это метафора; но до определенной степени является метафоричным и говорить о жизни данного существа.

Должны ли растения обладать правами?

Выше обсуждался вопрос о том, что отдельные растения удовлетворяют тому, что я полагаю одним из необходимых условий для предоставления прав — обладание внутренне присущими интересами. Однако я не считаю, что растениям должны быть предоставлены права. Проблема установления необходимых и достаточных условий для обладания правами весьма сложна — это ясно даже из беглого взгляда на современную литературу по вопросу об абортах. Здесь я лишь приведу некоторые соображения.

Во-первых, я считаю, что обладание моральным сознанием — слишком строгий критерий для того, чтобы быть признанным необходимым условием. Мы признаем права за многими из тех, кто не способен к разумному нравственному сознанию, например, за детьми, некоторыми из душевнобольных, имбецилами. Я не думаю, что мы предоставляем им права по той причине, что они потенциальные носители морального сознания — врожденные идиоты и имбецилы не имеют никакого дальнейшего потенциала. И мы гарантируем им права вовсе не по причине нашего опасения подвергнуть угрозе безопасность нашего правового статуса и не по причине того, что мы не хотим обидеть тем носителей морального сознания, которые имеют тесные эмоциональные связи с этими несчастными.

Я считаю, что мы предоставляем им права ради них самих, а не ради других людей.

Второе необходимое условие для предоставления прав — условие, которое растения выполнить не могут — обладание способностью страдать в том случае, если предоставляемое правом благо отнимается. Если, например, имеется право не быть подвергнутому ненужной боли, то этим правом обладают не потому, что обладатель просил об этом, и не потому, что обладатель права имеет разумную или законодательную волю, но просто потому, что мы признаем, что боль при прочих равных условиях есть зло, и соответственно мы, те, кто способен воплощать обязанности в закон, полагаем, что должна быть сильная защита против тех, кто мог бы осознанно и злонамеренно причинять боль другим.

Под *страданием* я не подразумеваю физическое значение термина (как во фразе “Корабль пострадал во время шторма”). Я имею в виду ментальные значения. Они могут относиться к чему-либо столь “простому” как чувство боли, испытываемое человеком и многими животными; или же эти значения могут относиться к состояниям, требующим высоких степеней когнитивной способности. Примером последнего служит беспокойство или опасение, которое может испытывать нормальный взрослый человек при мысли о том, что он в постоянной опасности, если он не защищен правом на то, чтобы не быть убитым.

Если приведенные здесь мои рассуждения справедливы, то тогда многие животные должны иметь по крайней мере некоторые из тех прав, что имеем мы, например, право не подвергаться неоправданной боли. С другой стороны, экосистемы не страдают от непредоставления им прав; не имеется также никаких оснований полагать, что индивидуальные растения могут стра-

дать от этого. Равно и виды животных и растений не могут страдать от непредоставления прав. Никто и ничто из вышеперечисленных не способны быть заинтересованными (ментальное состо-

яние) в том, что составляет их интерес (благо, выгоду); и никому и ничему из них мы не обязаны предоставлять ту защиту, которую дает обладание правами.

Зачем нужны права дикой природе

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Сразу отмечу, что я являюсь сторонником взглядов американского юриста и экофилософа Кристофера Стоуна. Не могу также не согласиться со своим коллегой, российским поборником освобождения животных Т.Н. Павловой, что *“признание прав животных ставит вопрос о правильных и неправильных действиях без учета их последствий, т. к. права не зависят от пользы. Морально правильные действия не могут оцениваться с позиции пользы. Неправильное действие всегда аморально, даже если оно может принести кому-то пользу”* (Павлова, 1998).

К. Стоун идет дальше, предлагая узаконить не только моральный, но и юридический статус животных, растений и объектов дикой природы. По сути, его предложения производят настоящую революцию как в теории, так и в практике природоохраны. По его мнению, предоставление животным и другим составным частям дикой природы юридических прав автоматически даст следующие преимущества: 1) нарушение прав дикой природы повлечет за собой возбуждение уголовной ответственности; 2) при рассмотрении вопроса о снятии наказания суд должен принимать во внимание нанесенный ущерб; 3) после освобождения от наказания в выигрыше должна оставаться потерпевшая сторона.

К сожалению, не только юридический, но и моральный статус животных, не говоря уже о растениях или участках дикой природы, совершенно не учитывается в современном природоохранном законодательстве. Так, ни в российском, ни в украинском законе “О животном мире” даже косвенно не защищаются моральные права животных на жизнь и свободу. В результате мы имеем широко распространенную практику, когда аморальные действия по отношению к диким животным не противоречат природоохранному законодательству, а совершаются в правовом поле. Яркий пример – завоз в Украине в 1999 г. в Чернобыльскую радиоактивную зону лошадей Пржевальского. Чем нарушено их моральное право на здоровую среду обитания.

Можно понять Джея Кантора и других оппонентов Кристофера Стоуна. Придание объектам дикой природы моральных прав, не говоря уже о юридических, нонсенс. К этому предложению сначала нужно привыкнуть. Признание прав подразумевает сложный оценочный процесс. Со временем, из-за социального консенсуса или укоренившейся веры, определенные права могут именоваться моральными и быть узаконены в этических или религиозных кодексах. Права могут считаться моральными, когда они происходят от поведения, которое кажется всеобщим и естественным.

Критикуя К. Стоуна, Д. Кантор совершенно упустил из виду, что в разные времена и у разных народов некоторые животные уже наделялись как моральными, так и юридическими правами. Вспомним хотя бы уголовные и гражданские процессы против свиней, коров, собак, петухов и т. д., проводившиеся в средневековой Европе. В России, например, во второй половине XVII века одного козла осудили к ссылке в Сибирь (Фишер, 1899).

Свое право на часть добычи имели охотничьи сокола и орлы в Аравии и Персии во времена светских охот. Южноамериканские индейцы считают попугаев и некоторых грызунов “единственными хозяевами лесов”. Право животным на отдых дают заповеди иудаизма. В одном из папирусов, найденных в пирамидах, сказано: “Не найдено ни одной жалобы со стороны быка против Н” (Борейко, 1999).

Все это подтверждает тот взгляд, что в разных культурах уже были прецеденты предоставления прав животным. Как правило, степень, до которой признаются права за конкретным существом, соответствуют оценке, которое дается этому существу тем, кто признает за ним права. В этом случае наиболее ценное существо получает наибольшее количество прав.

Итак, какие моральные права мы можем предоставить диким животным?

1. Право на жизнь

Жизнь, как явление уникальное и обнаруженное пока только на Земле, сама по себе представляет ценность, а значит, все живые существа должны цениться и иметь хотя бы это основное моральное право.

2. Право на свободу

Свобода — лучшее условие существования дикого, в том числе и диких животных. Многие дикие животные не могут жить несвободными, в неволе.

3. Право на защиту от ненужного страдания

Это право очень важно для организ-

мов, имеющих высокий филогенетический статус и испытывающих сильную боль при страдании.

4. Право на продолжение жизни (репродукцию, воспроизводство)

Можно предположить, что цель любого существа — воспроизводство себе подобных. В противном случае вид, которому относится животное, может исчезнуть или значительно сократить свою численность.

5. Право на здоровую среду обитания

Любое животное, попав в нездоровую среду обитания, будет испытывать неблагоприятное воздействие, что может повлечь за собой заболевание или его смерть.

6. Право на стремление к счастью

В чем может состоять счастье для диких животных? Наверное в том, чтобы оставаться такими, какие они есть: дикими, свободными, сильными и необыкновенно красивыми.

Я согласен с К. Стоуном, что уже в недалеком будущем можно будет говорить о предоставлении моральных и юридических прав не только животным, но и растениям, и даже элементам неживой природы — рекам, горам, экосистемам, участкам дикой природы. Растениям могут быть предоставлены моральные права на жизнь, на возобновление, на обеспечение жизнедеятельности (почва, вода, солнечный свет), объектам неживой природы — право на собственное сохранение (на существование).

Один из главных аргументов, который использует Д. Кантор против К. Стоуна состоит в том, что, как считает Д. Кантор “необходимые предпосылки для обладания правами — это обладание внутренними непреходящими интересами и способность подвергаться ущербу в тех случаях, когда эти интересы задеваются, отвергаются, либо подвергаются угрозе”. По мнению Д. Кантора, растения или объекты неживой природы не имеют своих интере-

сов, а значит, не могут обладать моральными правами. Однако в своей философской аргументации Д. Кантор использует только утилитаристский подход. В этом и состоит его основная ошибка. Дело в том, что кроме утилитаристского, существует еще два способа доказательства наличия или отсутствия моральных прав — деонтологическое и религиозное. Согласно первому, растения и природные объекты имеют внутреннюю ценность (ценятся ради самого себя). А значит, имеют моральный статус, что является основанием для обладания моральными правами.

Согласно религиозному доказательству, все виды флоры, фауны и объекты неживой природы созданы Богом и существуют для Бога. А все, что созда-

но Богом, имеет моральный статус, и значит — моральные права.

Если исходить из этих двух приведенных философских и религиозных обоснований, то растениям, рекам, скалам могут быть предоставлены моральные права. Естественно, со временем, при определенном уровне культуры, этики некоторые моральные права становятся правами юридическими.

Литература

- Борейко В.Е. (1999): Прорыв в экологическую этику. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-128.
- Павлова Т.Н. (1998): Биоэтика в высшей школе. Киев: Киевский эколого-культурный центр. 1-128.
- Фишер С. (1899): Человек и животные. Этико-юридический очерк. СПб. 1-279.

— Мужики, во всем нужно видеть положительную сторону.
Хоть нас и осталось совсем мало, зато пастбищ достаточно!
— Тебе, может, и достаточно пастбищ, а нам вот коз не хватает!

Рис. Э.Д. Шукурова

В 1789 году, путешествуя по Швейцарии, Карамзин совершил паломничество к рейнским водопадам Штауббаху, Триммербаху и Рейхенбаху. Альпийское восхождение имело для Карамзина почти религиозное значение.

Он преклонил колена и молился на вершине горы. Посещение Рейхенбаха описано Карамзиным также с очевидным религиозным подтекстом, водопад здесь обладает почти божественными атрибутами. От первого же соприкосновения с ним Карамзин почти слепнет, и далее: “Тщетно воображение мое ищет сравнения, подобия, образа! ... Рейн и Рейхенбах, великолепные явления, величественные чудеса природы! В молчании удивляться будет вам всякой, имеющий чувство; но кто может изобразить вас кистью или словами? – Я почти совсем лишился чувств, будучи оглушен гремящим громом падения и упал на землю”. Экзальтированное поведение Карамзина у Рейхенбаха является своего рода “цитатою” и отсылает к известному факту моления Я. Ленца у того же водопада в 1777 году. Карамзин был близко знаком с Ленцем, принадлежавшим общему с ним масонскому кругу. Связь действий Карамзина с молением Ленца подчеркивается также визитом русского писателя к И.Г. Мюллеру, жившему тут же в городке Шафгаузен и сохранявшему бумаги Ленца.

Ритуальность карамзинского поведения становится очевидной при сравнении “Писем русского путешественника” с “Путешествием по Германии, Швейцарии, Италии и Сицилии” (1791) Ф.Л. Штольберга – масона и друга Ленца. Штольберг описывает свое паломничество к рейнскому водопаду у Шафгаузена, вспоминает о коленопреклонении Ленца и приписывает своей жене поведение близкое карамзинскому: “У моей

Софи подогнулись колени и она побледнела”. И далее Штольберг объясняет: “Я непосредственно ощущал praesens numen (здесь и ныне действующего бога [Gegenwärtig wirkende Gottheit])”.

Отождествление водопада с богом является

кульминацией долгой истории превращения водопада в символ.

1

Первое описание величественного могучего водопада в новоевропейской культуре, по мнению П. Ван Тигема, обнаруживается во “Временах года” (1726-1730) Джеймса Томсона. XVII век знает в основном буколические каскады, моделью которых являются фонтаны виллы д’Эсте в Тиволи, многократно описанные в литературе (парк виллы д’Эсте послужил, например, прообразом сада Армиды в XVI песне “Освобожденного Иерусалима” Тассо). Тиволийский парк кардинала д’Эсте задумывался как земной аналог рая. Здесь были собораны “все” виды зверей, а искусственные каскады снабжены водными органами, “переводившими” звук воды в мелодии и пение птиц. Малый буколический каскад таким образом в XVII веке прочно связывался с символикой рая. В 1661 году центральный тиволийский каскад был отстроен Лоренцо Бернини, автором архетипического речного символа – знаменитого “Фонтана рек” (1647-1652). “Фонтан рек” Бернини представлял собой египетский обелиск, водруженный на скалу, из гротов которой вытекали четыре реки рая. Концепция фонтана была позаимствована у иезуита Атанасиуса Кирхера, занимавшегося египтологией и фантастической интерпретацией египетских иероглифов (якобы в силу своей пиктографичности сохранявших мотивированную связь с физическим миром и являвшимися записью адамического языка Эдема, от которого, как и от иероглифов, были утеряны ключи). Обелиск, по Кирхеру-Бернини, – это символ божественного света, нисходящего на первозданный хаос (скала),

Опубликовано в сборнике: Труды по знаковым системам. Тарту: ТГУ, 1984. С. 26-41. Печатается с сокращениями.

в темноте которого (пещера) под действием света рождаются священные реки. В пещерах Бернини поместил льва (соляренный символ) и бегемота (животное Тифона), превратив аллегию рек в своего рода миф о Ниле. Согласно Порфирию, разлив Нила происходит, когда солнце находится под знаком льва. Лев в пещере является символом соляренного оплодотворения земли. Бегемот-Тифон – иссушающий ветер, антагонист Нила-Осириса и соляренного льва.

“Фонтан рек” отражает характерную для XVII века египтоманию и распространение существенной мифологической аберрации – Нил относится к числу райских рек. Традиционно Эдем локализовался в Месопотамии, а остатками четырех райских рек считались Тигр и Евфрат. Нил сопрягался с раем как “иероглифическая” река, связанная с адамическим допотопным сознанием.

Именно к Нилу относятся все основные описания античности. Сенека в “Вопросах естествознания” посвящает целую книгу Нилу (в основном разбирая версии и происхождении его разливов, причину которых он видит в огромных резервуарах воды, имеющих в недрах земли) и дает описание его истоков как “большой реки, выходящей из двух скал”. Он же дает подробное описание нильских водопадов, которые производят такой оглушительный грохот, что “народ, расселенный персами в этом месте, оглушенный непрекращающимся шумом, не мог там выжить, и ему нашли для жительства более спокойный район”. Цицерон во “Сне Сципиона” сравнивает грохот нильских водопадов с музыкой небесных сфер: “Наполненные шумом мироздания, ваши уши оглохли от него, так как слух – чувство, наиболее подверженное притуплению. И точно так же в месте, называемом Катадупа, где Нил низвергается с высоких гор, непрекращающийся грохот приводит к тому, что люди перестают воспринимать звуки. ... Точно так же вы не можете смотреть прямо на солнце, а его лучи подавляют остроту вашего зрения и ваших чувств”.

У Цицерона нильский водопад наделяется божественными атрибутами: его гро-

хот невозможно услышать, как нельзя увидеть сияние чистого света. К числу божественных атрибутов Нила относится и бездонность его источников, отмечавшаяся еще Геродотом. Нил вытекает из бездонной пропасти, а восхождение к его истокам равноценно обретению магической тайны (в том числе и знания первоязыка). Не случайно, Филострат отправляет Аполлония Тианского в поисках тайного знания к истокам Нила и заставляет пройти его через три грохочущих и оглушающих нильских водопада. Что же касается пути к истокам, то его не только “трудно пройти, но даже и вообразить”.

Водопад ассоциируется с богом и в Священном писании: “Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих” (Псалом 41, 8).

Начавшаяся в XV веке ассимиляция христианством египетской символики, вторичное обожествление Нила стимулировали поиски его истоков и создали устойчивую легенду о существовании земного рая в Абиссинии. Испанский доминиканец Луис де Уррета в своей “Истории Эфиопии”, изданной в Валенсии в 1610 г., утверждал что “Альпы и Пиренеи показались бы небольшими хижинами рядом с горами у истоков Нила”. Среди этих гор одной было отдано предпочтение в качестве места локализации земного рая – это гора Амара, о которой тот же де Уррета писал, что на ней обнаруживаются “особенности, характерные для земного рая”. Гора, о которой идет речь, находится в стороне от истоков Нила и соотнесена с раем в силу “инерционности” нильского мифа. На Амаре (эфиопское название Амба Гексен) находилось место заточения абиссинских принцев. Сюда, во избежание династических войн, помещались младшие братья наследника престола. Амара – место паломничества португальских иезуитов, от которых сведения о ней распространялись в Европе. Франсишку Альвареш, побывавший здесь в 1520 г., соотносит Амару с царством пресвитера Иоанна и описывает огромную стену, замыкающую гору вокруг и непреодолимую для пришельцев. На вершине Амары покоится небо, и нужно 15 дней, чтобы обойти гору

вокруг, “на вершине этой горы находятся еще другие очень высокие горы, создающие долины [там текут реки и бьют многочисленные источники, и лежат поля, обрабатываемые жителями]; и говорят, что там между двумя крутыми горами есть долина, из которой никак невозможно выйти, потому что она закрыта двумя [очень крепкими] воротами”. Другой миссионер Мануэл Альмейда (путешествовал в 1623-1633) отрицает наличие рая на Амаре, но добавляет несколько характерных деталей: “Она почти круглая, хотя вершина ее имеет форму креста”. Амара имеет на вершине столбы, как бы поддерживающие небо, и столбы эти имеют форму пирамид. Характерно, что почти 150 лет спустя знаменитый английский путешественник Дж. Брюс, описывая “столбы” на Амаре, повторяет Альмейду: “некоторые из них подобны пирамидам, другие напоминают пирамиды и обелиски”. Таким образом, устанавливается связь рая с египетской “иероглифической” традицией, уже зафиксированная, например, в “Аркадии” (1504) Я. Саннадзаро, где в буколическом раю неожиданно возникает “прекрасная пирамида на небольшом постаменте, водруженном на невысокую горку, между двух источников чистой и сладчайшей воды, с вершиной в форме прямого и густого кипариса, устремленной к небу; на ее четырех плоскостях можно было увидеть прекрасные изображения фигур”. Отсюда тянется нить и к “Фонтану рек” Бернини, объединяющему Нил, рай, гору и обелиск.

Амбивалентность горного рая отсылает к традиции связывать возникновение гор с деградацией земли. Вплоть до XVII века сохранялось представление о том, что первоначально мир был создан в виде идеального шара или яйца, а “горы, как и иные искривления поверхности земли, были непосредственным результатом греха Адама и Евы. Наказанию были подвергнуты одновременно Адам, Ева, змей и, согласно этой теории, также и земля. ... Макрокосм отражал микрокосм и деградация человека отражалась в деградации внешнего мира, среди признаков этого упадка возник-

новение гор было самым заметным”. Джон Донн в “Анатомии мира” (1611) все еще описывает упадок земли в категориях разрушения идеальности его формы.

Такого рода представления опирались также на тот факт, что первое упоминание гор в Библии связано с потопом. В горной модели рая странным образом соединяются традиционные представления об Эдеме и идея наказания, запустения, крайней суровости природы. Водопад также имеет амбивалентные обертоны – это и райский ключ и одновременно метафора потопа (почти все английские тексты о водопадах обыгрывают полисемию слова flood, означающего поток, разлив – часто с нильским подтекстом – и всемирный потоп). Горный рай – это потерянный рай, своего рода утраченная негативность.

Его черты периодически обнаруживаются в том или ином районе земли, при этом основным критерием для интерпретации данного места как рая является сходство реки с Нилом и наличие водопада. Характерна в этом смысле насильственная абиссинизация Швейцарии. Жан-Жак Шойхтцер, например, утверждает: “При всех оговорках можно сравнить Нил со швейцарскими потоками, разливающимися от дождей. И так же, как вдоль наших потоков растут ивы, по берегам Нила растет нечто вроде ивняка под названием *Agnus Castus*”. Тот же автор закономерно призывает молиться водным потокам как наивысшим дарам бога. Орас-Бенедикт де Соссюр в своих “Путешествиях по Альпам” постоянно описывает горы как пирамиды, от него же, вероятно, эта метафора переходит к Карамзину: “...открылась мне почти вся ледяная долина, усеянная в разных местах весьма высокими пирамидами”. А. Гумбольдт (1808) описывает Ориноко и ее водопады почти исключительно сквозь призму Нила и подробно дискутирует в связи с этим версии о рае на земле (у истоков Ориноко по легенде находилось Эльдorado, а потому сходство с Нилом здесь опять выступает как верификационный критерий): “Ориноко похожа на Нил. Один из истоков Нила ... начинается от знаменитого горно-

го озера близ Гондара в Годжамских Альпах Абиссинии течет до Сиенны и острова Элефангины, пробивая себе путь через горы Шангала и Сеннор; так же и Ориноко...”. В этом сближении Ориноко и Нила чрезвычайно характерно упоминание об Абиссинских Альпах, превращенных почти в клишированный блок. Существенно также, что по течению Ориноко Гумбольдт обнаруживает “иероглифические” письма на скалах.

В поэтических текстах конкретика реального пейзажа трансцендируется, и он превращается в абиссинский. Уже в первом и “архетипическом” описании у Томсона мы сталкиваемся с таким “превращением”. Описание начинается с того, что поэт стоит на вершине горы в состоянии транса, откуда его не пробуждает звук водопада. Далее следует описание потока, его грохота, восходящего к небу облака, пены, превращающейся в туман, летящих обломков скал и т. д. – всего того, что будет многократно повторяться позже.

Особенно хорошо видна работа альпийско-абиссинской метафоры в “Прелюдии” (1805-6, второй вариант – 1850) У. Вордсворта. В шестой книге поэмы дается подробное описание альпийского путешествия поэта. В те моменты, когда ему требуется трансцендировать конкретность пейзажа, он вводит в него сближение с Абиссинией. В знаменитом фрагменте, посвященном Воображению, сравниваемом с испарениями, поднимающимися из “пропасти разума” (mind’s abyss), блаженство, испытываемое человеком, описывается как разлив Нила “poured from his foun of Abyssinian clouds” Здесь Воображение “трансцендирует” альпийский пейзаж в абиссинский и эта операция производится за счет сближения слов “пропасть” – abyss – и слова “Абиссиния”. То же самое происходит, когда Вордсворт описывает Локарно и озеро Комо.

Метафорический перенос абиссинского мифа на Швейцарию идет параллельно распространяющемуся в новоевропейской литературе ожождествлению Альпийских районов с Аркадией и развитию специфической швейцарской буколки (Галлер, Гесс-

нер, Руссо и т. д.). Элементы швейцарской буколки легко различимы и “Письмах русского путешественника”. Что касается масонского круга, то для него водопад приобретает дополнительное символическое значение. Масонский ритуал складывался под влиянием романа аббата Террасона “Сет” (1731), где символический Нил фигурирует в числе испытаний инициации (через него должен проплыть под землей испытуемый), метафорически соотносимой с погружением в лабиринты Большой египетской пирамиды. В этом символическом комплексе водопад выступает как пугающее орудие очищения.

2

Амбивалентность горного рая окрашивает отношение к водопаду. Эвальд Христиан Клейст, например, в “Идиллиях” дает картину буколического каскада, чей шум переплетается с пением соловьев (отработанное в Тиволи сочетание, где голос воды и пение птиц эквивалентны как метафоры небесной музыки), но он же в “Весне” (1749) рисует образ дикого грохочущего водопада, влекущего ободранные древесные стволы и своим нестерпимым шумом отгоняющего птиц и зверей (классические атрибуты рая).

Эта неустойчивость отношения эстетизируется в теории возвышенного у Берка и в романтических текстах. Если для Донна бесформенность – выражение деградации макрокосма, то Шеллинг придерживается на этот счет прямо противоположного мнения: “бесформенное наиболее непосредственным образом становится для нас возвышенным, т. е. символом бесконечного как такового. <... > Хаос – основное созерцание возвышенного...”. Зольгер превращает водопад почти в практическую модель возвышенного: “Мне всегда казалось, что истинное воздействие возвышенного более многосторонне и универсально. Но прежде всего эта универсальность проявляется в том, что возвышенное влечет нас одновременно в прямо противоположные стороны.

– Как это понять?

– Наполняя нас ужасом, возвышенное в то же время привлекает величием и вели-

колепием того образа, в котором воплотились силы природы. Я до сих пор хорошо помню чувство, которое испытал, когда на Рейне <...> я наблюдал, как пенистый поток обрушивается с порогов водопада. Торжественно и тревожно было у меня на душе; в то же время меня охватило страстное желание погрузиться в эту пучину, которая сразу же за порогами рассыпалась серебряной пылью. Не страх пловца владел мною при этом <...>, а восторг, блаженное состояние души”.

Таким образом, водопад описывается как сочетание несочетаемого. В конце XVIII века такая форма описания канонизируется. Томас Роско, например, все еще строит свое описание контрастов синтагматически. Сначала он дает картину водопада, а затем следы разрушений от водной лавины. Такой переход интерпретируется как смена “самого прекрасного из произведений природы” на “самую ужасающую из ее сцен”. Однако большинство описаний водопада совмещают в одной парадигме элементы прекрасного и возвышенного, обыкновенно существующие в оппозиционных отношениях и традиционно соотносимые либо с темой потопа (то есть греха), либо с темой рая (то есть невинности). Такого рода оппозиционная парадигма канонизируется в десятках описаний. В 1836 году американский художник Томас Кол эстетически мотивирует противоречивое строение “водопадного текста” и приводит типичный перечень оппозиций: “О Ниагара! Это чудо света! – где возвышенное и прекрасное связано воедино нерасторжимой цепью. Глядя на нее, мы ощущаем, будто огромное зияние заполняется в нашем сознании – наши понятия расширяются, и мы становимся частью того, что созерцаем! У наших ног потоки (floods) тысячи рек низвергаются из обширных подземных морей; в их течении – вечность; в их стремительности – неуправляемая мощь. Таковы элементы возвышенного. Прекрасное в ней – венки изменчивых цветовых оттенков воды, оно заключено в брызгах, взлетающих к небу и в той несравненной радуге, которая опоясывает неутомимый поток”. К числу оппозиций Кол также относит неподвижность – дви-

жение, преходящее – вечность. Возвышенное в водопаде обычно связывается с бесформенностью, хаосом, бурлящей пеной. Прекрасное фиксируется в геометрически правильных формах: венке, радуге, колоннах или столбах, постоянно возникающих в описании, а у Шатобриана, например, в подковах или огромном вращающемся цилиндре. Оппозиция прекрасное/возвышенное проявляется также в разнонаправленности движений воды: вода низвергается из пропасти вниз в пропасть (своего рода пространственный оксюморон) и одновременно брызгами, туманом восходит к небу. Описание водопада в четвертой песне “Чайльд-Гарольда”, например, все строится исключительно на рядоположении контрастов: “В тьму бездонной щели || Стихия низвергается, и вот || Из бездны к небу глыбы полетели, || Низринутые вглубь с родых высот || И вновь летящие, как ядра в небосвод, || Наперекор столбу воды <...> || <...> хаос бьется в муках родовых <...> || Зеленый, белый, голубой, янтарный, || Обворажающий, но лютый и коварный. || О Красоты и Ужаса игра!”

Эта достаточно рационалистическая риторика понимается как наука выражения невыразимого. На водопадах западная литература нового времени отработывает выход за пределы устойчивых категориальных схем, фильтрующих действительность сквозь сито этизирующих классификаторов. Слово как таковое (взятое вне парадигмы оппозиций, отрицающих это слово), самодостаточный эпитет оказываются неприменимыми к водопаду. Водопад, таким образом, входит в контекст критики словесного и традиционно связанного с ним рационалистического сознания. В этом контексте особое значение приобретает мифологическая связь водопада с природным мотивированным адамическим языком и египетской иероглифической культурой, где иконическая сторона знака снимает классификаторскую узость словесного выражения.

Созерцание водопада в литературных текстах часто описывается в категориях потери сознания, гипноза, блокировки речевой деятельности, захлестывания зрителя изобразительным в ущерб вербальному.

Характерен в этом смысле отчет о своих ощущениях при виде Шафгаузенского водопада, данный Фр. Робером: “Впечатления, вызываемые этим великолепным каскадом, идеи, мысли следовали друг за другом с такой же скоростью, как и воды, которые их порождали и долго удерживали меня в состоянии беззвучной неподвижности, они не давали мне сделать шага и приковывали мой взор. Чем больше я смотрел на эту величественную катастрофу, тем больше я хотел на нее смотреть”. Это состояние приравнивается к погружению в протосознание или к возвращению в детство (таким образом, водопад выступает не только как атрибут Эдема, но и как стимулятор адамического состояния).

Характерно, что Карл Густав Карус в своей статье (1835) о пейзаже с водопадом А. ван Эвердингена видит в изображении водопада “невыразимое словами” явление “протофеноменов”, погребенных в глубинах психики и, отталкиваясь от этого, утверждает, что описываемая картина “в большей мере является символом, иероглифом, чем отражением природы”. “Иероглифичность”, внесловесность водопада, входящие в его миф, парадоксально объясняют систематическое его возникновение в произведениях новоевропейской описательной поэзии, претендующей на создание картин природы. Отсюда его место в “первой” английской описательной поэме – “Времена года” Томсона, “первой” немецкой описательной поэме – “Весне” Э. Хр. Клейста или в “Альпах” Галлера. Параллельно в рамках критики словесного водопад определяется как нечто не передаваемое в слове (ср. у Шатобриана, у которого Ниагара “не может быть описана человеческим языком”).

Вместе с тем водопад не может быть изображен кистью или симитирован музыкой, как это декларируется, например, в оде водопаду Нант д’Арпеназ (1788) Пиндемонте.

Адекватное описание может быть достигнуто только через освоение “нового” языка, обучение которому возможно через постоянный перевод изобразительного в словесное, словесного в изобразительное. Водопад превращается в метафору интер-

семиотической перекодировки. В “Путешествии по Швейцарии” (1797) Гете начинается описание Рейнского водопада у Шафгаузена следующими рассуждениями: “Человеческой природе свойственно сильное стремление находить слова для всего того, что мы видим и еще более сильная страсть видеть собственными глазами все то, описание чего мы слышим. <...> В качестве такого упражнения мы и предлагаем здесь описание Шафгаузенского водопада <...> Это явление природы будет еще достаточно часто зарисовываться и описываться, оно будет поражать каждого, кому придется его созерцать, некоторые будут пытаться поделиться своими представлениями о нем и своими ощущениями, но никому не удастся его зафиксировать и еще в меньшей степени воплотить...”.

В XVIII веке получило распространение представление о том, что речь первых людей имитировала звуки природы. В исследовании “О происхождении языка” Гердер писал: “...бушующая буря и сладкий зефир, чистый родник и могучий океан – вся мифология лежит в сокровищнице *Verbis* и *Nominibus* древних языков, и древнейший словарь был звучащим пантеоном...”.

Обретение первоязыка выдвигается в разряд первостепенных задач поэзии. Основной метафорой природного поэтического первоязыка становится эолова арфа, которую уже Томас Грей сближает с шумом ручья, текущего с Геликона. Но эолова арфа явление по преимуществу звуковое, в изобразительном смысле она – чистейшая абстракция. В первой трети XIX века место одного из главных учителей поэзии занимает водопад со всей амбивалентностью своего мифа и противоречивостью связанной с ним поэтики. Шелли в “Орфее” (1820) дает описание водопада как метафоры поэзии. Водопад воплощает новую романтическую теорию речи, как места постоянных изменений и трансформаций значений. Джон Китс, совершавший в 1818 году паломничество по “озерному краю”, посещает водопады и пишет в письме Томасу Китсу (25-27 июня): “Я буду учиться поэзии здесь”, – и тут же делает весьма красноречивые декларации: “Я живу зрением [I live

in the eye] <...> Покажи мои письма кое-кому из моих друзей – описания будут им неинтересны – описания плохи во все времена”. Зримое, “иероглифическое” здесь окончательно отторгается от описательного. Китс выносит приговор той самой описательной поэзии, которая ввела водопад в оборот европейской культуры, не подозревая о том, что позже он станет выявителем ее собственных противоречий.

Фундаментальная амбивалентность символики водопада требует для своего воплощения коренной реформы поэтического языка. Направление реформации этого языка как бы задается мифом, сконденсированным в символе. Интерпретационные aberrации, создавшие устойчивую связь водопада с Эдемом, требуют возврата к первоязыку Эдема для текстов, описывающих водопад. Конструирование языка описания условно проделывает путь, обратный реконструируемому генезису символа.

Поэтика “водопадных текстов” систематически воспроизводит на своем уровне противоречия символики водопада. Двойственность “рай/негативный рай” непосредственно репродуцируется в контрастных парадигмах описаний, где каждый “термин” аннигилируется своим антонимом. С точки зрения классической риторики, мы имеем дело с суммарной аннигиляцией смысла. Ориентация на миметическую реконструкцию протоязыка отчасти блокирует эффективность коммуникации, переносит акцент на поэтическую функцию речи как таковую.

Проблемы, которые ставит введение водопада в литературное сознание XVIII века, выходят далеко за рамки своей эпохи. В них уже кроется новый подход к символу и новое понимание поэтической речи, актуализированные в литературе второй половины XIX — XX веков.

Кодекс поведения в отношении диких растений

С целью сохранения дикорастущих видов Ботаническое общество Британских островов разработало и отпечатало на особой листовке “Кодекс поведения”, которому призывает следовать как своих членов, так и всех, кто посещает еще имеющиеся в стране участки естественной растительности. Приводим несколько сокращенный перевод этого кодекса.

1. Для сохранения видов дикой флоры основное условие – сохранение местобитаний, в которых они могут расти. Избегайте нанесения неумышленного вреда местобитаниям, особенно вытаптывания и уплотнения почвы.

2. Посещая местонахождения редких растений, старайтесь не привлекать к ним излишнего внимания.

3. При фотографировании растений не повреждайте их окружение.

4. Избегайте широко распространять

сведения о растениях, которые Вы считаете редкими.

5. Выкапывание диких растений заслуживает решительного порицания; в большинстве районов Великобритании оно к тому же запрещено административными постановлениями.

6. Если живые растения нужны для культивирования, следует брать только семена или черенки, и только в том случае, если растение не является редким.

7. Срывайте только те цветы, которые в данной местности обычны и обильны, но по возможности старайтесь не трогать и их: пусть на них порадуются и другие люди.

8. В заповедниках и других охраняемых участках нельзя делать никаких сборов.

9. Особенно тщательно должны следить за соблюдением природоохранных правил руководители разнообразных экскурсий.

10. Без санкции органов охраны природы не следует делать попыток интродукции чужеземных растений в природные ландшафты.

Мистика природы и натурфилософия

В. Жирмундский

Несколько раз уже, при рассмотрении поэтических форм, созданных романтиками и, главным образом, Тиком, пришлось отметить, что содержанием, вокруг которого они сложились, было мистическое чувство, поэтическое восприятие жизни. Напрасно стараются многие подчеркнуть в этом отношении зависимость Тика от современных ему писателей; напрасно указывают на то, что мистицизм его является следствием воздействия Ваккенродера и Новалиса, а чувство природы сложилось под влиянием натурфилософии и Якова Бёмэ. Мы имеем здесь дело с чертой, слишком характерной для самого Тика, проходящей через все 50 лет его литературной работы. По своему складу неспособный к отвлеченному мышлению, поэт-импровизатор, он поддавался умственным влияниям только такого рода, которые помогали ему осознать непосредственное чувство, уже прежде прочно сложившееся. Философия, пишет он Зольгеру в 1815 году, никогда не была ему интересна сама по себе; «она должна была подтвердить глубоко вкоренившиеся предрассудки — иными словами, веру и неугасимую любовь». Вся романтическая поэтизация жизни входила в круг этих «вкоренившихся предрассудков». И найдя в философии Зольгера оправдание поэзии и жизни, как проявления бесконечного в конечном, Тик заявляет, удовлетворенный, наконец, в своих исканиях: «Снова я вижу в том равновесии, какими, предчувствуя, видела их моя молодость — небо и землю, религию и душу, серьезное и смешное, Бога и любовь».

Это поэтическое чувство жизни направляется прежде всего на природу. Любовь, к природе, по словам друга Тика, — Кепке, была всегда в характере Тика. Еще гимна-

зистом, в Берлине, он «целыми часами бродил по одиноким тропинкам Тиргартена... Мечтательно лежал он в траве; солнце заходило за деревьями, и под ночным небом он бодрствовал иногда до утра, покуда влажной росой не покрывалось его платье».

Такие же ночные прогулки продолжались в Галле. Письма 92 года к Ваккенродеру нередко прерываются поэтическими описаниями природы. Наконец, путешествие в Гарц, по словам поэта, было для него глубоким откровением. Его друзья, Кепке и Фризен, одинаково передают об этом факте; мы находим указания на него в «Фантазусе» и в письмах старика Тика. Солнечный восход, который он видел в этих горах, он причисляет к «высшим мгновениям своего существования». «Где найти слова, чтобы хоть бледно передать это чудо, это видение, мне явившееся и изменившее мою душу, мое внутреннее Я и все мои силы, вырвавшее и поведшее меня навстречу божественно-великому и несказанному? Невыразимый восторг охватил все мое существо; я дрожал, и слезы, такие сильные и захватывающие, как никогда прежде, потекли из моих глаз. Я должен был остановиться, чтобы до конца пережить это видение, и в то время, как сердце мое дрожало от радости, я чувствовал и был убежден, что другое, блаженное и любящее сердце как будто билось о мою грудь. Подобное может быть пережито человеком только однажды; древний патриарх воздвиг бы камень в память о случившемся на том месте, где мне явилось видение (так должен я назвать это переживание).

Так любовь к природе превращалась в жизненных переживаниях Тика в экстаз, в мистическое чувство присутствия в мире Божества. Герои Тиковских произведений отличаются такой же возбудимостью и чуткостью: тайная жизнь природы находит отклики в их ожидающей душе. Описанием природы и изображением ее влияния на

Глава из книги: Жирмундский В. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб, 1914. Печатается с сокращениями.

душу человеческую начинается сказка “Ру-ненберг”. “Охотник слушал изменчивую песнь воды, и, казалось, как будто волны на непонятном языке говорили ему тысячу важных вещей”. Но вот темнеет, покуда он думает и поет. “Прохладные сумерки расползались по земле, и только еще верхушки деревьев и круглые вершины гор были позолочены сиянием вечера. Душа Христиана становилась все печальнее — ему было так одиноко, и он тосковал по людям”.

При такой чуткости человека и связанности с природой его душевного настроения, самые произведения как бы вырастают в природную жизнь, становятся частью ее существования. Я не говорю уже о “Ру-ненберге” и о лесном одиночестве (“Waldeinsamkeit”) в “Экберте”. Но и в “Генофеве” вторая часть драмы, в которой действие переносится в пустыню, дышит строгостью успокоенного одиночества и общения с Богом через окружающую природную жизнь. Действие в “Штернбальде” почти все время происходит на воздухе, среди непрерывных восходов и закатов, весен и лунных ночей. Наконец, в “Октавиане” лес играет великую символическую роль: в нем начинается и кончается действие.

Здесь, в лесу,

Пусть все окончится, как началось в лесу.

Такое чувство природы, близкое и интимное, такая открытость души человеческой по отношению к природной жизни, ведет к поэтизации природы — так, как было уже у Гёте. Но поэтизирующее чувство Тика еще сильнее, еще проникновеннее. Когда человек смотрит “умными глазами” на окружающую его природу, он видит, что всегда она одета в нездешнее великолепие. “В высокой траве раздался звонкий шелест, и наклонились стебельки друг другу навстречу, как будто разговаривая о чем-то, и, плескаясь, падал теплый весенний дождь, словно желая пробудить спящие песни в лесах, и в кустах, и в цветах. И все звенело и звучало кругом. Тысячи дивных голосов переговаривались в одно время; песни манили, и звуки сплетались со звуками, и в опускающейся заре качались бесчисленные голубые

бабочки, на широких крыльях которых лежал вечерний блеск... Внезапно снова поднялись тяжелые, темно-красные тучи и открыли далекие, бесконечно далекие просторы. Освещенная солнцем, лежала роскошная равнина, и сверкали свежие леса и кусты, осыпанные росой. В середине замок горел тысячами и тысячами красок, как будто сотканный из дрожащей радуги, и золота, и дорогих камней; протекавшая река отражала все эти блески, и волшебный замок был окружен мягким, красноватым светом. Вокруг летали странные незнакомые птицы, играя красными и зелеными крыльями; большие соловьи заливались, и все им звенело навстречу; огни скользили в зеленой траве, перелетая туда и сюда, и потом пронеслись кругами над замком”.

Мы уже говорили, что в основе этих, несколько обобщенных и повторяющихся описаний волшебства природы, лежит подлинное мистическое переживание; только борьба с формой заставляет Тика выражаться не всегда достаточно конкретно. Поэтому мы смело будем пользоваться такими картинками, отделяя то настроение, которое хотел передать Тик, и которое важно для характеристики его чувства, от фактического содержания отдельных слов.

Но возьмем еще несколько строчек из Тиковского описания ночи. “Еле слышно плакали соловьи, и месяц волшебный взошел. Открылись цветы навстречу серебряному свету, и листья зажглись от лунного блеска, и зарделись длинные аллеи, и падали странные зеленые тени. Уснули красноватые тучи на далеких полях, и фонтаны стали золотыми и высоко дрожали в ясном небе”.

В “Октавиане” мы встречаем описание восхода солнца, где одухотворение природы вызывает уже целый ряд олицетворений, как будто таинство, радостное и необычное, совершается в мире.

Так приходят утром зори,

Небо в пурпур одевая,

И приводят день на небо.

Все леса и все поляны

В восхищеньи. Птицы вьются.

И горит земля и воздух
 В золотом огне и желтом.
 И несут подол пурпурный
 Зорь восторженные тучи.

Эти олицетворения для романтика не представляют из себя чего-то внешнего и произвольного. Романтик-поэт верит в подлинный смысл созданной им метафоры. Метафоры не являются нашей произвольной комбинацией сравниваемых элементов для конкретизации одного через другой; в них обнаруживается как бы прозрение одушевленности природы. Ибо для поэтического чувства природы не только вся природа, взятая как одно целое, является живой и одушевленной, но и каждое явление природы получает теплое дыхание жизни. И каждую мелочь живого, как и всю жизнь, поэт принимает и благословляет и видит в ней живое присутствие бесконечного. Как в сказке, действующими лицами в “Цербино” выступают лес и кусты, розы, лилии, фиалки, незабудки, полевые цветы, птицы, ключи, погоки, духи гор и даже небесная лазурь. Всех охватила одна радость — это мистическая радость бытия, радость жизни, переливающейся через край. Деревья поют. “Сквозь пальцы, сквозь ветви и сучья, пронзенные играющим ветром, полные птичьих песен, мы чувствуем радость до самых корней”.

Зеленые листья тянутся к солнцу, “чтобы изныть от его поцелуев, чтобы погибнуть в любви и тоске”. “Как хороша зеленая трава!” говорят полевые цветы. “Как прекрасен мир!”, отвечают птицы. И одинокий пустынный радуется всему, что живет на земле:

Ласковых птичек рать
 Будет со мною играть,
 Бабочек радушных вид
 Сердце мое веселит.

И всех, наконец, обнимает и покрывает собой небесная лазурь; она всех поит своей грудью, и радость ее не проходить над миром.

Итак, мы видим, что мистическое чувство того бесконечного, что проявляется во всем конечном, не приводит Тика к аскети-

ческому отрицанию жизни. Наоборот, радость, переполняющая мир, чисто физическая, половая. Весной, когда во всей природе бродят рождающие соки, когда переполненная жизнь пляшет и радуется, как будто желая перейти через себя, сделаться значительнее, сильнее, слиться, превратиться в создавшего ее Бога, тогда она всего ближе человеческой душе и более всего обнаруживает свою тайну.

Будут листья подниматься,
 Чтоб дрожать и обниматься
 В поцелуях и томленьи,
 И поют о наслажденьи
 Звонких птичек голоса,
 И колышутся леса,
 И от песен соловьиных,
 Повторяемых в долинах,
 Пламенеют небеса.

Но и в другие минуты мы встречаемся с душой природы. В ней живут демонические силы, еще непокоренные божественным духом. Представление о хаосе, который всегда просвечивает через тонкое покрывало создания, было очень обычно в кругу немецких романтиков.

Когда на творческую интуицию Тика оказали влияние его более сознательные друзья, таинственная связь природы, подмеченная его поэтическим чувством, стала для него проявлением мировой души. “Природа”, учил Ваккенродер, “похожа на разорванные пророчества Божества”, “солнечное небо, горы, ручьи открывают собой мир, созданный Богом”; “мир — это чудесный язык Божий”. Мы встречаемся и у Тика с подобным чувством. “Перед ним расстилось великолепие потоков, гор и лесов; ему казалось, что он не выдержит, глядя на далекий, бесконечный и разнообразный мир; словно душу раздирающий голос звучал ему навстречу; горящие глаза природы смотрели с неба и из потоков, и своими огромными членами она указывала на него. Франц протянул руки, как будто желая прижать что-то невидимое к своему нетерпеливому сердцу, и схватить, и удержать то, по чему он так долго томился”. “Я слышу, я чувствую, как вечный дух природы уда-

ряет умелой рукой по струнам своей страшной арфы”... “Природа дает нам предчувствие Бога; нет, не ожидание и не предчувствие — это подлинное чувство, и в глубинах, и на высотах, видимая всеми, здесь шествует религия. Иероглиф, обозначающий самое высшее — Бога, лежит здесь передо мной в деятельном существовании”. Таким образом, поэтическое чувство природы кристаллизовалось в сознании в вид мистической веры. Вся природа одушевлена; все части ее — члены одного громадного тела; все гармонично в ней и связано, потому что одна душа оживляет это тело, одна жизнь проявляется во всех его движениях, и во всей природе мы видим единого вечного Бога.

На развитие этих идей оказал большое влияние Яков Бём; но в сочинениях Бёма Тик нашел лишь более определенно выраженными мистические переживания, близкие ему самому. Мистика Бёма — чувственно конкретна. “Лучшее доказательство бытия Бога — это цветущий луг”, — говорит он. “Если хочешь рассказать о том, что такое Бог, ты должен усердно взвесить силы природы”. Как и для Тика, так и для Бёма в природе нет ничего мертвого; все в мире является результатом действия, движения, изменения живых и одухотворенных сил. И Божество не мыслится, как нечто противоположное этому миру. Мифологическая фантазия Бёма вносит в самое Божество всю полноту земного существования; в Нем все поля, и леса, и цветы, в Нем все звуки и формы земли, в Нем радость и ликование весны, “любовь и ласковые взгляды, благоухание и приятный вкус, нежные поцелуи, еда и питье, и любовные радости”. “О, милая невеста, как ты радуешься своему жениху: в тебе любовь, счастье и наслаждение, в тебе свет и чистота, и благоухание, и приятный и нежный вкус”. “О, любовь и красота, нет тебе конца, не видно конца в тебе!” Религиозные представления христианства перемешиваются здесь с мистической теософией, продолжающей какую-то отдаленную традицию неоплатонизма и средневековой мистики. Троиственный Бог по-

вторяется в своей тройственности в мире ангелов, в природе и в человеке; черты природного и человеческого, просветленные, становятся признаками Божества. Весь мир, поскольку он причастен доброму началу, божественен и существует в Боге, Царство Божие уже сейчас невидимо присутствует в вещах: “если бы открылись глаза человека, он увидел бы повсюду Бога и небо”. Только причастность злему началу, грехопадение, делает вещи преходящими и низкими. “Трава была прежде зеленым дуновением, вода была нежной и ласковой, первичная влага — не дикой и строптивой, как теперь, и даже камни были живыми и только в этой форме стали телесными”. Характерно также, что для объяснения происхождения мира Бём употребляет символ половой любви и зачатия, и что божественное бытие переживается им, как бесконечная, ни с чем несравнимая радость и полнота существования; в этом он опять особенно близок к романтическому пониманию. Идеи Бёма нашли себе отражение в целом ряде натурфилософских мест “Генофевы” и “Октавиана” Тика и в “Генрихе фон-Офтердингене” Новалиса. Влияние его, однако, не всегда легко определить, так как романтическое чувство природы, в своем самостоятельном развитии, нередко приходит к тем же формам мировоззрения.

И прежде всего таким философским осознанием мистического чувства природы, более современным, более соответствующим требованиям науки и вместе с тем мистическим по существу явилась для романтиков философия Шеллинга. Ее сопоставляют обыкновенно с чувством природы Гёте; не менее справедливо сопоставление с романтиками. В самом Шеллинге жило непосредственное поэтическое чувство природы: вот почему его философские произведения похожи на поэмы. Он долго носился с планом большого эпоса о мироздании; отдельные стихотворения его являются как бы отрывками такого эпоса и выдают его романтическое отношение к жизни. В “Эпикурейском Исповедании Гейнца Видерпорста” он противопоставляет транс-

центной религии свою религию природы. В природе — вся правда; и нет в ней ничего ложного. Она — открытая тайна, бессмертная поэма. Все пристальнее всматривается философ в ее глубокие черты и видит, как она говорит с ним на языке символов, “образов и форм”. “Только та религия истинна, которая открывается нам в камнях и в сплетении мхов, в цветах и металлах, и во всех вещах, в воздухе и в свете, на всех высотах и во всех глубинах”.

Это непосредственное чувство природы всего лучше объясняет роль Шеллинга в развитии идеалистической философии. Его задачей было написать историю сознания, его развитие от бессознательных природных форм к свободе человеческого духа. Рассмотрение всей природы, как единого организма, всех физических явлений, как “категорий природы” на ее пути к сознанию, было тем подвигом, который возвратил внешнему миру реальность, утраченную им в философии Фихте. Мы не можем себе представить сейчас того одушевления, с которым романтическая молодежь приняла эту новую философию, как и новые открытия (гальванизма, кислорода и т. д.), которые, казалось, объединяли физический и духовный мир и одухотворяли всякое существование. Объяснение Шеллингом сущности притяжения, магнетизма и электричества может быть только тогда оценено нами, как откровение для этого времени, когда мы конкретно представим себе, до какой степени всякое внешнее, материальное явление понималось в этом круг идей, как ступень развития мировой души, когда мы припомним мысленно, читая Шеллинга, основные черты поэтического чувства Тика и других романтиков.

И конечно, почти все другие натурфилософы: Риттер, Новалис, даже Стеффенс, шли еще гораздо смелее Шеллинга по этому пути одухотворения, т. е. в сущности “поэтизации” природы. Так Стеффенс говорит, например, следующее: “Растение примиряет массу и жизнь, оно — тихий, молчаливый взор любви, вечной, невременной родительницы, которая преодолела земную

затверделость вещества и вечно изливается в непрерывном рождении; оно — открывшееся томление земли”.

Какие безумные и дерзкие мечты возникали на этой почве — мечты о мировом единстве и о магической власти человеческой личности над всем миром, единым и связанным в своем существовании, показывают нам отрывки философии Новалиса, его “магического идеализма”. Здесь как будто сама наука приходит подтвердить мистическую веру, что миф об Орфее и Арионе, о поэтах, управлявших миром по воле своей, не сказка; что он основывается на утраченном нами сознании связи всего существующего; восстановив это сознание, увидев эту связь, мы овладеем миром; сознав себя частью мира, мы будем царить над целым, как будто новые органы — миллионы рук, протянутся от нас через все мироздание. “Мы связаны со всеми частями вселенной, также с прошлым и будущим. Только от направления и длительности нашего внимания зависит, какую связь мы особенно развиваем, какая должна стать всего важнее и действительнее. Истинная методика такой деятельности была бы ничем иным, как давно искомым искусством изобретения — может быть даже еще большим искусством”. Таким образом, несправедливо понимание магического действия у Новалиса, как произвола субъекта. Оно основывается на связи всего существующего и снова подтверждает эту связь: “Мы должны стать магами, чтобы суметь быть моральными. Чем моральнее, тем согласованнее с Богом, тем божественнее человек, тем более сливается он с Богом”. “Всякое колдовство совершается через частичное отождествление с околдованным”. Вот почему любовь является для Новалиса лучшей аналогией для столь жадно ожидаемого им магического действия; любовь, в которой связь не только любящих, но и всего мира открывается в Боге. “Всякое душевное прикосновение подобно прикосновению волшебного жезла. Кому действие такого прикосновения кажется баснословными, и непонятной — сила заклинаний, пусть вспом-

нит тот о первом прикосновении руки любимой женщины, об ее первом значительном взгляде, где волшебным жезлом был отраженный луч света, о первом поцелуе, о первом слове любви, и спросить себя, не было ли волшебство этих мгновений таким же баснословным и чудесным, нераздельным и вечным”.

Таким образом, чувство природы, которое является в произведениях Тика, как поэтическая импровизация, вполне сознательно подчеркивается Новалисом, проясняясь до степени мировоззрения. Но не только это заставляет нас разбирать Новалиса отдельно от Тика. Новалис прошел через горнило немецкой идеалистической философии, которой Тик до конца оставался чуждым, и это оставило следы на всем его творчестве. Мистический пантеизм имеет в его чувстве идеалистическую окраску: принимая мир, он в то же время отрицает его во имя Бога, скрытого в мире.

Впервые мы узнаем о Новалисе из его юношеских писем. Веселый, жизнерадостный, он переживает первое брожение весенних сил; отдаваясь мимолетным, но внутренне страстным и значительным увлечениям, он не находит себе ни цели, ни пути; только одним он обладает наверно: это — “глубоким чувством жизни, надеждой и верой в то, что совершается кругом и внутри его”.

Любовь Новалиса к Софии фон Кюн является расцветом этого радостного жизненного настроения; в ней он нашел высшую цель, которой покорилось все его существо. Когда София умерла, Новалис мучительно оторвался от жизни. Всю силу души своей, все радостное утверждена жизни, он перенес на другой, более реальный мир. Желание умереть, но умереть одной волей своей, умереть “радостно, как молодой поэт” охватило тогда его душу. В таком настроении были созданы им “Гимны к ночи”.

“Гимны к ночи” — величайшая романтическая антитеза предшествовавшему развитию человечества и первое открытое признание другой, более реальной жизни. Поэт отказывается от светлого дня и этого зем-

ного существования. “Прочь я смотрю на встречу святой, невыразимой, таинственной ночи. Мир утонул в глубокой могиле, пустынно и одиноко его место”. Но, отказавшись от жизни земной, он уходит в другую, вечную жизнь. Страдания и смерть только указали путь, теперь они превращаются в радость. Для победившего мир готовится последняя вечеря.

“Бесконечно и таинственно охватывает нас сладкая дрожь. И кажется, из глубокой дали прозвучало нашей грусти ответное эхо”. “Слава Богу! наступают сумерки для всех любящих и тоскующих”.

Итак, не простое отрицание конечной жизни приносит с собой Новалис, а пламенное утверждение иной бесконечной жизни, полной положительного содержания. Это мистицизм идеалистический и аскетический, но аскетический в том смысле, что и жесточайшие аскеты упивались и наслаждались своими страданиями, переживая при этом величайшую земную радость воссоединения с небесным. Идеализм “Гимнов”, признание относительности мира конечного, который является только покровом, брошенным на бесконечный, более реальный мир, делает из них интимное поэтическое выражение Фихтевской философии, признавшей идеальность внешнего мира, как продукта творческого Я. Но та религиозная и даже специфически христианская окраска, которую придают понятию ночи и бесконечного последние два гимна, отделяет Новалиса от Фихте. Сюда же присоединяются “Духовные стихи” Новалиса. Они соответствуют основной схеме “Гимнов”: страдания и смерть заставляют человека понять ничтожность этого мира; он обращается к Богу и снова из рук Его получает жизнь, уже просветленную Его дыханием. Вера в личного, христианского Бога, символизирующего собой бесконечный мир, отличала Новалиса от других романтиков с самого начала.

Когда с высот идеалистического созерцания Бога, Новалис снова возвращается в мир, он совершает постепенное завоевание жизни, она снова становится для него свя-

той, как форма и тело, в которых проявляется божественный дух. Этому новому чувству жизни соответствуют его неоконченные романы “Ученики в Саисе” и “Генрих фон Офтердинген”. Но печать идеализма не покидает его чувства никогда.

Весь мир, утверждает Новалис, полон таинственных знаков, говорящих о каком-то соответствии. Эти знаки встречаются повсюду, “на крыльях, на яичной скорлупе, в облаках, кристаллах и каменных образованиях, внутри и на внешней оболочке гор, растений, зверей и людей и среди небесных созвездий”. Учитель, долго изучавший природу, всюду находит уже знакомое, только в разных сочетаниях. Тайная музыка проникает все вещи и создает между ними связь; один человек разрывает эту связь, не прислушиваясь к словам, которыми говорят ему вещи. Потому что глубокая жизнь наполняет всю природу. “Ветер — это движение воздуха, и оно имеет свои причины; но разве для одинокой, тоскующей души он не значит большего, когда проносится мимо и веет из любимой страны и таинственными, печальными звуками превращает тихую боль в мелодический вздох всей природы”. “Разве скала не становится особенным Ты, когда я обращаюсь к ней? И что же я, как не ручей, когда с тоской гляжу в его волны и теряю мысли в его течении?” “Сколько людей, — говорится в другом месте, — стоит у опьяняющих рек, и не слышит колыбельной песни рождающей воды, и не наслаждается дивной игрой ее бесчисленных волн”. Эта нездешняя жизнь, наполняющая всю природу и соединяющая все отдельные вещи в одну жизнь, всего лучше выражена в “Офтердингене” в видении героя. Слова старого рудокопа открыли ему душу, и ему казалось, как будто весь мир стал доступен его взорам. “Он увидел, что маленькая комната его пристроена к величественному собору, с каменного основания которого подымается суровое прошлое, в то время, как из купола, светлое, веселое будущее спускается ему навстречу в вид золотых ангелов. Тяжелые удары колокола дрожали в серебряной песне, а в широкие ворота всту-

пали все существа, и каждое произносило свою просьбу на своем особенном языке”.

Но если мир — святая церковь, все члены ее становятся также священными и значительными. И для Новалиса-пантеиста все в природе свято и значительно, и скрывает в себе единого Бога. Он хочет, чтобы люди, как прежде, поклонялись воде и пламени, и гордились, если через их пределы протекает большая река. “О, скорей пусть зардеется мировое море и в душистую плоть растворятся скалы”. И подобно тому, как мы причащаемся Богу единому каждую минуту, каждым прикосновением, — Божественное Слово нисходит на землю во всякой плоти. Не о новом пришествии Богочеловека молится Новалис; обращаясь к Богу, он говорит о Христе: “собери Его в тяжелых тучах, и так пусть Он опустится на землю. В холодных потоках пошли Его нам, пусть Он горит в огненном пламени; в воздухе и в мире, в звоне и в росе пусть Он пронизает строение земли. Из трав и камней, из моря и света мерцает Его детское лицо”.

Мир — божественная плоть и во всякой плоти мы снова находим божественное. Но черты идеализма сохранились в этом чувстве Новалиса. Бог в мире, но Он и вне мира, и если Божий дух проникает весь мир, как Божию плоть, то дух Божий все-таки еще свободен и витает над миром, как в первый день. Без этого была бы необъяснима вера Новалиса в личного Бога. Бог в мире, но Он и вне мира, Бог бесконечен, и все конечное в Нем, но конечным бесконечное не исчерпывается, оно существует также вне и помимо конечного, над ним. Оттого, покуда весь мир еще не просветился и не заполнил собой бесконечного, для каждого из нас есть другой, кратчайший путь общения с Богом. Причащаясь плотью и кровью, мы можем еще причаститься Духом Божьим и огнем. Тогда, земная жизнь обнаруживает снова свою нереальность; она разорвется уже не как плоть, а как покрывало, и мы будем лежать на лоне нашего Бога. Оттого Новалис заставляет своего героя и в “Офтердингене” пройти через отречение от жизни. Смерть Матильды сни-

мает с его глаз последние покровы, так же как любовь ее указала ему на Бога, находящегося в мире. По замыслу Новалиса, Генрих должен был даже провести некоторое время в монастыре среди умерших. Потому что “с болью разрывается повязка, покрывающая внутреннее око. Однажды осиротеть должно даже самое верное сердце, прежде чем оно освободится от мира суеты”. Но если таков был личный путь Генриха, то Мировой, исторический путь заключается в возвращении к Богу всякой плоти и всякого отдельного существования.

ротеть должно даже самое верное сердце, прежде чем оно освободится от мира суеты”. Но если таков был личный путь Генриха, то Мировой, исторический путь заключается в возвращении к Богу всякой плоти и всякого отдельного существования.

К вопросу о возникновении культа деревьев

Р.В. Шмидт

Редко удается уловить в области религии момент зарождения культа, зафиксировать процесс обожествления или отнесения в область священного того или иного предмета или явления. Особенно этот момент трудно подметить в греческой религии, где пред нами, большей частью, имеются уже готовые формы, и нам приходится порой лишь в теории реконструировать их возникновение.

В этом отношении дает любопытный материал Эзопова басня “Земледелец и дерево”. Она гласит в переводе так: “На участке земледельца было дерево, оно не приносило плодов, а служило только убежищем для воробьев и стрекозущих цикад. Земледелец собирался срубить дерево как бесплодное и, взявши топор, нанес удар. Цикады и воробьи просили земледельца не срубить их убежища, но позволить им петь и услаждать самого земледельца. Он же, вовсе не заботясь о них, нанес второй и третий удары. Когда земледелец расщепил дерево, он нашел там улей пчел и мед. Отведав его, земледелец бросил топор, стал почитать дерево, как священное, и заботиться о нем. Люди не столько любят и уважают по существу справедливое, сколько преследуют свою выгоду”.

Можно сказать, что басня — продукт фантазии и еще вдобавок с тенденциозной морализирующей окраской. Но, думается,

басня может скрывать бытовые элементы и, несомненно, очень часто берет свое содержание из живой действительности. В приведенной басне мы имеем дело с зарождением культа дерева.

Обычно происхождение культа деревьев выводят из анимизма¹. Священное дерево рассматривается как местопребывание некоего духа или демона; иногда культ деревьев связывается с культом мертвых — в дереве живет душа умершего. Но едва ли возможно весь сложный многообразный культ деревьев сводить к одному фактору; его могли породить самые разнообразные причины.

В басне Эзопа мы имеем пример, когда случайная, счастливая находка оказывается причиной почитания дерева и вызывает особо заботливое к нему отношение.

Явление того же порядка можно встретить в религии, казалось бы, далеко отстоящей от греческой религии, а именно у негрского племени Эве в южном Того на Гвинейском побережье западной Африки².

Наряду с верой в богов у Эве наблюдается почитание “тро” — особого религиозного феномена. “Тро” могут быть самые разнообразные объекты: земля, горы, реки, долины, леса, деревья, плоды и даже отдельные предметы, напр., кузнечный молот или мотыга. Отдельные примеры возник-

Опубликовано: Шмидт Р.В. К вопросу о возникновении культа деревьев. Докл. АН СССР. 1928. Сер. В. № 6. С. 121-123.

¹ Encyclopaedia of Religion and Ethics, ed. by T. Hastings, XII (1921). Trees and plants.

² J. Spieth, Die Religion der Eweer in Süd-Togo. Göttingen 1911.

новения культа “тро” дают наиболее наглядное представление об их сущности и, в особенности, о причинах обнаружения “тро”.

Когда в одном горном ущелье была впервые возделана земля для пашни и урожая, в отличие от урожая соседей, оказался весьма удачным, то место, как обладающее особой силой, стало почитаться в качестве “тро”¹. Другой пример. Однажды один туземец во время полевых работ стал искать воду. Случайно он вонзил свой нож в землю, и неожиданно из земли показалась струя на подобие крови; он попробовал ее и освежился. Рассказав об этом своим близким, он привел их к источнику, чтобы принести жертву; постепенно источник потерял свою окраску и сделался прозрачным; вся семья стала из него пить и с тех пор он стал “тро” для открывшего его и всей его семьи². Неожиданная находка, удовлетворившая известную потребность, стала “тро”. Третий пример. При появлении первых поселенцев в местечке Лило, один из них нагнулся в кустах на большое очень толстое дерево баобаб; поселенец испугался и пошел к жрецу за разъяснением; в ответ ему было сказано, что это дерево и есть “тро”. Тотчас был построен дом, проведена к нему дорога — дерево стало “тро” дождя; во время засухи ему закалывают животное³. Наконец, еще один пример. Однажды в воде было найдено старое бревно. Нашедшие его спросили у других “тро”, можно ли сжечь это дерево; ответ был следующий: “это дерево — отец всего поселения и есть очень большой “тро”; поэтому нужно ему служить”. С тех пор бревно стало речным “тро”; перед рыбной ловлей ему приносят в жертву рыб⁴.

Таким образом тот момент, когда какой-либо предмет или какое-либо его свойство

вступает в известное отношение к человеку, к его жизни, безразлично будет ли оно приятным или неприятным — этот момент и есть час рождения “тро” в сознании Эве¹. Важно отметить еще следующее: “тро” это единичный объект, а не группа предметов, и почитается сначала только отдельной личностью или отдельной семьей.

Самое слово “тро”, по объяснению туземцев, означает существо, которое приводит человека в замешательство; здесь момент неожиданности имеет свое место, так же как и момент пользы; правда, последний, не исключительно во всех случаях очевиден; иногда польза и не извлекается непосредственно, а, будучи с нашей точки зрения эфемерной, приписывается “тро” извне, как это имело место в последнем примере: “тро” — бревно становится причиной успешной рыбной ловли.

Все вышеприведенные примеры, мне кажется, отчетливо показывают, что эпизод из басни Эзопа является психологически аналогичным явлением. Мы здесь также имеем дело с неожиданной находкой, в данном случае приятной и полезной, которая приводит земледельца в замешательство и дает повод почитать дерево как священное. При этом культ упомянутого единичного дерева возник не из непосредственной пользы дерева, как такового, напр., не из-за плодов, что мы, может быть, имеем в применении к дубу (желуди являются древнейшей пищей)² — или маслине в Греции, но благодаря случайному побочному явлению, как в нашем случае находка меда. Эти случайные причины естественно впоследствии забываются и потому восстановить их не всегда бывает легко.

¹ J. Spieth, о. с., р. 7.

² Ibid.

³ J. Spieth, о. с. р. 7 et 108.

⁴ J. Spieth, о. с., р. 109. Этот случай невольно заставляет вспомнить также басню Эзопа “Лягушки, требующие царя” (р. 37, № 76), где бревно является предметом почитания, царем.

¹ J. Spieth, о. с., р. 8.

² Ср. слова Плуларха (De esu carnium, I, 2. VI, р. 103 Bernardakia), о жизни первобытных людей, в которых особенно интересно упоминание о пляске, вероятно магического характера, как показывает сравнительный этнологический материал.

Марийские священные рощи

Т. Михайлова

г. Нижний Новгород, культурно-экологическое объединение “Китаврас”
e-mail: gudok@email.inforis.ru

О том, что в Нижегородской области есть действующие языческие храмы, я узнала в начале 1990-х гг., когда в составе фольклорной экспедиции университета под руководством Николая Морохина, председателя культурно-экологического объединения “Китаврас”, ныне доктора филологических наук, колесила по северным ее районам. Впрочем, не стоит называть этих людей язычниками. В слове этом звучит некое изначально негативное отношение православных к тому, что они отрицают. А может быть, и напрасно?

Конечно, храм — это громко сказано. На самом деле речь идет о священных деревьях и рощах — если они принадлежат одной семье их обычно называют кереметями, кереметищами, если всему окрестному народу — кюс-ата — “божий лес”. Марийцы живут у нас с незапамятных времен. Точнее, мы у них живем. Сегодня в Нижегородской области около 8 тысяч марийцев. Большинство из них в той или иной мере является носителями традиционной религии. В Шарангском районе известны 25 священных рощ и деревьев, в Тоншаевском — 1, в Тонкинском — 4, Воротынском — 5, Воскресенском — 4. В 2000 г. число “природных святынь” увеличилось, так как была проведена массивная экспедиция и найдено кое-что новое.

Стихия накажет

По сути, священные рощи представляют собой самый настоящий “лес дремучий”, живущий собственной жизнью, по собственным законам. Эти деревья никто не обижает, не трогает. И даже

после гибели они продолжают лежать и превращаться во что-то то, во что превращался древний лес. Это некое бессмертное, возобновляемое растительное сообщество.

Человек не имеет права не то что срубить дерево, даже собирать валежник, ягоды, грибы. По рассказам самих марийцев, бывали случаи, когда за сломанную в кереметище ветку человек наказывался тяжелой болезнью. Конечно, можно считать это сказками, но...

В 1996 г. в Ромачинской священной роще (Тоншаевский район) один из местных жителей спилил несколько деревьев. Хотел баньку построить, но не успел. Через две недели его парализовало. Теперь очень раскаивается, а деревья так в роще и лежат. Может быть, это и имеют в виду марийцы, когда говорят: “Стихия накажет”. Причем правило неотвратимости наказания действует и в том случае, если роща уже не является “храмом”.

После крещения мордвы ее традиционная религия постепенно умерла. И вот совсем недавно Николаю Морохину рассказали, что в Дальнеконстантиновском районе около села Большое Сескино есть святая роща Кузьмерь. Когда-то, около сотни лет назад, село Большое Сескино неподалеку от нее считало себя мордовским, сейчас его жители убеждены, что они русские. Христианизация и русификация сел на юге Нижегородской области несколько веков была государственной политикой, которая здесь проводилась неукоснительно. Но все же рощу местные жители хранят, боятся портить в ней деревья. Раз в год ходят туда гулять, пить вино, жарить яичницу, ко-

торуя вешают на деревья. Но объяснить, для чего это делается, уже не могут.

С рощей этой связано одно происшествие. Лет пятнадцать назад строили рядом с ней плотину. Пруд подтопил рощу. Местные жители предупреждали мастера, что это плохо кончится для строителей. Те только посмеялись. Когда работа была закончена, отмечали работники на берегу пруда День строителя. Мастер, молодой человек, пошел купаться, и что-то с ним в воде случилось. Через несколько часов после этого он умер. Морохину с леденящими душу подробностями рассказывали, как у несчастного сначала холодели ноги, потом руки... Смерть поднималась вверх по телу... И рассказывал это врач. “Да, — посетовали местные жители, — Мы же предупреждали”.

Но это единственный подобный случай, касающийся мордовских святилищ. У марийцев, которые сохранили и свой язык, и свою древнюю веру, такое вспомнят сплошь и рядом.

Обед с богами

Когда мы бродили с экспедицией, все искали “правильную” религию: как нужно молиться, кто верховный бог, какова вообще иерархия. В конце концов Морохин пришел к парадоксальному выводу: искать ответы на эти вопросы бесполезное занятие, потому что в каждом населенном пункте свои правила игры, свой главный бог, свои местные боги, свои кереметы. Отличий очень много. Каждый населенный пункт вбирал два или три потока переселенцев с различными этническими корнями. В результате к нам попали элементы культуры коми, мери и других народов. В поселке Шаранга, например, две священные рощи. Люди в них молятся одним и тем же богам, но одни считают “правильным” днем среду, а другие — пятницу. Вот и выбра-

ли себе даже разные “божьи леса”. Главных праздников обычно два — весной и осенью. Весной богов просят об урожае, осенью благодарят за него.

Перед тем как идти в рощу, обязательно моются, одеваются в чистую белую одежду (сейчас уже не обязательно в белую). Отправляются туда ночью, незадолго до рассвета. В некоторых селах принято расстилать перед собой домотканые дорожки, чтобы не мять траву в кереметице. Дрова приносят из дому. Вслед за жрецом молящиеся призывают своих богов. Поро Кугу Юмо называют верховного Бога — “Добрый, великий Бог”. Кэц Юмо — Бог Солнца, Вюд-Ава — Богиня воды, Ур-Юмо — Бог леса, Мардеж-Юмо — Бог ветра, Тылзэ-Юмо — Бог Луны...

Жрецами-картами назначаются те, кто лучше других знает как и кому нужно молиться. Потом приносится жертва. В некоторых деревнях Тоншаевского района в качестве главной жертвы приносили жеребенка. В других — гуся, петуха, барана. Марийские боги любят белый цвет. Если нет белого животного, любое другое покрывали белой тканью. Хороши для пожертвования белые быки, бараны. В Воскресенском районе приносили пироги с изображением быка, гуся или лошади. Мясо жертвенного животного варили в котле. Самое главное в обряде — хорошо попить с богами. И молящиеся поедят, и в роще что-то останется тем, кто там живет: зверям, птицам, богам.

Прийти в рощу, позвать богов природы, поесть вместе с ними трехслойные марийские блины, запить их домашним пивом — как вы думаете, после того, как пообедаешь с кем-то вместе, будешь потом его обижать? Так и здесь: боги поели с людьми, они не обижают больше. Остатки пиршества или остаются, или сжигаются, или привязываются к деревьям. В зависимости

от надобности молятся разным богам и приносят разные жертвы.

“Моление — обмен между человеком и растением”, — поясняет Морохин. Понять бы чем. Сейчас в научно-популярной литературе привыкли в таких случаях говорить: “Энергией”. Но что это такое, никто не объясняет. Но ведь человек приходит и говорит какие-то добрые вещи дереву. А доброе слово, как известно, не только кошке приятно. Да и человеку хорошо около живого старого дерева, он становится сильнее. В Астанчургской священной роще в нынешнем году был ремонт. Там сделали новые лавочки, помост, вешала для котла. Все это происходило перед весенними праздниками. Материалы, естественно, с собой принесли.

Здоровье требует жертв

Если лето жаркое, в кереметище идут просить о дожде. Помню, как в 1991 г. в одном из поселков старый карт предупредил нас, студентов: “Завтра в рощу не ходите. Мы будем молиться о дожде. А в понедельник (дело было в четверг) постарайтесь не уезжать далеко — будет ливень”. Как ни был велик наш скептицизм, но в понедельник мы остались на базе. И лишь посматривали в окно на бушующую

стихию. Приносят жертвы и те, кто чем-либо заболел. Сначала, например, петуха, обещая в случае выздоровления гуся. Если не помогло, несут гуся, суля барана, и так далее. Говорят, помогает.

Я тоже в марийских рощах вылечилась, хотя и без жертв. А было это так. Наша экспедиция культурно-экологического объединения “Китаврас” обморяла рощу возле одной из деревень. Высчитывали площадь, описывали растительность, оценивали размеры самых больших деревьев. (Кстати, начало охране священных рощ в России было положено именно в нашей области в 1990 г. Методику подготовки охраняемых документов разработали в культурно-экологическом объединении “Китаврас”. Сейчас по нижегородскому образцу работают в Республике Марий Эл и собираются работать в Кировской области, потому что объекты очень похожи). Вдруг у меня дико разболелась голова. Не помогали никакие таблетки. Болела она все две недели до возвращения в Нижний Новгород. Особенно резало глаза. Когда же я отправилась к окулисту, оказалось, что виной моих мучений было улучшившееся зрение. Очки, которые я ношу постоянно, стали слишком сильными для моих глаз.

Литература по экологической теологии

1. Борейко В.Е., 1997, Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов, т. 1, издание второе, дополненное, К, Киевский эколого-культурный центр, 224 с.
2. Борейко В.Е., Грищенко В.Н., 1999, Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Птицы, т. 2, издание второе, дополненное, К, Киевский эколого-культурный центр, 172 с.
3. Борейко В.Е., 1999а, Священные горы, К, Киевский эколого-культурный центр, 56 с.
4. Борейко В.Е., 1999б, Прорыв в экологическую этику, К, Киевский эколого-культурный центр, 128 с.
5. Борейко В.Е., 2000, Эссе о дикой природе, К, Киевский эколого-культурный центр, 148 с.
6. Владыкин В.Е., 1994, Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов, Удмуртия, Ижевск, 384 с.
7. Герье В., 1892, Франциск Ассизский, Вестник Европы, июнь, с. 519-545.

8. Горичева Т., 1999, Святые животные, К, Киевский эколого-культурный центр, 56 с.
9. Грищенко В.Н., 1998, Белый аист в мифологии европейских народов и современные представления о происхождении индоевропейцев, Беркут, т. 7, вып. 1-2, с. 120-131.
10. Грэбер Л., 1999, Дикая природа как священное пространство, К., Киевский эколого-культурный центр, 56 с.
11. Даль В., 1981, Толковый словарь живого великорусского языка, М, Русский язык, т. 1, 700 с.
12. Джеймс У., 1993, Многообразие религиозного опыта, М. Наука, 432 с.
13. Доржигушаева О., 2000, Буддийская мысль и экологическое мировоззрение, Бюллетень Московского ИСАР, № 10, с. 34-38.
14. Зайцева И.В., Интигринова Т.П., Протопопова И.В., 1999, Экологические традиции народов севера Баргузинской долины, Улан-Удэ, Бэлиг, 48 с.
15. Инэда К., 1990, Экологическая проблематика в контексте буддизма, В кн. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности, М, Прогресс, с. 289-307.
16. Кавгардзе Д.Н., Овсянников А.А., 1999, Природа и люди России. Основания к пониманию проблемы, М, Проект ГЭФ "Сохранение биоразнообразия", 112 с.
17. Кагаров Е., 1913, Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции, СПб., 326 с.
18. Каптерев П.Ф., 1914, Педагогическая психология, СПб.
19. Киселева Н.Ю., 1993, Экологические элементы сознания и религия, Н. Новгород, Просвещение, 21 с.
20. Кожевников Г.А., 1914, Монастыри и охрана природы. Птицеведение и птицеводство, № 3, с. 165-167.
21. Кронштадтский И., 1992, Христианская философия, М. Московский патриархат, 85 с.
22. Крывелев И.А., 1975, История религий, М., Мысль.
23. Кэликотт Б., 2000, Природоохранные ценности и этика, Гуманитарный экологический журнал, т. 1, № 2, с. 40-68.
24. Любовь к природе. Материалы международной школы-семинара "Трибуна-6", 1997, К., Киевский эколого-культурный центр, 304 с.
25. Максуд Р., 2000, Ислам, Фаир-Пресс, М., 304 с.
26. Малерб М., 1997, Религии человечества, Рудомино-Университетская книга, М-СПб., 600 с.
27. Мантатов В.В., Доржигушаева О.В., 1996, Экологическая этика: буддизм и современность, Улан-Удэ, ВСГТУ, 155 с.
28. Меньшиков А.Н., 1912, Как и для чего устраивать праздники лесонасаждения, Вятка, 100 с.
29. Мифы народов мира. Энциклопедия, 1991, М., Советская энциклопедия т. 1, т. 2.
30. Морохин Н.В., 1997, Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья, Киев, Киевский эколого-культурный центр, 222 с.
31. Налимов В.П., 1928, Священные рощи удмуртов и мари, Охрана природы, № 4, с. 6-8.
32. Павлова Т.Н., 1998, Биоэтика в высшей школе, К., Киевский эколого-культурный центр, 128 с.
33. Потопов В., 1992, Церковь и экология, Православная Русь, № 14, Джорданвилл, США.
34. Пимен, 1989, Красота природы, Журнал Московской Патриархии, № 10, с. 37-38.
35. Православие и экология, 1997, М., Московский Патриархат, 440 с.
36. Православные монастыри и экология, 1994, М., 73 с.
37. Рыбаков Б.А., 1987, Язычество Древней Руси, М., Наука, 754 с.
38. Рыбаков Б.А., 1994, Язычество древних славян, М., Наука, 608 с.
39. Саяпина Ю., 1999, Япония. Культ природы, Бюллетень Московского ИСАР, № 9, с. 10-11.
40. Соколова З.П., 1972, Культ животных в религиях, М., Наука, 216 с.
41. Тайлор Э.Б., 1989, Первобытная культура, М, Политиздат, 573 с.
42. Терехин Н.М., 1993, Сакральная география Русского Севера, Архангельск, Изд-во ППУ, 220 с.
43. Уайт Линн-мл., 1990, Исторические корни нашего экологического кризиса, В кн. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности, М., Прогресс, с. 188-202.
44. Фрэзер Д., 1980, Золотая ветвь, М., Политиздат, 832 с.
45. Фрэзер Д., 1989, Фольклор в Ветхом Завете, М., Политиздат, 542 с.
46. Христианство и экология. Сб. статей, 1997, СПб., Изд-во РХГИ, 352 с.
47. Цветочки святого Франциска Ассизского, 1993, Брюссель, 175 с.
48. Штернберг Л.Я., 1936, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 571 с.

49. Штильмарк Ф.Р., 1999, Таинство заповедания, Гуманитарный экологический журнал, т. 1, № 1, с. 35-46.
50. Экология и религия, 1994, сост. Н.А. Трофимчук, М., РАУ, Луч, 409 с.
51. Экогеология. Голоса севера и юга, 1997, М., Испо-Сервис. 368 с.
52. Эррикер К., 1999, Буддизм, Фаир-Пресс, М., 304 с.
53. Элиаде М., 1999, Трактат по истории религий, Спб, изд. "Алетейя", 414 с.
54. Albanese C., 1990, Nature religion in America; Chicago, University of Chicago Press.
55. Altman N., 1994, Sacred trees, Sierra Club Books, 120 p.
56. Barlow C., 1996, Because it is my religion, Wild Earth, pp. 5-10.
57. Bernbaum E., 1998, Sacred mountains of the world, University of California Press, Berkeley - Los Angeles - London, 291p.
58. Bratton S., 1988, The original desert solitaire: early christian monasticism and wilderness, Environmental ethics, № 1, pp. 31-53.
59. Buddhism and ecology, 1992, ed. Martine Batchelor, Kerry Brown, WWF, New York, 115 p.
60. Callicott B., 1988, American indian land wisdom? - Sorting out the issues, In. Olson P., ed, Mankind on the move, Lincoln, University of Nebraska Press.
61. Christianity and ecology, 1992, ed. E. Breuilly, M. Palmer, WWF, New York, 118 p.
62. Eliade M., 1961, The sacred and the profane: the nature of religion, New York, Harpet Torch Book, 220 p.
63. Environmental ethics. Readings in theory and application, 1994, ed. Pojman L., Jones and Bartlett Publishers, Boston - London, 504 p.
64. Ethics, religion and biodiversity, 1993, ed. L. Hamilton, The White Hors Press, Cambridge, 125 p.
65. Hughes D., Swan J., 1994, How much of the Earth is sacred space?, In. Environmental ethics, ed. L. Pojman, Jones and Bartlett Publishers, Boston-London, pp. 172-180.
66. Hughes D., 1996, Francis of Assisi and the diversity of creation, Environmental ethics, pp. 311-320.
67. Islam and ecology, 1992, ed. F. Khalid, J. O'Brien, WWF, New York, 105 p.
68. Judaism and ecology, 1992, ed. A. Rose, WWF, New York, 142 p.
69. Kabil Singh C., 1987, A cry from the forest: buddhist perception of nature: a new perspective for conservation education, Bang Hok, WWF, Thailand.
70. La Chapelle D., 1988, Sacred Land, sacred sex, rapture of the deep, Silverton, Finn Hill Arts.
71. Milton K., 1999, Nature is already sacred, Environmental values, v. 8, № 4, pp. 437-451.
72. Nash Roderick, 1989, The rights of nature. A history of environmental ethics, The University of Wisconsin Press, 290p.
73. Naturopa, 1997, № 83.
74. Philpot J. H., 1897, The sacred tree: the tree in religion and myth, London, 220 p.
75. Porteus A., 1928, Forest folklore, mythology and romance, New York, 320 p.
76. Ranchor Prime, 1992, Hinduism and ecology, WWF, New York, 150 p.
77. Randhawe M.S., 1964, The cult of trees and tree worship in buddhism and hindu scripture, Nev Delhi, All-India Arts and crafts society.
78. Religion and environmental crisis, 1986, ed. E. Hargrove, Athena, GA: The University of Georgia Press, 222 p.
79. Rudolf O., 1950, The idea of the holy, New York, Oxford, Oxford University Press, 215 p.
80. Shann D., ed., 1987, Tree of Life: buddhism and protection of nature, Hang Kond, Buddhist Perception of nature project.
81. Skolimowski H., 1993, A Sacred place to dwell: Living with reverence upon the Earth, Rockport, Massachusetts, Element.
82. The Assis declaration: messages on man and nature from buddhism, christianity, hinduism, islam and judaism, 1986, DC: WWF, Washington.
83. Wood H., 1985, Modern pantheism as an approach to environmental ethics, Environmental ethics, v. 7, p 151-163.
84. Zaidi J., 1981, On the ethics of man's interaction with the environment: an islamic approach, Environmental ethics, № 1, p. 35-47.

Составители В.Е. Борейко, В.Н. Грищенко

Стихи в честь Дикой Жизни

Однажды, когда нам очень, очень повезет, мы узнаем передаваемые из уст в уста поэмы бесплодной земли канадских оленей, горбатых китов, бабочек монарх. Мы познаем язык мира, к которому всегда оставались глухи. А до тех пор мы будем слушать рассказы — переводы с этого языка охотников-коллекционеров, мечтателей, певцов, танцоров, поэтов. Эта подборка поднимает голос в защиту дикой природы. Ради этого стоит потрудиться, достучаться до сердец. Эти стихи — для отдыхающих, для слушателей наедине в тишине, для публичных чтений, для молящихся. Эти стихи для того, чтобы тронуть Ваши души.

Прочтите их, окунитесь в мир дикой природы, вслушайтесь в них, запомните и найдите свои слова в защиту дикой земли.

Гарри Лоулесс

Хочу
Как Моби Дик, Великий Белый Кит,
кружить в морях
под трепетным штандартом
с начертанным на нем:
“Я – то, что Дикая Природа создала”.
Ахаб преследовал его на лодке с гарпуном,
винтовкою и глубинными минами, напал-
мовым ружьем и устройством для электри-
ческих разрядов под водой и всей кроваво-
славной и великой военно-политически-
промышленно-научной технологией
суперцивилизации,
которую когда-либо
знала земля,
предназначенной в угоду
абсолютного уничтожения и смерти
всего живого мира, так близкого тебе и мне
Капитан Ахаб Капитан Смерть Капитан
Бездушие Капитан Тупица Безликий Капи-
тан Апокалипсиса
за штурвалом
корабля – убийцы под названьем “Смерть”
И синеокие киты,
измученные и убегающие от погони,
но все-таки
поющие друг другу...

Лоуренс Ферлинетти

Опубликовано: Wild Earth, spring 1986, p. 68-69. Пер. с английского О.Гайсиной.

В комиссии по планированию

И вот мы здесь – мы, по чьему
велению вращается земля, наступает
весна, текут реки, кто вырубает деревья –
мы собрались в теплом кабинете решить,
где проложить траншеи по безропотной
земле,
где провести линии высоковольтных
передач,
где строить дома для богатых!
В лучах светильников над головами
Изгиб контура Франции на карте на стене.
Разложены судьбы как куски мяса и
котлеты
На разрубочной колоде мясника.
Я видела эту гору в другом месте,
В строгой симметрии островерхих елей
После ночи, когда олень, лиса и сова
Насытились и улеглись спать,
А песнь койота оживляла тьму
И скунс оставил тонкий запах опасности
в воздухе.

Нервно переминаюсь с ноги на ногу.
Я закончила свое выступление. Теперь
очередь тех пяти, что сидят позади
микрофона
перед лицом всех, заметно уставшие,
думающие об обеде, мечтающие о
сигарете, о перерыве для кофе.
Я забыла рассказать им о саламандрах,

темных как шоколад, окоченевших от холода,
 которые забираются на гору в одно и то же время.
 Их так легко переехать, они такие незаметные на дороге.
 Я забыла рассказать им про золотого орла, который поднимается к вершине передающей башни,
 Опереньем в голубом небе, когтями царапая металл,
 Наполовину – в своем мире, наполовину – в созданном нами.

Барбара Мейн

Отвращение

“Христиане низвергли древних богов, которые населяли леса и водоемы”.

(Из путеводителя к горе Сен-Мишель).

Это было мое озеро. Я лежал здесь под водой
 На спине сто лет, подняв вверх коричневые колени,
 Наросты покрывали тело, а руки были как Покрытые кожей ветки, во мхе, нанесенном
 иле и остатках разложившихся скелетов.
 Я был единственным укрытием для птиц, пернатых,
 Мои волосы переплелись и стали гнездами для креветок.
 Мой рот стал пещерой в скале и дал Приют красноперкам и сиренам.
 Мерца из глубины, мои глаза ловили и отражали лунный свет и это был единственный
 возможный путь донести его до обитателей дна –
 трубчатых червей и раков.
 Я раскрывал свои объятия, образуя округлую отмель
 И давая возможность обнаженным человеческим телам

Нырять на любую глубину. Чистый небосвод
 Отражался в лоне моих кристальных вод.

Никто не боялся меня, я ничего не требовал
 У своей паствы – водяных лилий, лягушек,
 Моих зерен горошка, планктона,
 Утиной картошки – лишь бы они процветали.

Что хорошего, какая польза от того, что эти
 Кто-то пришли сюда, гремя лопатами и
 Граблями, вытащили меня за волосы и
 Бросили нагого? Тритонов, улиток,
 пиявок –
 Все сбивали, соскребали с моего тела.

Они кинули меня здесь, беспомощного и
 Умирающего от жажды на скалистой отмели.

Но я же мог жить с ними! Я никогда
 Не лгал, не предавал, не пытался обратиться
 В свою веру. Они когда-нибудь заботились,
 Лелеяли или пели гимны рыбкам-голопузкам и ракушкам?

Только плавники и скелеты, моллюски,
 Насекомые, камыши, чирки и
 Глупые дети – я не стремился быть
 Ни для кого ни богом, ни святым.

Платтиан Роджерс

Хорошие новости

Дороги пропадают из виду, и олень пробивается через чащу.
 Бобр, которому все это надоело,
 разбивает лед, хватая за ноги ловца,
 сбивает с ног, опрокидывает его.
 Волки возвращаются, окружают государственное
 учреждение, рычат на спортивных комментаторов,
 Мочатся на телевидение.
 Повсюду растут деревья.
 Машины остановились.
 Воздух полон пенья птиц.

Гарри Лоулесс

Враг

Эдвард Эбби

Миллионам читателей этот писатель известен по опубликованной его 21 книге – и за его репутацию скупого, анархичного, комедийного, поэтического, задиристого, живого литературного гения. Но самые лучшие, пожалуй, работы его увидели свет только сейчас, т. к. 21 том своих личных записей он хранил почти сорок лет с 1948 г., когда он был военным полицейским в послевоенной Европе. Следующий рассказ взят из тома XVI, он является свидетельством превосходного вкуса, наглядно демонстрирует его желание проповедовать, учить, творить в духе “радикального” защитника окружающей среды, что бы ни стало предметом его внимания.

Давид Петерсон

Август 5, 1978. Пик Ацтеков, Тонтровский национальный парк, Аризона.

Вечер, я один. Нежно звенит колокольчиками ветер. Где-то на севере зарождается гроза – гром, молнии и завесы дождя. Солнце еле пробивается кое-где через лиловые тучи, окрашивая все в багряно-красный цвет.

Тишина. Вдалеке слышен крик дрозда – похожая на звук флейты песня отчетливо слышна в темноте соснового леса.

Почему среди этой красоты и мира я должен беспокоить свою душу мыслями о войне, политике, бесконечных сражениях, чтобы спасти свободную, дикую, аграрную Америку?

Почему?

Я не знаю. Наверное, из-за чувства чести. Чем больше чести мы потеряли – после всех этих десятилетий компромиссов, продажности, подлости, увертливости, приспособленчества, двусмысленности, двуличия – тем больше стараемся ухватиться за то, что осталось от этой чести. Я люблю эти горы, свежий вечер. Море и пустыню, леса и болота, сельские города Америки. Поэтому я обязан, морально обязан защитить это все от Врага. Чувство чести обязывает к этому.

Враг? Мы все знаем, кто это. Враг говорит с нами все время – по радио, по телевидению, доске объявлений, в газетах и журналах, в зале Конгресса, в государственных учреждениях, в городских залах.

И враг говорит: “Смотрите, какой я мягкий, нежный и толстый. Я ли не чудо природы? Не я ли самый богатый и могущественный в мире? Неужели вы станете бороться с тем, что дает вам богатство, безопасность, охрану и комфорт, что обещает множество различных чудес в будущем – электронику, компьютерное мышление, жизнь с кондиционерами с колыбели до могилы, жизнь среди новинок, роскоши, разнообразия, больше и больше вещей, в окружении спорта, приключений, романтики, путешествий в мягком кресле, с легкостью поездок в кресле вашего четырехколесного авто, с покоем в ваших гостиных? Безболезненная, абстрактная, спокойная смерть? И все это за небольшую плату, совсем небольшую плату – немного вашей независимости, свободы, вашей мужественности или женственности, небольшая жертва вашей гуманности и чести...”

Закон и Порядок – этого недостаточно. Закон и Справедливость – это то, чего я хочу. К черту порядок! К черту закон! Я – за справедливость, даже если небеса низвергнутся.

Антология экологической теологии

Рецензия на книги:

Buddhism and ecology. M. Batchelor, K. Brown (ed.). New York: WWF, 1992. 115 p.

Christianity and ecology. E. Breuilly, M. Palmer (ed.). New York: WWF, 1992. 118 p.

Islam and ecology. F. Khalid, J. O'Brien (ed.). New York: WWF, 1992. 105 p.

Judaism and ecology. A. Rose (ed.). New York: WWF, 1992. 142 p.

Hinduism and ecology. New York: WWF, 1992. 120 p.

Всемирный Фонд Дикой Природы (WWF) сделал великое дело, издав специальные сборники экологической мудрости, сконцентрированной в пяти популярных религиях – буддизме, христианстве, исламе, иудаизме и индуизме. Собственно говоря, этот проект начался еще с сентября 1986 г. когда по предложению WWF представители этих религий собрались в Италии, в местечке Ассизи (родине святого Франциска Ассизского), чтобы впервые обсудить вопросы природоохраны.

Устроители этого семинара и издатели рецензируемых пяти сборников совершенно справедливо полагают, что религии и церкви являются одними из основных институтов, формирующих общественное мнение. Они являются источниками многих наших ценностей и оказывают решающее влияние на человеческие действия. Религиозные убеждения являются действенной мотивацией для активного участия в программах, направленных на охрану природы.

Поэтому очень важно изучить не только священные писания (для начала хотя бы мировых религий), но и работы различных святых, народные религиозные верования, размышления современных теологов, апокрифы, выделив золотые россыпи экологической этики.

Рецензируемые сборники и представляют собой первый опыт такой работы. Так, книга “Ислам и экология” знакомит читателя с различными природоохранными высказываниями пророка Мухаммеда. Согласно исламу, добро, сделанное животному, так же хорошо, как и добро, сделанное человеку.

Сборники, посвященные восточным религиям, акцентируют внимание на базовых религиозных принципах – ахимсы (непричинение вреда всем существам) и метты – (доброты и любви ко всем существам).

Для современного заповедного дела оригинальными являются исламские концепции харим, хима и индуистские концепции – шриван, танован – заключающиеся в особом религиозном заповедании природных территорий.

С большим интересом читаются сборники, посвященные экологическим взглядам в христианстве и иудаизме. Так, известная история с Ноем интерпретируется с точки зрения современной проблемы защиты биоразнообразия: ведь библейский герой спас не только полезные виды, а всех без исключения животных. Серьезное исследование посвящено Франциску Ассизскому, известному христианскому святому, за свою любовь к природе в 1979 г. названным Папой Римским покровителем экологов.

Лишь одно плохо: эти очень важные работы, изданные в Нью-Йорке, практически недостижимы для постсоветских экологов. Единственный экзем-

пляр этих книг находится в Москве, в библиотеке “Эколайн”.

В.Е. Борейко

Славянские традиции, связанные с природой

Рецензия на книгу: Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции, М.: Индрик, 1997. 912 с.

Какое это удовольствие читать умную, интересную и толстую книгу! Работа научного сотрудника Института славяноведения и балканистики РАН А.В. Гуры полностью отвечает трем перечисленным качествам. При подготовке труда его автор изучил огромное количество источников (список только одной литературы приводится на шестидесяти страницах!), работал в различных российских, украинских, польских, болгарских архивах, участвовал в этнографических экспедициях в Украинском Полесье, Восточной Польше и на Русском Севере.

В результате получилась солидная монография, где собраны различные экологические и антиэкологические традиции, поверья, воззрения различных славянских народов, посвященных видам дикой природы. Змеям, например, отведены следующие главы: Мужская и женская символика; Нечистая, дьявольская природа; Хтоническая символика; Связь с водой и метеорологическими явлениями; Змеиный царь; Происхождение летающего змея и т. д.

В книге имеется огромное количество интереснейших фактов, полезных не только для этнографов, но и зоологов, экологов, деятелей охраны природы, писателей-натуралистов, художни-

ков-анималистов, экофилософов, антропологов, социологов и др. Так, автор проследил изменение отношения у различных славянских народов к тем или иным видам животных в зависимости от вероисповедания. Известно, что славяне-христиане в целом негативно относятся к совам. Однако у мусульман отношение к ним, наоборот, положительное. Поэтому у некоторых южных славянских народов, исповедующих ислам, отмечены только экофильные приметы и традиции по отношению к сове.

Конечно, в своей работе автор не ставил себе природоохранные цели, его книга – сугубо этнографическое исследование. Однако, она ценна тем, что собранный материал может использоваться для интереснейшего социоэкологического анализа народных воззрений.

Вместе с тем хочется отметить и несколько неприятных ошибок, допущенных автором. Так, в главу “Птицы” им помещена летучая мышь, относящаяся к млекопитающим. А рыбы угорь и вьюн попали к змеям.

В целом же я горячо рекомендую познакомиться с этой книгой всем, кто интересуется гуманитарной экологией.

В.Е. Борейко

В чем ценность “зеленого” друга?

Рецензия на книги:

Законов В.А. Лес как благо и символ. Тюмень: ТГУ, 1998. 100 с.

Мартынов А., Доманова Н., Люри Д., Симонов Е., Тишков А. Сколько стоит живая природа? Эколого-экономические аспекты устойчивого развития. Пособие для детей и министров. М.: ЦОДП, 2000. 31 с.

В последнее время все больше появляется книг, авторы которых предлагают своим читателям смотреть на природу не только как на склад ресурсов. И эту тенденцию можно только приветствовать. Но всегда ли им удается достичь поставленной цели?

Научный сотрудник Тюменского государственного института искусств и культуры В.А. Законов издал небольшую работу со звучным названием “Лес как благо и символ”. Предполагая рассмотреть лес в экономическом, аксиологическом (то есть ценностном) и искусствоведческом плане. Однако, почему-то сконцентрировался только на оздоровительной, рекреационной, эстетической ценностях лесов. Совершенно упустив из виду религиозную, историко-культурную, этическую, образовательную, патриотическую, научную и другие полезности “зеленого” друга. Ничего не сказано и о лесе как символе, хотя эта тематика вынесена автором в название книги. Не говорится о том, что мы должны научиться ценить и уважать леса не только за их красоту и духовность, но и за их дикость, неприступность, противодействие человеку. Леса не должны существовать лишь ради удобства человека, ибо они являются не только ресурсом, так как обладают еще и внутренней ценностью, не имеющей полезности для людей.

К сожалению, кроме концептуальных изъянов в книге имеется достаточное количество ошибок и опечаток. Так, известный ростовский эколог Ю.Н. Куражковский назван “философом Ю.Н.

Куражевским” (стр. 83). Нельзя также согласиться с некоторыми неудачными доводами автора. Например, он спорит с немецким философом В. Хесле и американским историком Л. Уайт, мол зря последние обвиняют Смита, Маркса, Риккардо с Богом в придачу в пропаганде идеи господства человека над природой. Что касается Бога (стр. 79), то тут В.А. Законов не совсем точно выразился. Линн Уайт обвиняет не Бога (ибо разные религии предполагают поклонение разным богам), а иудейско-христианскую традицию, поставившую человека на высшую, по отношению к другим существам, ступень. В.А. Законов пишет, что “нам неизвестны деятели церкви, которые бы пренебрежительно относились к природе, лесу, саду” (стр. 80). Но ведь дело совсем не в частностях, а в общей идейной направленности христианства как очень антропоцентрической религии.

Что касается спора В. Хесле с такими видными экономистами как Смит, Риккардо, Маркс, то здесь, по-видимому, В.А. Законов опять не разобрался. Немецкий философ критикует их по той простой причине, что они подходили к природе с позиций утилитаризма, выпустив из виду ее нематериальные ценности.

В целом книга В.А. Законова “Лес как благо и символ”, несмотря на такое звучное название, оставляет слабое впечатление.

Другую книгу, также посвященную нашим ценностным отношениям к ди-

кой природе, издала такая известная на просторах СНГ неправительственная экологическая организация, как Центр охраны дикой природы.

Брошюра “Сколько стоит живая природа?”, как указано на ее обложке, рассчитана на “детей и министров”. Что по моему мнению, является неудачной шуткой. Это – две совершенно разные возрастные и социальные категории. На самом деле книга предназначена для детей: прекрасная полиграфия, красочные, доходчивые рисунки, диалог, который о цене Дерева Жизни ведут со взрослыми дядями девочка Таня и мальчик Карл. Задумка великолепная, и сама книга выполнена хорошо.

Однако есть и небольшие огрехи. Кажется, еще Маршак писал, что книжки для детей должны быть написаны еще лучше, чем для взрослых. К сожалению, авторы рецензируемой работы не всегда руководствовались этим мудрым советом. Прежде всего, у меня претензии к языку. Ну, например, девочка Таня (которой по рисункам на вид лет десять) говорит: “Но Природу надо сохранять сейчас. Вы знаете, как ее уже разрушили и заменили неустойчивыми агроценозами и урбоценозами?” (стр. 22). Покажите мне хоть одну девочку в России или Украине, которая знает, что такое “агроценозы” и “урбоценозы”? А ее товарищ мальчик Карл, видно, всю свою короткую жизнь занимался лишь тем, что озвучивал американские сериалы. Иначе не

выражался бы западными штампами: “Привет, Таня, привет, Дерево! Почему вы такие грустные? Есть проблемы?” (стр. 3).

По замыслу авторов книги дети должны опросить различных специалистов, дабы уяснить для себя (и для читателя) ценность древнего дерева. И вот они беседуют с политиком, экологом, хозяйственником, чиновником, экономистом, юристом, художником, музыкантом. Не знаю, почему так получилось, но представители профессий, которые могли бы раскрыть глаза подрастающему поколению на нематериальные ценности природы, представлены всего тремя специальностями – экологом, художником и музыкантом. Но неужели поэту, историку, писателю, философу, священнику, этнографу, антропологу, врачу, совсем нечего поведать Тане, Карлу и сотням других ребятшек?

Более того, я готов поспорить и со многими специалистами, представленными в книге. Например, с юристом. Он утверждает, что древнее дерево не имеет юридических прав. Но это верно лишь наполовину. Более того, совсем ничего не говорится о моральных правах деревьев. А ведь они, как и все живые существа, имеют право на жизнь. В любом случае это тот важнейший этический момент, о котором обязательно должны помнить дети. И не только.

В.Е. Борейко

Плохо, когда за дело берутся неспециалисты

Рецензия на книгу: Экология и власть. 1917–1990. Документы. М.: Фонд А.Н. Яковлева, 1999. 433 с. Сост.: В.И. Пономарева, А.О. Лацис, М.Б. Новиченко, Т.В. Сорокина, Л.И. Татиевская.

В рамках международного проекта “Россия. XX век. Документы” в Моск-

ве довольно большим по нашим временам тиражем (3 тыс. экземпляров)

вышла прекрасно изданная книга, претендующая познакомить читателя с интересными документами на экологическую тему за обширный период времени – с 1917 по 1990 гг. По сути, в сборник должны были войти неизвестные или почти неизвестные материалы, характеризующие природоохранную (или антиприродоохранную) деятельность советского правительства и местных органов власти. Подобных книг на просторах СССР и постсоветского пространства еще не выходило, архивных материалов в различных московских фондах достаточно, особенно полурассекреченных и нерассекреченных, и признаюсь, я с большой надеждой взял в руки эту книгу: вот найду сейчас нечто интересное.

Однако, мои ожидания не оправдались. Издание представляет бессистемный, на скорую руку собранный сборник документов, нередко не имеющих вообще никакого отношения к экологии.

Например, письмо саратовской конторы братьев Нобель о невозможности отправить огородные семена (стр. 15), докладная о заболевании кур в 1949 г. (стр. 50-53), письмо академика В.И. Вернадского о личных творческих планах (стр. 186-187), письмо К.Э. Циолковского о творческой работе (стр. 187-188) и многое другое.

Другая часть документов, хотя так или иначе связана с природоохранными проблемами, просто не является интересной, так как касается частных вопросов. Например, заключение областных московских чиновников об отпуске леса из подмосковных лесных дач (стр. 23-24). В том же фонде ВСНХ СССР, в котором найден этот документ, имеется очень много любопытнейших свидетельств об охране или уничтожении лесов. Но они почему то не помещены в книгу.

В Москве насчитывается более десятка крупнейших архивов. Однако ра-

бота над составлением книги велась только в трех: Российском госархиве экономики, Госархиве Российской Федерации и немного в Центре хранения современной документации (одном из бывших архивов ЦК КПСС). Другой бывший архив ЦК КПСС вообще не был задействован. А зря – в их фондах имеется очень много уникальных материалов по борьбе с лысенковщиной, дискуссии вокруг романа Л. Леонова “Русский лес”, чернобыльской тематике. Что касается того же Российского госархива экономики, то составители сборника, к сожалению, прошли мимо интереснейших правительственных документов, посвященных разгрому заповедников СССР в 1951, 1957 и 1961 гг.

Крайне небрежно и непрофессионально составлен именной комментарий. Так, например, о классике отечественного заповедного дела Г.А. Кожевникове сказано, что он занимался малярийным комаром, но ни слова о его природоохранной деятельности. Не были отмечены природоохранные заслуги и Ф.Н. Петрова, так много сделавшего для охраны природы. А М.П. Розанов назван “руководителем государственных заповедников СССР” (стр. 349), что не соответствует действительности.

Пару слов о том, что заслуживает внимания. По счастливой случайности в сборник попало несколько действительно интересных документов, достойных публикации. Прежде всего это справка (1949 г.) группы лесников, выступающих против одной из важнейших составных частей Сталинского плана преобразования природы – государственных лесных полос. Поступок этих людей можно считать героическим. Интересно также письмо профессора А.Г. Дояренко, оспаривающего систему обработки почв академика Т.С. Мальцева. Т.С. Мальцев в официальных сельскохозяйственных кругах до сих пор считается непререкаемым авторитетом, и, наверное, это мне-

ние пора пересматривать. Ну и конечно, большой интерес у исследователей истории природоохраны вызовут стенограммы выступлений по “байкальской” тематике секретаря Бурятского обкома КПСС А.У. Модогоева и члена-корреспондента АН СССР И.В. Петрянова-Соколова.

В целом, приходится сожалеть, что подготовка этой книги была поручена не специалистам в области истории природоохраны, а случайным и поверхностным исследователям.

В.Е. Борейко

Обзор книг по природоохранной пропаганде и истории охраны природы, подготовленных и выпущенных Киевским эколого-культурным центром

Е.В. Поминова

Киевский эколого-культурный центр

Украина, 02218, г. Киев, ул. Радужная, 31-48, e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Зеленые и средства массовой информации: грани контакта. Материалы III школы-семинара по программе “Трибуна”. Сост. В.Е. Борейко. Киев-Черновцы: Киевский эколого-культурный центр, 1992. 88 с.

В сборник вошли работы участников школы-семинара — лидеров экологических организаций, журналистов, социологов, народных депутатов. Составитель В.Е. Борейко пишет: “*Это — наша история, и поэтому мы решили, уважая также и авторское право делегатов бывшей всесоюзной школы-семинара по программе “Трибуна”, не вносить каких-либо изменений в их тезисы, а также, в целях распространения сборника в странах ближнего зарубежья, издать его на русском языке*”. Темы работ объединяет одна общая проблема — анализ современных тенденций развития “зеленого” движения, использования экологами средств массовой информации, обобщение имеющегося опыта экологической пропаганды.

В конце сборника приводится резолюция III школы-семинара по программе природоохранной пропаганды “Трибуна”.

В.Е. Борейко, О.Г. Листопад. Как зеленым работать со средствами массовой информации. Киев: ИА “Эко-Восток”, 1994. 32 с.

В книге В.Е. Борейко и О.Г. Листопада рассказывается о методах сотрудничества экологов со средствами массовой информации. Предложены советы по подготовке материалов к печати, использованию прессы в природоохранной пропаганде, проведению экологических игр и конкурсов, “круглых столов”, “прямых линий”, дискуссий и сериалов, художественных конкурсов. В главах “Подружитесь с журналистами”, “Газета как организатор природоохранных дел”, “Экологическая реклама”, “Использование радио, телевидения и других средств информации для охраны природы” даны практические советы по эффективному использованию средств массовой информации в природоохранной пропаганде.

Неформальное экологическое образование детей. Материалы IV Международной школы-семинара по программе природоохранной пропаганды “Трибуна”. Сост. В.Е. Борейко.

Киев-Нижний Новгород: Просвещение., 1994. 92 с.

В сборник по неформальному экологическому образованию детей вошли работы: “Религия и охрана природы”, “Использование народных традиций и поверий в охране природы”, “История юннатского движения”, “Использование лесных знаков”, “Экологическое воспитание и решение экологических проблем”, “Организация природопознавательной и природоохранной работы в школе”, “Народные природоохранные традиции как продукт исторического развития”, “Опыт создания школьного энтомологического заказника “Сосновая горка” при Харьковском Дворце пионеров и школьников”, “Размышления об экологическом воспитании детей”, “Методика проведения экологической работы с дошкольниками и младшими школьниками, экологические сказки и экскурсии”, “Экологическое воспитание и культурное наследие мордовского народа”.

Заканчивает книгу Резолюция IV Международной школы-семинара по программе природоохранной пропаганды “Трибуна” по теме “Неформальное экологическое образование детей”.

В.Е. Борейко. Аскания-Нова: тяжкие версты истории (1826-1933). Серия: История охраны природы. Вып. 1. Киев: Эколого-культурный центр, 1994. 157 с.

Книга В.Е. Борейко рассказывает об истории первого советского заповедника — Аскания-Нова. *“Перед нами попытка взглянуть и осмыслить путь одного из старейших и известнейших в мире заповедников — Аскания-Нова, в истории которого, как в зеркале, отразились все победы и поражения отечественного дела охраны природы”*. Автор собирал материалы для этой книги в партийных архивах, спецхранах и закрытых фондах. История создания и существования заповедника довольно трагична. *“Для нас история запо-*

ведника важна не только как летопись отечественного природоохранного движения со всеми его ошибками и достижениями. Это еще и поучительная повесть о извечной борьбе добра и зла, нравственности и фарисейства, науки и невежества. Борьба за первобытную целинную степь, без которой не было и не может быть Украины”.

Точно следуя историческим событиям, опираясь на документальные источники, цитируя многих известных ученых-природоохранников в главах: “Начало пути (1828-1862)”, “Фридрих Фальц-Фейн (1863-1916)”, “Бунт рабов (1917-1920)”, “В дни поражений и побед (1921-1928)”, “Злой гений Аскании-Нова (1929-1933)”, “Блаженны Вы, когда будут поносить Вас и гнать (конец 1933 года)”, “Ценные указания товарища Сталина (1934-1941)”, “Снова в огне (1941-1943)”, “Тьма сгущается перед рассветом (1944-1953)”, “Зачем лошадь Пржевальского советскому человеку (1954-1965)”, “Город свиноводов (1965-1977)”, “Конец “Троекуровского имения” (1978-1993)” автор проводит публицистическое исследование. В.Е. Борейко принимал активное участие в воссоздании былой славы и статуса заповедника “Аскания-Нова”, лично знаком с Эдуардом Александровичем Фальц-Фейном, единственным потомком основателей “райского сада”, поэтому нет сомнения, что изложенные в книге события предельно объективны и правдивы.

Экологическое образование на базе заповедных территорий. Материалы Международной школы-семинара (“Трибуна-5”). Сост. В.Е. Борейко. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1995. 160 с.

В сборник вошли материалы V Международной школы-семинара, проведенной Киевским эколого-культурным центром 3-5 апреля 1995 г. в Киеве. Сборник состоит из трех частей, которые разделены по темам.

Первая часть — пленарные доклады, куда вошли работы В. Борейко, Т. Андри-

енко, В. Степаницкого, В. Сухомлиновой, посвященные стратегическим вопросам ведения природоохранной пропаганды на базе заповедников и национальных парков.

Вторая часть — “Опыт заповедников и национальных парков” — представляет многообразный опыт с мест.

В третьей части опубликованы материалы по теме “Этнография и религиозные воззрения на службе у заповедного дела”.

Заключает сборник резолюция Международной школы-семинара “Экологическое образование на базе заповедных территорий”.

Сборник является одним из первых в СНГ изданий, полностью посвященных проблеме проведения экопросвещения и природоохранной пропаганды на базе охраняемых природных территорий.

В.Е. Борейко. История заповедного дела в Украине. Серия: История охраны природы. Вып. 2. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1995. 184 с.

Книга В.Е. Борейко — первая изданная в Украине работа по истории заповедного дела. История отечественного заповедания до сих пор не изучалась специалистами, В.Е. Борейко первым сделал попытку подробного исследования за большой период времени — 1850-1980 гг.

Начинает книгу небольшая глава “Празаповедники (X в. – 1850)”. Продолжает ее глава “У истоков заповедного дела (1850-1917)”, где автор рассказывает о классиках отечественного заповедного дела — В.В. Докучаеве, Г.А. Кожевникове, Д.К. Соловьеве, И.П. Бородине, Г.Ф. Морозове, В.И. Талиеве, Д.Н. Анучине, А.П. Семенов-Тянь-Шанском. В.Е. Борейко описывает основные идеи основоположников заповедания, изначальные подходы в заповедном деле, а также рассказывает о зарождении общественного движения за охрану памятников природы в Украине.

Третья глава — “Счастливые тринадцать лет (1917-1930)”. В ней автор исследует

историю заповедного дела во время революции и гражданской войны, когда был создан первый государственный заповедник советской Украины Аскания-Нова. Время с 1926 по 1929 гг. В.Е. Борейко называет “заповедным Ренессансом”. В этот период два основных ведомства — Наркомзем и Наркомпрос одновременно подошли к идее разработки перспективной сети заповедников. В каждой главе книги автор представляет таблицу, в которую входит перечень заповедников с указанием площади и ведомства, которому они были подчинены.

Глава четвертая — “Заповедное дело как тормоз построения социализма (1930-1941)”. *“Охрана природы и большевизм, заповедное дело и хозяйствование по-социалистически — понятия не совместимые. А те заповедники, какие все-таки удалось худо-бедно организовать, и которые выстояли за 70 лет советской власти — родились вопреки, а не благодаря “заботам” коммунистической партии и советского правительства”.*

Глава пятая — “Заповедники в период войны (1941-1944)”. Этот период В.Е. Борейко называет “наиболее темным в истории заповедного дела”. Естественно, во время войны пострадали не только люди, но и природа.

В главе “Трудный взлет и быстрый крах (1944-1954)” идет речь о послевоенных годах. До 1951 г. автор отмечает всплеск природоохраны и активное развитие заповедного дела в России и Украине. Но “...”*реорганизация” отечественной системы заповедников привела к тому, что достичь показателя начала 1951 года в заповедном деле в целом в СССР удалось лишь в 1985 г., в Украине — в 1991 г.”.*

В главе “Что имеем — не храним (1952-1970)” автор описывает период “развитого социализма”, когда “природа Украины быстро дряхлела”. В.Е. Борейко рассказывает о “царских охотах” для руководящих лиц государства.

Заключительная глава книги — “Десятилетие “застоя” (1970-1980)”. Здесь автор

оценивает природоохранную деятельность в Украине в этот промежуток времени, борьбу с “заповедным браконьерством”. *“Заповедное дело двигалось не планоно, а хаотически, благодаря письмам отдельных настойчивых ученых, критическим статьям в прессе или высказываниям государственных лиц”*.

Автор книги приходит к заключению, что в охране природы нужно исходить из этических и эстетических мотивов, норм и правил. *“Народу, в том числе его элитарным слоям и властным структурам нужно доказать, что заповедники, эти феномены природы — наше бесценное достояние. Национальная гордость. Важнейшее условие существования нации. Один из основных атрибутов государства. Люди и власть должны понять, что уровень культуры и науки определяется состоянием заповедников дикой природы, что процент заповедности отражает степень цивилизованности страны. И что творения дикой природы совершеннее, но ранимее творений искусства”*.

В.Е. Борейко. Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860–1960). Серия: История охраны природы. Киев: Киевский эколого-культурный центр. Т. 1 (А – М). Вып. 4. 1995. 192 с. Т. 2 (М – Я). Вып. 5. 1995. 224 с.

Книга В.Е. Борейко — первый сборник, изданный в СНГ, в котором собраны биографии почти всех отечественных деятелей охраны природы (Российская империя — СССР — Украина) за большой промежуток времени — 1860-1960 гг. В сборник вошли имена как знаменитые, так и неизвестные до сих пор. *“Постепенно возвращаются из небытия имена тех, кого почти век не рекомендовано упоминать. Их книги, поступки, идеи. Отработавшие по несколько жизней на неблагоприятном поле*

природоохраны, смело вставшие плохо скрываемой оппозицией сталинскому режиму”. Наряду с русскими и украинскими экологами автор упоминает польских деятелей природоохраны — это Ш. Вердак, В. Дзедушицкий, В. Левицкий, Б. Лучаковский, С. Мацко, О. Мриц, Я. Павликовский, М. Рациборский, Е. Янота; а также румынского ботаника М. Гушуляка, чешского ботаника А. Златника.

Автор словаря-справочника приводит биографические данные, рассказывает о природоохранной деятельности каждого своего героя. Многие из этих людей пожертвовали своей жизнью, о их судьбах В.Е. Борейко узнал из материалов следствий, взятых в архивах Служб безопасности стран СНГ. *“Стараясь быть вне политики, я хочу рассказать о людях диаметрально противоположных по политическим взглядам, членах украинского и российского ЦК компартий, сторонниках Петлюры, Бандеры, генерала Врангеля, эмигрантах и даже гражданах других стран — Чехословакии, Румынии, Польши, в свое время немало сделавших для развития заповедного дела на Западной Украине”*.

Автор приоткрыл завесу истории природоохраны; судьбы людей, участвующих в этой истории достойны, чтобы о них писать и помнить.

В.Е. Борейко. Очерки о пионерах охраны природы. Киев: Киевский эколого-культурный центр. Серия: История охраны природы. Вып. 9. Т. 1. 1996. 208 с. Вып. 10. Т. 2. 1996. 144 с.

Каждая глава книги посвящена отдельной личности, все материалы собраны и написаны автором с большим уважением и любовью к этим людям. В двухтомник вошли очерки о следующих природоохранниках:

В.Г. Аверин — доктор биол. наук, председатель Харьковской областной организации общества охраны природы, член Комиссии по охране природы АН УССР.

И.П. Бородин — академик, вице-президент Российской Академии Наук.

А.А. Браунер — доктор зоологии, член Комитета по заповедникам при ВЦИК, педагог-новатор.

П.Ф. Бузук — заведующий отделом защиты и охраны птиц Русского орнитологического комитета, создатель Хортицкого общества охранителей природы.

Б.С. Вальх — корреспондент Украинского комитета охраны памятников природы.

Н.И. Гавриленко — организатор Полтавского отделения Украинского общества охраны природы, член Комиссии по охране природы АН УССР.

В.Е. Графф — организатор лесных посадок в степи (степного лесоразведения), член многих российских научных обществ, полковник корпуса лесничих, профессор Разумовско-Петровского сельскохозяйственного института.

Н.И. Дергунов — инициатор природоохранной традиции “День птиц”, вложивший много труда в движение юных натуралистов.

В.В. Докучаев — доктор минералогических и геологических наук, организатор краеведческих музеев, первых заповедников.

Г.А. Кожевников — один из основоположников заповедного дела, член Русского Географического общества, организатор и активный участник природоохранных съездов и конференций, автор многих книг и статей по охране природы.

П.К. Козлов — член Постоянной Природоохранительной комиссии при Русском Географическом обществе, организатор многих экспедиций в Тянь-Шань, академик, почетный член Русского, Голландского, Венгерского Географических обществ.

А.П. Корнеев — профессор кафедры зоологии позвоночных Киевского университета, организатор ДОП КГУ, председатель Координационно-методического совета студенческих дружин Украины, автор многих публикаций, лекций, выступлений, статей об охране природы.

Н.И. Кузнецов — доктор ботаники, директор Никитского ботанического сада, ректор Таврического (Крымского) университе-

та, профессор Петербургского Географического института.

Н.М. Кулагин — академик АН БССР и ВАСХНИЛ, один из организаторов Московского общества охраны природы.

В.Н. Макаров — автор многих публикаций по охране природы, редактор журнала “Охрана природы”, создатель советской системы заповедников, заместитель руководителя Главка по заповедникам РСФСР.

В.Э. Мартино — известный зоолог, доктор биологических наук, первый директор Крымского заповедника.

И.К. Пачоский — ученый, некоторое время заведовавший ботаническим отделом научно-степной станции заповедника “Аскания-Нова”, профессор, заведующий кафедрой систематики и географии растений математико-естественного факультета Познаньского университета.

Н.Н. Подъяпольский — автор многих природоохранных книг и публикаций, первый ученый секретарь ВООП, активный участник организации Всероссийского общества охраны природы.

А.П. Протопопов — член Центрального совета Всероссийского общества охраны природы, председатель комиссии ВООП по Крыму.

И.И. Пузанов — председатель Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, профессор, заведующий кафедрой зоологии позвоночных Горьковского университета, член Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК, член ученого совета Главного управления по заповедникам, заведующий кафедрой позвоночных Одесского университета, член Комиссии по охране природы АН УССР, создатель первой в Украине студенческой природоохранной дружины.

Б.Е. Райков — председатель Общества распространения естественно-исторического образования, основатель Ленинградской педагогической станции, редактор журналов “Живая природа”, “Естествознание в школе”, действительный член Академии педнаук СССР.

М.П. Розанов — кандидат биологических наук, доцент МГУ и Тимирязевской сельхозакадемии.

А.П. и В.П. Семеновы-Тян-Шанские — известные ученые-природоохранники, профессор, классики отечественного заповедного дела.

И.И. Спрыгин — организатор Пензенского ботанического сада, директор Пензенского заповедника, доктор биологических наук.

В.В. Станчинский — организатор Смоленского общества естествоиспытателей и врачей, профессор, один из руководителей заповедника Аскания-Нова.

В.И. Талиев — доцент Харьковского университета, декан естественно-исторического отделения этого университета, профессор Тимирязевской сельхозакадемии, заведующий отделом охраны природы при Главмузее Наркомпроса РСФСР.

Ф.Э. Фальц-Фейн — основатель первого в царской России заповедника Аскания-Нова, активный член Постоянной Природоохранительной комиссии при Русском Географическом обществе.

М.С. Шалыт — кандидат биологических наук, заместитель председателя Украинского комитета по охране памятников природы.

Ф.Ф. Шиллингер — инициатор создания Всероссийского общества охраны природы, старший инспектор Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК, ученый специалист по охране природы Наркомпроса, заведующий отделом заповедников Наркомпроса РСФСР.

А.А. Яната — профессор ботаники, член Украинского комитета охраны памятников природы.

О.Г. Листопад, В.Е. Борейко. Нетрадиционные методы в экологическом воспитании и образовании. Серия: Природоохранная пропаганда. Вып. 4. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1996. 128 с.

В первую часть книги, названную “Досуг — с экологией”, включены загадки,

викторины, кроссворды, игры на местности, на развитие чувственного восприятия, конкурсы.

Вторая часть — “Использование народных поверий и традиций в экологическом воспитании”. Учитывая влияние природоохранных традиций на отношение людей к природе, авторы считают необходимым прививать и пропагандировать эти традиции с детских лет. *“Заслуживает внимания создание и распространение новых экофильных, природоохранных традиций, обрядов, примет. Занимаясь этим пока еще новым видом пропагандистской деятельности, необходимо помнить следующее: новые традиции должны строиться на прочной народной основе, то есть органически быть связаны с жизнью народа, его трудом и культурой”*.

Книгу дополняет приложение, в котором предложено большое количество досуговых форм экологического воспитания — кроссвордов, викторин, игр, загадок.

В.Е. Борейко. Дорога к заповеднику. (Природоохранная пропаганда и экопросвещение в заповедных объектах). Москва, : WWF, Экоцентр “Заповедники”, 1996. 120 с.

Автор рассказывает о различных формах и методах проведения природоохранной пропаганды и экологического просвещения на базе заповедных территорий и национальных парков. В.Е. Борейко кратко освещает историю природоохранной пропаганды, ее роль в решении задач заповедных объектов. Автор описывает ценности заповедной природы, а также важную роль фольклора в экологическом просвещении детей. Много внимания уделено использованию народных традиций, организации музеев и передвижных выставок, использованию устной пропаганды, составлению анкет и проведению конкурсов, использованию радио, телевидения, применению плакатов, буклетов, иных средств наглядной печатной природоохранной агитации.

Автор предлагает программу подготовки специалистов по природоохранной про-

паганде и экопросвещению для заповедников и национальных парков.

Цель книги — помочь работникам заповедников и национальных парков в овладении наиболее распространенными приемами и методами природоохранной пропаганды и экологического просвещения.

В.Е. Борейко. Белые пятна истории природоохраны. СССР, Россия, Украина. Киев: Киевский эколого-культурный центр. Т. 1. 1996. 224 с. Т. 2. 1996. 304 с.

Представленный В.Е. Борейко двухтомник — тщательное исследование и описание неизвестных природоохранных событий из жизни СССР.

В первой главе первого тома автор рассказывает о врагах природоохраны, героях культурной революции, активных поборниках принципа не ждать милости от природы. Вторая глава — “Разгром экологии в советской Украине (1929-1939 гг.)”. Автор пишет: *“История охраны природы — это, по сути, мартиролог, летопись боли и героизма. По моим подсчетам на Украине репрессиями 30-х годов уничтожено 40 процентов деятелей охраны природы, и еще 10 процентов эмигрировали в гражданскую и Великую Отечественную войны. Таким образом, вырублен каждый второй”*. В.Е. Борейко поименно перечисляет погибших в те годы природоохранников. В этой борьбе ущерб был нанесен не только природе, но самой идеологии заповедного дела. *“Охрана природы и сталинизм — понятия несовместимые. Природоохранное движение было последней оппозицией Сталину, планам большевиков по переделыванию общества и природы. Природоохрана мешала проматывать природные богатства во славу первых пятилеток, и поэтому должна была пасть”*. В главах “Советская литература как глашатай борьбы с природой” и “Экологическая цензура” В.Е. Борейко рассказывает, как партийное руководство контролировало печать в области природоохраны. *“В СССР была об-*

разована уникальная система по ущемлению экологической гласности. Следствием чего стали колоссальные человеческие жертвы во время экологических катастроф и на территориях, подверженных экологическому кризису”. Далее автор исследует “экологический ленинизм”, разгром природоохранной мысли и практики в СССР в 1929-1939 годах. “Революция — условие уничтожения природы и культуры”. Описана история организации обществ покровительства животным, обществ защиты растений и домашних животных, охотничье-рыболовных обществ, краеведческого движения. *“В итоге мы и в охране природы оказались отброшенными лет на 10-20 назад. Лишь с середины двадцатых, при нечеловеческих усилиях кучки случайно оставшихся в живых ученых-биологов удалось что-то сделать. Однако дело защиты природы в первом в мире социалистическом государстве было обречено на провал. Ибо после изменения общественной жизни у большевиков обязательно должен был появиться соблазн переделать природу. И он появился”*.

Во втором томе В.Е. Борейко рассказывает о малоизвестных природоохранных фактах со времен Петра I. Автор описывает первый разгром советских заповедников в 1951 г. Объемная глава “История охраны птиц (X век — 1964 г.)”. Это исследование законодательства по охране птиц, появления общественных организаций, занимавшихся охраной птиц.

В.Е. Борейко. История охраны природы Украины. Серия: История охраны природы. Вып. 11, 12. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1997. Т. 1 (X век — 1941), 304 с. Т. 2 (1941–1980), 192 с.

Эта книга — первое полное обозрение истории природоохранного движения в Украине, входившей ранее в состав Российской и Австро-Венгерской империй, затем — в состав СССР. Автор охватывает большой период времени с X века по 1980-е

годы. *“Работая над историей природоохраны Украины, я старался опираться только или почти только на архивные источники. Ибо издания, особенно советского периода, грешили недосказанностью и идеологическими штампами”*.

Двухтомник включает в себя основные разделы — “Движение за охрану природы и природоохранная пропаганда”, главы об охране наземных животных, рыб, земли, леса, травянистых растений, зеленых насаждений в населенных пунктах, воды и воздуха, “Заповедное дело”, а также небольшие разделы — “ГЭС и охрана природы”, “Гражданские, военные катастрофы и охрана природы”, “Мелиорация и охрана природы”, “Охрана природы от радиоактивного заражения”. В разделе “Движение за охрану природы и природоохранная пропаганда” В.Е. Борейко рассказывает о истории создания обществ защиты (покровительства) животных и охраны природы, природоохранных организациях и их работе, первых лидерах природоохранного движения, идеях и целях природоохраны.

Во втором блоке двухтомника автор описывает роль экологических традиций и фольклора в охране природы, методы и способы работы природоохранных организаций, как общественных, так и государственных. Приводятся интересные исторические факты, например в главах “Богдан Хмельницкий, Петр I, князь Потемкин и другие защитники зеленого друга”, “Докладная Хрущеву”, “Битва за зеленые Карпаты”, “Похождения на Украине атома “военного””, “Лучше поздно, чем никогда”. Лишь в 80-х годах на Украине наконец-то стали подходить к идее, высказанной еще в начале XX века профессором Г.А. Кожевниковым, а полвека спустя развитой во “Всемирной хартии природы”: — *“любая форма жизни является уникальной и заслуживает уважения, какой бы ни была ее полезность для человека”*.

Третий раздел книги — “Заповедное дело”. *“Феномен заповедного дела в том, что природные заповедные объекты имелись во все времена и у всех народов (в том*

числе и у славян-язычников). В конце XIX века в Западной Европе зародилось неведомое даже наиболее культурным деятелям античности, средневековья и эпохи Просвещения движение за охрану памятников природы. С развитием культуры вместо утилитарных или религиозных мотивов охраны природы стали выдвигаться требования охраны красоты ландшафта, исторических и легендарных памятников, научные и этические мотивы”.

В.Е. Борейко подробно рассказывает о создании первого заповедника советской Украины — Аскании-Нова, а также обо всех заповедниках, существующих на Украине. *“Одним из существенных недостатков заповедного дела на Украине было отсутствие в нем духовности, этико-эстетического направления, что существенно обедняло его поддержку со стороны населения и властных структур. Не чувствовалось в украинском заповедном деле и священного благоговения перед жизнью”*. Славянские народы, в том числе украинцы, всегда испытывали священное чувство по отношению к природе, воспевая его в своих легендах и традициях, но это чувство не нашло места в годы расцвета культа личности и антирелигиозной пропаганды. Изучая историю охраны природы, и не только в Украине, мы имеем возможность исправить свои (или чужие) ошибки.

В.Е. Борейко. Столетие природоохранной пропаганды. Библиографический указатель отечественной литературы (1882 г. – 1996г.). Серия: Природоохранная пропаганда. Вып. 5. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1997. 80 с.

В свой указатель В.Е. Борейко собрал библиографию книг, газетных и журнальных статей, публикаций в сборниках, бюллетнях по вопросам природоохранной пропаганды на русском, украинском, белорусском языках с 1882 г. по 1996 г. Указатель составлен по разделам — “Пресса и природоохранная пропаганда”, “Заповедное

дело и природоохранная пропаганда”, “Кино в природоохранной пропаганде”, “Природоохранная пропаганда устным способом”, “Радио и телевидение в природоохранной пропаганде”, “Наглядная агитация, экологические тропы в природоохранной пропаганде”, “Игры, анкетирования, дискуссии и опросы в природоохранной пропаганде”, “Художественная литература и природоохранная пропаганда”, “Подготовка кадров по природоохранной пропаганде”, “Программа “Трибуна”, “Музеи и выставки в природоохранной пропаганде”, “Использование народных традиций, обрядов, примет, религиозных воззрений, праздников в природоохранной пропаганде”, “Лесопожарная пропаганда”, “Общие вопросы природоохранной пропаганды”, “Об экологических ляпах”, “Периодика по естественно-научной, лесной и рыболовно-охотничьей тематике”.

Н.В. Шарлемань. Природа и люди Киевской Руси. Составитель В.Е. Борейко, научная редакция и комментарии В.Н. Грищенко. Серия: История охраны природы. Вып. 13. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1997. 166 с.

Книга известного украинского зоолога, орнитолога, деятеля охраны природы и заповедного дела Н.В. Шарлеманя написана в 1950-е годы, а издана только сейчас. Она состоит из двух больших работ, объединенных общей темой.

Первая часть называется “Слово о полку Игореве” как источник к познанию природы Киевской Руси”. *“Работая над изучением зоогеографии и истории фауны Украины, автор настоящего исследования для того, чтобы восстановить картину животного мира Киевской Руси, обратился к литературным источникам и памятникам изобразительного искусства”*. Работа состоит из следующих глав: “Общие замечания о посвященной “Слову” литературе”, “Животные, упомянутые в Слове”, “Растения, упомянутые в “Слове”, “Астро-

номические, географические и геоморфологические номенклатура и терминология “Слова”, “Природа на стенописи Софии Киевской, как иллюстрация и дополнение к “Слову”, “Технический язык “Слова о полку Игореве”,” К вопросу о маршруте и датировке событий Игорева похода”, “Попытка точной датировки и синхронизации событий Игорева похода”, “Общие выводы, сделанные на основе естественно-исторического анализа”, “Слово” как своеобразное художественно-научное произведение”.

Н.В. Шарлемань на основе анализа “Слова о полку Игореве” приходит к выводу, что это *“не только вдохновенное художественное произведение, сжатое по форме и необъятное по историко-политическому содержанию, но и своеобразный памятник по краеведению”*. Автора “Слова” можно считать *“предшественником родоношения и еще более — родоначальником русской научной мысли в различных областях знания, главным образом в краеведении”*.

Большое место занимает глава “Новая гипотеза об авторе “Слова о полку Игореве””. Н.В. Шарлемань предлагает свое мнение об авторе “Слова”, основанное на данных природоведческого анализа. “Слово” в свое время было как бы отчетом-исповедью вассала Игоря перед сюзереном Святославом Киевским. В конце этой части Н.В. Шарлемань предлагает таблицу “Сравнительный словарь названий и терминов по природоведению, охотоведению и другим отраслям знания”.

Вторая составляющая часть книги — “Стенопись охотничьего содержания Софийского заповедника — архитектурного музея в Киеве”. Автор изучает стенописи охотничьего содержания Софии Киевской, подробно исследует фауну Киевской Руси на основании стенописи Софийского собора в Киеве и других источников, рассказывает об охотничьем промысле Киевской Руси в XI-XII веках. Н.В. Шарлемань говорит о бытовой стенописи Софийского собора как памятнике национального искусства и источнике по родоношению. *“Ана-*

лиз стенописи охотничьего содержания на стенах ходов на хоры в башнях Софийского собора в Киеве дает основание утверждать, что образчиками для нее были местная природа и местный охотничий промысел”. Автор приводит список рисунков охотничьего содержания из стенописи Софии Киевской в главнейших литературных источниках. “Можно предположить, что в Киевской Руси еще до постройки Софии умели изображать животных, служивших объектами охотничьего промысла”. Анализ содержания охотничьей стенописи Софии привел автора к убеждению, что ее выполняли местные мастера, хорошо знавшие местную фауну и одно из основных занятий широких кругов населения — охотничий промысел.

М.В. Поддубный. Санитарная охрана окружающей среды в России и СССР в первой половине XX века. Серия: История охраны природы. Вып. 16. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1997. 112 с.

Московский историк, кандидат медицинских наук в своей книге рассказывает о истории отечественной охраны окружающей среды. Она состоит из пяти глав, двух приложений — перечня действующего в период 1929-1941 гг. санитарного законодательства (СССР и РСФСР) в области санитарной охраны окружающей среды и списка учреждений СССР, участвующих в разработке проблем санитарной охраны атмосферного воздуха с 1931 по 1937 гг., а также объемной библиографии (287 источников).

В главе первой рассказывается о проблемах охраны окружающей среды в России на период с XVIII века по 1920 г.

Глава вторая знакомит читателя с законодательством СССР в области охраны окружающей среды (1929-1941 гг.). “В отличие от полицейско-запретительного характера санитарного законодательства дореволюционной России, в СССР с начала 20-х годов был принят ряд законодательных актов и нормативов позитивно-

стимулирующей направленности. По мере развертывания социалистического строительства, централизации и унификации структур управления, выдвижения новых политических и экономических задач в сфере санитарного законодательства увеличивался удельный вес актов общесоюзного характера”.

В главе третьей идет речь о теории и практике санитарной охраны окружающей среды в СССР (РСФСР и УССР) с 1929 по 1941 гг., в частности о деятельности научных учреждений и отдельных ученых в этой области, а также отдельно — об охране атмосферного воздуха, водоемов, почвы.

Глава четвертая носит название “Пути решения проблем санитарной охраны окружающей среды в промышленно развитых странах мира в 1930-е годы”, в ней автор предлагает сравнительный анализ охраны почвы, воды и воздуха за рубежом.

Интересна последняя глава — “ПДК — тупиковый ход: взгляд историка”. В ней автор доказывает, что разработка все новых предельно допустимых концентраций вредных веществ, сбрасываемых в окружающую среду — это не тот путь, по которому должна двигаться охрана воды, воздуха и почвы. “В условиях, когда ежегодно мировой рынок пополняется не менее, чем 1500 новых химических веществ, а всего в биосфере циркулирует 50—60 тыс. ксенобиотиков, очевидна и теоретическая бесперспективность разработки новых норм ПДК или допустимых уровней загрязнения окружающей среды... Перспектива развития гигиены в России, как и в других странах СНГ, неотделима от общемировых тенденций в развитии наук об окружающей среде и человеке. Ряд авторов определяет ее как “экологизация гигиены” на путях научной интеграции с другими науками, изучающими биосферу”. Как нельзя человека немного убить, а можно его убить постепенно, так нельзя немножко загрязнить воду, землю, природу — можно постепенно уничтожить среду человеческого обитания. Противостоять этому процессу, а не замедлить его — задача санитарной охраны.

В.Е. Борейко. Иллюстрированная история охраны природы: СССР, Россия, Украина. Серия: История охраны природы. Вып. 17. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1998. 200 с.

В.Е. Борейко называет “Иллюстрированную историю охраны природы: СССР, Россия, Украина” логическим завершением ранее изданных книг, посвященных истории природоохраны. Можно причислить данную книгу к двухтомнику “Истории охраны природы Украины”, т. к. приведенные в ней материалы являются документальным подтверждением авторского исследования. Но и сама по себе “Иллюстрированная история” представляет большой интерес для историков, экологов и широкого круга читателей.

Книга состоит из четырех частей.

В первой части — “Пионеры охраны природы” автор представил фотографии выдающихся природоохранников — больше ста тридцати. Особое чувство вызывают снимки из архивов КГБ — арестантские: А.Ф. Вангенгейма — российского метеоролога, активного деятеля ВООП, К.Т. Холода — председателя Всеукраинского союза охотников и рыболовов, способствовавшего природоохране в УССР, Б.К. Фортунатова — российского и украинского деятеля заповедного дела, В.М. Демьяновича — украинского лесоведа-природоохранника.

Вторая глава книги посвящена практике охраны природы. В ней представлены фотографии, рисунки, карикатуры, карты первых заповедников, природоохранные плакаты 20-х, 30-х, 60-х годов, обложки первых книг и журналов по охране природы, изданных в России и Украине, фотографии съездов и природоохранных акций — Дни птиц и Дни леса в 20-х годах, в которых принимали участие В. Маяковский и Н. Крупская, письма, телеграммы, грамоты, мандаты, природоохранные документы.

В третью главу книги — “Антигерои” — В.Е. Борейко включил фотографии людей, боровшихся с природоохранным дви-

жением, занимавшихся идеологической и физической травлей передовых “инакомыслящих” природоохранников.

Четвертая глава — “Борьба с природой”. Здесь представлены документальные доказательства уничтожения природы. Постановления ЦК КП(б)У, Совминов СССР и УССР, приказы, распоряжения. Автор публикует фотографии тех вождей, кто способствовал борьбе с природой.

Планомерное покорение природных ресурсов путем строительства газопроводов, каналов, ГЭС, мелиорации, в том числе на заповедных территориях — эти деяния привели к гибели больших участков природы, к загрязнению окружающей среды.

Завершают книгу публикации кратких биографий отечественных пионеров охраны природы, которые не вошли в ранее изданный В.Е. Борейко двухтомный “Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860—1960)”.

В.Е. Борейко, В.А. Бриних, А.Б. Климчук. К природе в гости. Советы туристу, рыбаку, охотнику. Серия: Природоохранная пропаганда. Вып. 6. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1997. 80 с.

В книге рассказывается о том, как человек должен вести себя, находясь на природе. “Ни одно существо на земле не может жить в создаваемых им отходах”, — говорил В.И. Вернадский. Отсутствие экологических знаний и ограничений приводит к уничтожению или нанесению вреда природе не только в промышленных масштабах. Человек, по образному выражению В.И. Вернадского, превратился в “геологическую силу”. Авторы книги “К природе в гости” излагают правила поведения для любителей природы. В главах “Прежде чем надеть рюкзак”, “Туристский “перевыгул””, “Ходить ли туристу в заповедник?”, “На лыжах, в моторке и на автомашине”, “По грибы, цветы и ягоды”, “Осторожно с огнем!”, “Рыбак рыбака видит издалека”, “Зовет

охотничья труба”, “С камерой и магнитофоном”, “В пещерах и горах”, “Любить, помогать, воспитывать” предложены советы, как экологически грамотно вести себя на природе. *“В чисто природоохранном плане знакомство с природой обогащает самого человека, помогает ему вовремя прийти на помощь птицам, зверям, рыбам, растениям. У путешественника или экскурсанта развивается наблюдательность, умение мыслить самостоятельно, чувство ответственности, чувство прекрасного. Некоторые наиболее наблюдательные туристы могут оказать ценные услуги ученым-экологам, различным природоохранным организациям”*. В гости люди всегда идут с добрыми намерениями, это правило должно распространяться и на природу, утверждают авторы книги.

В.Е. Борейко. Пути и методы природоохранной пропаганды. Издание второе, дополненное. Серия: Природоохранная пропаганда. Вып. 9. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1998. 280 с.

Первое издание книги В.Е. Борейко “Пути и методы природоохранной пропаганды”, выпущенной в 1996 г. Киевским эколого-культурным центром, разошлось в Украине и странах СНГ за несколько месяцев. Второе издание дополнено очень важными главами “Планирование и выбор форм природоохранной пропаганды”, “Природоохранные и иные мотивации”, “Оценка результатов пропагандистской деятельности”.

В книге рассказывается об истории природоохранной пропаганды с 1860 по 1965 гг., предложены различные методики пропаганды охраны природы. В.Е. Борейко пишет о том, что *“без своевременной оценки результатов пропагандистской работы нельзя говорить об эффективности природоохранной пропаганды”*, перечисляя способы ее определения. Автор описывает различные пути пропаганды охраны фауны и флоры — животного мира, редких растений, использования народных традиций,

взаимодействия с религией. Предложены рекомендации по проведению природоохранной деятельности для работников музеев, зоопарков, ботанических садов, заповедников, национальных парков, природоохранных обществ.

Книгу завершают пять приложений — “Положение о национальном конкурсе им. А.Н. Формозова на лучшие работы по пропаганде охраны птиц”, “Примерная программа подготовки специалистов по природоохранной пропаганде”, “Афоризмы об охране природы”, “Словарь основных терминов природоохранной пропаганды”, “Концепция пропагандистской деятельности для охраняемых природных территорий”.

“Умение пользоваться наглядной агитацией, прессой, радио и телевидением нужно деятелю охраны природы так, как шпага мушкетеру. Без этого он не одержит победы”, — заключение книги В.Е. Борейко.

В.Е. Борейко. Дон Кихоты. История. Люди. Заповедники. Москва: Экоцентр “Заповедники”, ЛОГАТА, 1998. 288 с.

В 1996 г. Киевским эколого-культурным центром был издан двухтомник В.Е. Борейко “Очерки о пионерах охраны природы”. Московский Эколого-просветительский центр “Заповедники” переиздал эту книгу в рамках проекта Всемирного Фонда Дикой природы “Общественная поддержка охраняемых природных территорий и экологическое просвещение”, финансируемого Швейцарским правительством.

Книга “Дон Кихоты. Люди. Заповедники”, в отличие от “Очерков о пионерах охраны природы”, издана большим тиражом, на великолепной бумаге, в твердой обложке, с фотографиями героев очерков. Она будет способствовать восстановлению памяти пионеров охраны природы нашего Отечества.

В.Е. Борейко, В.Н. Грищенко. Спутник юного защитника природы. Из-

дание второе, дополненное. Серия: Охрана дикой природы. Вып. 13. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1999. 304 с.

“Эта книга адресована юному защитнику природы. В ней мы постарались собрать разнообразный отечественный и зарубежный опыт практической охраны дикой природы силами школьников”, — так авторы начинают книгу. В первой главе рассказывается об операциях “Первоцвет”, “Ель”, “День аиста”, “Бумеранг”, “Зеленая толока”, “Кислые дожди”, “День детского разоружения”. Опыт этих акций может быть использован не только детскими природоохранными организациями, но и в средних и начальных школьных учреждениях.

В следующих главах книги авторы рассказывают о том, как создать школьный музей, экологическую тропу, как вести природоохранную пропаганду. Экологи учат любителей природы, как оказать первую помощь больным животным, как помогать рыбам, лягушкам, птицам, насекомым, роднику и речке. Предлагают рекомендации по созданию школьного заказника, выращиванию грибов, первоцветов, лекарственных трав, как садить деревья.

Практические действия по охране природы, которые будут использованы детьми в жизни, сумеют укрепить их любовь к окружающему миру и заботу о нем. Экологическое воспитание молодежи является самым важным элементом природоохранной деятельности.

О.А. Берлова, В.Е. Борейко, В.Б. Колесникова, А.Л. Кочинева. Как экологам работать со средствами массовой информации. Серия: Природоохранная пропаганда. Вып. 13. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2000. 120 с.

В книге предложены советы экологам, которым часто приходится работать со средствами массовой информации. Как разбираться в экожурналистике, выбрать главное,

как использовать средства информации в природоохранной пропаганде — ответы на эти и многие другие вопросы можно найти в книге. Кратко изложена история отечественной мысли и практики природоохранной пропаганды (1860-1965), объясняется понятие “экологическая журналистика”, обсуждается тактика работы в общих и “зеленых” средствах массовой информации, рассказывается об основных источниках экологической информации, объясняются психологические аспекты восприятия экологической информации. В главах “Подружитесь с журналистами”, “Советы по подготовке материала в прессу”, “Пути повышения эффективности газетных выступлений”, “Радио, телевидение и другие средства массовой информации”, “Негативные стереотипы восприятия экологов и журналистов друг другом”, “Осторожно — окрашено зеленым!”, “Другие средства и методы природоохранной пропаганды”, “Природоохранные и иные мотивации”, “Оценка результатов пропагандистской деятельности” даны практические советы по использованию средств массовой информации.

В.Е. Борейко. Записки природоохранника. Серия: История охраны природы. Вып. 20, Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2000. 208 с.

Книга В.Е. Борейко посвящена его воспоминаниям о природоохранной деятельности на протяжении последних 20 лет.

Четыре части книги — “Контора”, “Продавцы воздуха”, “Северный ветер делает викингв”, “В дни поражений и побед” повествуют о личном участии В.Е. Борейко в природоохранном движении с того времени, когда автор “служил” в Президиуме Республиканского совета Украинского общества охраны природы, или попросту говоря — “Конторе” и последующих 20 годах активной жизни и деятельности. Особенно интересны рассказы о восстановлении статуса заповедника Аскания-Нова, движении студенческих дружин по охране природы, экологической организации “Зелений світ”, с которой некоторое время сотрудничал В.Е.

Борейко. Трогательные чувства возникают, когда читаешь главу “О роли женщин в зеленом движении”. Благодарный автор называет соратниц, с которыми у него “установились душевные контакты”. Н. Преображенская, Л. Караванская, М. Голец, К. Холявенко — *“на первых порах они создали пусть небольшой, но довольно влиятельный этический противовес всем тем корыстным помыслам и действиям, что в основном исходили от их коллег-мужчин”*. Не каждый мужчина сумеет сказать подобное, что вызывает уважение к автору книги.

В.Е. Борейко. “Царские охоты”: от Владимира Мономаха до Владимира Щербицкого. Издание второе, дополн. Серия: История охраны природы. Вып. 19. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2000. 96 с.

Царские охоты выдержали второе издание. Книга вызвала большой интерес, т. к. она написана на основе документальных источников в художественно-публицистическом жанре.

Начинает рассказ автор с охот князей и царей. *“Примечательно, что охотничьи забавы времен Киевской Руси были куда более демократичными, нежели при развитии социализме”*. Отношение к природе как к частной собственности, а не всеобщему народному достоянию имело соответствующее влияние и в охоте. Труд, а не забава, один из главных источников дохода — так изначально трактовался смысл человеческой охоты на диких зверей.

Вторая глава книги — “Царские охоты генсеков и министров”. Интересные факты приводит автор: *“Замысел возродить на территории бывшего Советского Союза легендарные “царские охоты” принадлежал Герингу. В 1942 году он нарочно прибыл в Беловежскую пущу для того, чтобы выбрать место под будущий дворец. Специальную комиссию отправил и в Крым. Неосуществленные честолюбивые замыслы Геринга с успехом претворили в жизнь руководители КПСС и советской держа-*

вы”. В.Е. Борейко описывает вопиющее беззаконие по отношению к природе, когда заповедники и заказники реорганизовывались в заповедно-охотничьи хозяйства, т. е. места для охотничьего произвола высших чинов государства. Автор приводит документы, рассказывает возмутительные истории и случаи из охотничьих приключений Щербицкого, Хрущева, Брежнева, других вождей и их прихлебателей.

Название главы “Предсмертные охоты двух Ильичей” говорит само за себя. О начале борьбы с “барским браконьерством” идет речь в главе “Конец “царских охот””. *“Однако не все мирились с беззаконием. Этим благородных рыцарей было не очень много: академики В. Сукачев, Е. Лавренко, Е. Павловский, профессора В. Дубинин, И. Пузанов, А. Формозов, писатели Леонид Леонов и Борис Рябинин, активисты заповедного дела М. Розанов и Ф. Пугач, журналист Н. Якименко”*. К этому списку можно добавить автора книги, В.Е. Борейко. О своем личном участии в борьбе с “царскими охотами” автор рассказывает в пятой главе “Война за святую землю”. Вклад объемный, надо сказать. *“Собирая материал для этой книги, ее автор, бывший инспектор Госкомприроды УССР и журналист, не раз рисковал не только своим положением, но и жизнью. Во многом идеалист, он старается прекратить омерзительную традицию “царских охот”, когда сильные мира сего позволяют себе кровавое избиение всего живого”*.

Заключительная глава книги “Продолжение, к сожалению, следует...”. Во времена, когда в стране правят бывшие криминальные авторитеты, “царские охоты” опять становятся модными. *“Вновь лезут в заповедники “пострелять” высокое начальство, отцы теневых структур, политические деятели. Создаются частные охотничьи, где имеющему деньги и связи дозволено все”*.

Книга снабжена большим количеством редких фотографий, на которых изображены brave участники “царских охот” из элиты общества.

Два симпозиума по биоэтике

25-29 сентября 2000 г. в Киеве прошел первый украинско-британский симпозиум по биоэтике. Симпозиум проводился на базе Киевской медицинской академии последипломного образования им. П.Л. Шупика при поддержке Киевского исследовательского центра “Реал”.

Главной темой симпозиума был вопрос гуманного отношения человека к другому человеку, к животным и природе вообще. В основном обсуждалась проблема аборт, клонирования, трансплантации, евтаназии и др. В работе симпозиума принимали участие известные ученые-медики Оксфордского, Кембриджского, Лондонского университетов, а также наши соотечественники. В заключении обсуждений ученые призвали соблюдать этические нормы поведения в контексте взаимоотношений врачей и пациентов, осторожно относиться к проведению различных медицинских исследований и экспериментов, активно сотрудничать в области медицины, соблюдать правила христианской этики.

4-6 октября 2000 г. в Харькове со-

стоялся Международный симпозиум “Биоэтика на пороге III тысячелетия”. Симпозиум проводился на базе Харьковского университета. Научная программа была посвящена различным аспектам отношений человека к миру живого.

Обсуждались философские, социальные и правовые вопросы биоэтики, альтернативные методы в биологии, медицине, фармакологии и сельском хозяйстве по использованию животных в экспериментах, учебном процессе и промышленном производстве. Пленарные заседания — проводились по следующим направлениям:

I. На пути к этике будущего;

II. В поисках альтернатив;

III. Биоэтика и экология.

4 октября во Всемирный день Защиты Животных состоялась широкомасштабная акция а защиту прав животных, в которой приняли участие представители Украины, России и Великобритании.

Е.В. Поминова

Семинар по экологической журналистике

15-16 ноября 2000 г. в Киеве состоялся семинар “Экологическая журналистика: практика и методология”. Семинар проводился в рамках проекта “Гражданское просвещение” IREX PRO-MEDIA.

В работе проекта принимали участие журналисты украинских областных и районных газет, представители радио и телевидения, преподаватели вузов, представители власти и независимых общественных организаций, юристы.

Рассматривались вопросы экологической журналистики в различных аспектах: “Правовой и политико-экономический контекст”, “Практические аспекты освещения проблем окружающей среды и их эффективность”, “Особенности освещения экологических вопросов в регионах и разных странах”, “Методика преподавания экологической журналистики в СМИ”.

Е.В. Поминова

Международная школа-семинар “Экологическая этика в 21 столетии”

В мае 2001 г. Киевский эколого-культурный центр, Центр охраны дикой природы проводят в Киеве Международную школу-семинар “Экологическая этика в 21 столетии” (“Трибуна – 7”). Семинар будет посвящен 12-летию Киевского эколого-культурного центра. На семинаре предполагается обсудить следующие вопросы:

- История экологической этики;
- Религия и экологическая этика;
- Эстетика и экологическая этика;
- Культура и экологическая этика;
- Народные традиции и экологическая этика;
- Заповедное дело и экологическая этика;
- Права видов и объектов дикой природы;
- Преподавание экологической этики в средней и высшей школе;
- Экофеминизм, глубинная экология, освобождение животных, биоэтика, этика дикой природы;

- Роль экологической этики, культуры и религии в сохранении биоразнообразия;
- Ценность дикой природы;
- Проблемы популяризации экологической этики.

В рамках семинара будут проведены пленарные и секционные заседания, дискуссии, “круглые столы”, расширенное заседание редколлегии “Гуманитарного экологического журнала”, презентация изданий Киевского эколого-культурного центра. По материалам семинара будет издан сборник.

Желающим принять участие в семинаре, а также опубликоваться в сборнике просим направлять заявки и свои материалы по адресу:

02218, Украина, г. Киев,

ул. Радужная, 31-48.

Тел. \ факс (044) 443-52-62.

E-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Особых технических ограничений к присылаемым материалам не имеется.

Киевский эколого-культурный центр планирует издать в 2001 г. следующие книги:

1. В.Е. Борейко. Современная идея дикой природы. 150 стр.

2. В.Е. Борейко. История охраны природы Украины. Двухтомник, издание второе, дополненное. 700 стр.

3. В.Е. Борейко. Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской

России и СССР (1860-1960). Двухтомник, издание второе, дополненное. 650 стр.

4. Материалы школы-семинара “Трибуна-7”. Экологическая этика в 21 столетии. 200 стр.

5. В.Е. Борейко, Н.В. Морохин, Е.В. Поминова. Словарь по гуманитарной экологии. 150 стр.

Правила для авторов

1. “Гуманитарный экологический журнал” публикует статьи по гуманитарным аспектам экологии и охраны природы: экологическая этика, эстетика, теология, этнософия, этнография, культурология, социология, социальные проблемы охраны природы, конфликтология, история охраны природы и т. п.
2. Принимаются статьи объемом до 1 печатного листа (24 стр. машинописи или около 40 тыс. знаков компьютерного текста). При компьютерном наборе предпочтительны файлы в текстовом формате (не использовать выравнивание, переносы и линии в таблицах!) или подготовленные в одной из версий Word for Windows. Помимо файла (на дискете или электронной почтой) в редакцию нужно высылать и распечатку текста статьи.
3. Работы печатаются на русском или английском языках. По желанию авторов статьи на русском языке могут сопровождаться английскими резюме.
4. Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельной странице. Фотографии должны быть хорошего качества на глянцевой бумаге.
5. Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы, а также отклонять не отвечающие данным требованиям.

— Исповедовал ли ты экологию? Благоговел ли ты перед жизнью? Сотрудничал ли ты с журналом Гуманитарным экологическим?

Рис. Э.Д. Шукурова

Выходит 2 раза в год. Формат 70 x 100/16. Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 9,03.

Печать офсетная. Подписано в печать 5.02.2001 г. Заказ № 48.

Напечатано с готовых диапозитивов в МКП “Склавия-94”, г. Черновцы, ул. Головна, 198а.

СОДЕРЖАНИЕ

Наука и публицистика

- Горб К.Н. Оценка эстетических достоинств природных ландшафтов
Украины в целях заповедания: методические принципы и результаты
исследований 3
- Чебанов С.В. Что такое экология человека? 12

История охраны природы

- Поминова Е.В. Джон Мюир — пионер и идеолог заповедного дела США ... 25

Дискуссии

- Борейко В.Е. Три идеологии современного заповедного дела 33
- Грищенко В.Н. Четвертая идеология заповедного дела 42
- Стоун К. Должны ли деревья иметь права? 56
- Кантор Д. “Интересы” природных объектов 60
- Борейко В.Е. Зачем нужны права дикой природе 67

Экодайджест

- Ямпольский М.Б. К символике водопада 70
- Кодекс поведения в отношении диких растений 76

Из отечественной классики

- Жирмундский В. Мистика природы и натурфилософия 77
- Шмидт Р.В. К вопросу о возникновении культа деревьев 84

Опыт работы

- Михайлова Т. Марийские священные рощи 86
- Литература по экологической теологии 88

Художественный уголок

- Стихи в честь Дикой Жизни 91
- Эбби Э. Враг 93

Критика и библиография

- Борейко В.Е. Антология экологической теологии 94
- Борейко В.Е. Славянские традиции, связанные с природой 95
- Борейко В.Е. В чем ценность “зеленого” друга? 96
- Борейко В.Е. Плохо, когда за дело берутся неспециалисты 97
- Поминова Е.В. Обзор книг по природоохранной пропаганде и истории
охраны природы, подготовленных и выпущенных Киевским экологи-
культурным центром 99

Хроника и информация

- Поминова Е.В. Два симпозиума по биоэтике 113
- Поминова Е.В. Семинар по экологической журналистике 113
- Международная школа-семинар “Экологическая этика в 21 столетии” 114